

СТИВЕН

КИНГ

ВОЛКИ КАЛЫ

Из цикла «Темная Башня»

Стивен Кинг
Волки Кальи
Серия «Темная Башня», книга 5

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122221

Волки Кальи: Из цикла «Темная Башня» : [роман] / Стивен Кинг: АСТ:

АСТ МОСКВА; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-033699-9, 978-5-9713-0696-2

Аннотация

Странствие Роланда Дискейна и его друзей продолжается...

И теперь на пути их лежит маленький городок Калья Брин Стерджис, жители которого раз в поколение платят страшную дань посланникам Тьмы – Волкам Кальи!

Читайте пятую книгу легендарного сериала «Темная Башня»!

Содержание

Краткое содержание предыдущих книг	6
Сопrotивление 19-ти	16
Пролог	16
1	16
2	29
3	35
4	59
Часть 1	66
Глава 1	66
1	66
2	71
3	77
4	82
5	85
Глава 2	86
1	86
2	92
3	93
4	96
5	99
6	100
7	102
8	106

9	109
10	115
11	116
Глава 3	122
1	122
2	123
3	125
4	131
5	133
6	135
7	138
8	143
9	146
Глава 4	148
1	148
2	153
3	158
4	163
5	167
6	173
7	178
8	180
9	190
10	193
Глава 5	199
1	199

2	200
3	202
4	209
5	211
6	213
Глава 6	220
1	220
2	224
3	232
4	239
5	251
Глава 7	262
1	262
2	266
3	272
Конец ознакомительного фрагмента.	273

Стивен Кинг

Волки Кальи

*Эта книга посвящается Фрэнку Мюллеру,
который слышит голоса в моей голове.*

Краткое содержание предыдущих книг

«Волки Кальи¹» – пятая книга долгого повествования, навеянного поэмой Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел». Шестая книга, «Песнь Сюзанны», будет опубликована в 2004 г. Седьмая и последняя – «Темная башня», в том же году, но позже.

В первой книге, «Стрелок», рассказывается, как Роланд Дискейн из Гилеада преследует и наконец настигает Уолтера, человека в черном, обманом завоевавшего дружбу отца Роланда, но на самом деле служившего Алому Королю из далекого-далекого Крайнего мира. Для Роланда настигнуть получеловека Уолтера – первый шаг на пути к Темной Башне. Добравшись до нее, он надеется остановить ускоряющее-

¹ На языке оригинала название книги «Wolves of the Calla». Слово Calla – испанского происхождения, а потому читается и, соответственно, пишется по правилам испанского языка, то есть Калья. – *Здесь и далее примеч. пер.*

ся разрушение Срединного мира и неуклонное уничтожение Лучей, а возможно, и повернуть эти процессы вспять.

Темная Башня – навязчивая идея Роланда, его чаша Граля, на момент нашей встречи с ним он и живет только потому, что хочет ее найти. Мы узнаем, что Мортен пытался, когда Роланд был еще подростком, устроить все так, чтобы его в бесчестии «изгнали на запад», стремился убрать эту крупную фигуру с доски большой игры, но Роланд, однако, рушит планы Мортена, главным образом, благодаря удачному выбору оружия в испытании на право зваться мужчиной.

Стивен Дискейн, отец Роланда, посылает сына и двух его друзей (Катберта Олгуда и Алена Джонса) в прибрежный фео-од Меджис в основном потому, что там до него не мог дотянуться Уолтер. В этом маленьком феоде Роланд влюбляется в Сюзан Дельгадо, которая прогневала ведьму. Риа с Кооса завидует красоте Сюзан, она особенно страшна, потому что владеет одним из хрустальных шаров, известных как Радуга Мэрлина, или Магические кристаллы. Этих шаров тринадцать, и самый могущественный и опасный из них – Черный Тринадцатый. Много случается с Роландом и его друзьями в Меджисе, и хотя им удается спастись (и даже прихватить с собой Розовый шар), Сюзан Дельгадо, красивая девушка в окне, погибает: ее сжигают на костре. Об этом рассказывается в четвертой книге – «Колдун и кристалл». Подзаголовок этого романа: «ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ».

Из цикла книг о Темной Башне мы узнаем, что мир стрел-

ка прочно, пусть и непостижимым образом, связан с нашим миром. Первая из этих связей обнаруживается, когда Джейк, мальчик из Нью-Йорка 1977 г., встречается с Роландом на станции заброшенной дороги через много лет после смерти Сюзан Дельгадо. Между миром Роланда и нашим существуют двери, и одна из них – смерть. Джейк обнаруживает себя на заброшенной станции, после того как на Сорок третьей улице его сталкивают с тротуара под колеса автомобиля и он гибнет. За рулем автомобиля был некий Энрико Балазар. Толкал мальчика маньяк-убийца по имени Джек Морт, представитель Уолтера на нью-йоркском уровне Темной Башни.

Прежде чем Роланд и Джейк настигают Уолтера, Джейк гибнет снова... на этот раз потому, что стрелок, поставленный перед мучительным выбором, – символический сын, или Темная Башня, выбирает Башню. И последние слова Джейка перед падением в пропасть: «Тогда иди... есть и другие миры, кроме этого».

В решающей схватке Роланд и Уолтер сходятся на берегу Западного моря. В ночь долгих переговоров человек в черном предсказывает будущее Роланда с помощью необычных карт Таро. Особое внимание Роланда привлекают три карты: Узник, Госпожа теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

Действие романа «Извлечение троих» (подзаголовок: «ВОЗРОЖДЕНИЕ») начинается на берегу Западного моря, вскоре после того, как Роланд приходит в себя после схватки с Уолтером. На обессиленного стрелка нападает стая плото-

ядных ползучих чудовищ, омароподобных тварей, и, прежде чем стрелок успевает ретироваться, они наносят ему тяжелые раны. Стрелок теряет два пальца на правой руке. Кроме того, в раны попадает яд. Роланд продолжает свой путь вдоль Западного моря. Он слабеет... возможно, умирает.

Ему встречаются три двери, стоящие прямо на берегу. Все открываются в Нью-Йорк нашего мира, но в разные времена. Из 1987 г. Роланд «извлекает» Эдди Дина, наркомана, подсевшего на героин. Из 1964 г. – Одетту Сюзанну Холмс, женщину-калеку, которой в подземке до колен отрезало ноги: маньяк Джек Морт толкнул ее под приближающийся поезд. Одетта действительно Госпожа теней, в ее мозгу прячется еще одна злобная личность. Эта прячущаяся женщина, агрессивная и коварная Детта Уокер, стремится убить Роланда и Эдди после того, как стрелок перетаскивает ее в Средний мир.

Роланд думает, что он, возможно, уже «извлек» троих – Эдди и Одетту, поскольку в Одетте «живут» два человека, однако когда Одетта и Детта сливаются в Сюзанну (во многом благодаря любви и отваге Эдди), стрелок понимает, что его предположение ошибочно. Знает он и другое: его мучают мысли о Джейке, мальчике, говорившем перед самой смертью о других мирах.

Роман «Бесплодные земли» (подзаголовок «ИСКУПЛЕНИЕ») начинается с парадокса: для Роланда Джейк одновременно и жив, и мертв. В Нью-Йорке конца 1970-х годов

Джейка Чемберза гложет тот же вопрос: жив он или мертв? Какой он на самом деле? Убив громадного медведя, Миа (так звали его древние, боявшиеся его), или Шардика (так называли его Великие древние, создавшие медведя, который на поверку оказался киборгом), Роланд, Эдди и Сюзанна идут по следу чудовища и находят Тропу Луча, известную как Шардик-Матурин или Медведь-Черепаша. Когда-то таких Лучей было шесть, они проходили между порталами, или вратами, возведенными на границе Срединного мира. В точке пересечения Лучей, в центре мира Роланда, и стоит Темная Башня, связующее звено всех времен и миров.

К этому времени Эдди и Сюзанна более не пленники мира Роланда. Любящие друг друга, сами уже почти стрелки, они становятся полноправными участниками поисков Темной Башни и по своей воле следуют за Роландом, последним стрелком, по Дороге Шардика, Пути Матурин.

В говорящем круге, неподалеку от Врат Медведя, время таеет, парадокс самоустраняется и появляется третий «извлеченный». Джейк возвращается в Срединный мир по завершении опасного обряда, когда все четверо, Джейк, Эдди, Сюзанна и Роланд, вспоминают лица своих отцов и вновь знакомятся друг с другом. Вскоре после этого квартет становится квинтетом: Джейк находит себе нового друга, ушастика-путаника, зверька, похожего на помесь енота с сурком, а заодно немножечко с таксой, обладающего зачатками человеческой речи. Джейк называет нового друга Ыш.

Путь приводит пилигримов в Лад, полуразрушенный город с бесконечным конфликтом между деградирующими потомками двух враждующих группировок. По дороге к Ладу они попадают в крошечный городок, Речной Перекресток, где встречают нескольких стариков, выживших из давних времен. Эти прямые потомки Древних людей признают в Роланде пришельца из далекого прошлого, существовавшего до того, как сдвинулся мир, с почетом принимают и стрелка, и его спутников. Старики также рассказывают им о монорельсовом поезде, который до сих пор курсирует из Лада в Бесплодные земли, вдоль Тропы Луча, к Темной Башне.

Джейк напуган этими новостями, но не удивлен. Перед тем как перенестись из Нью-Йорка в Срединный мир, он купил две книги в магазине, принадлежащем некоему Келвину Тауэру. Одна из них – книга загадок с вырванными ответами. Вторая – «Чарли Чу-Чу», детская история о поезде, в которой явственно слышатся отголоски Срединного мира. Ведь слово «чар» означает «смерть» на Высоком Слоге, языке, на котором Роланд говорил в Гилеаде.

Тетушка Талита, матриарх Речного Перекрестка, дарит Роланду нательный серебряный крестик, и путники отправляются дальше. Когда они переходят реку Сенд по дышащему на ладан мосту, Джейка похищает Гашер, умирающий (но очень опасный) бандит. Своего юного пленника Гашер утаскивает под землю, приводит к Тик-Таку, главарю банды седых.

Пока Роланд и Ыш разыскивают Джейка, Эдди и Сюзанна находят Колыбель Лада, ангар, где бодрствует тот самый монорельсовый поезд, о котором говорили старики в Речном Перекрестке. Блейн Моно – последний наземный компонент огромного компьютерного комплекса, расположенного под городом Лад. Блейн обещает отвезти путешественников на конечную станцию монорельсовой дороги... если они загадают ему загадку, которую он не сможет разгадать. В противном случае, говорит Блейн, поездка закончится их смертью.

Роланд спасает Джейка, оставляя Тик-Така умирать, но Эндрю Шустрому удастся избежать смерти. Полуослепшего, с жуткой раной на лице, его спасает Ричард Фаннин, который также называет себя Незнакомцем Вне Времени. Фаннин – демон, о котором предупреждал Роланда Уолтер.

Из умирающего города Лада путешественники уезжают на монорельсовом поезде. Тот факт, что мозговой центр, управляющий поездом, – компьютер, расстояние от которого все увеличивается и увеличивается, не имеет ровно никакого значения. Розовая пуля несется по едва держащемуся на опорах рельсу со скоростью, превышающей восемьсот миль в час. Их единственный шанс выжить – загадать Блейну загадку, на которую компьютер не сможет найти ответ.

В первой части романа «Колдун и кристалл» Эдди загадывает компьютеру такую загадку, уничтожает Блейна уникальным оружием человека: алогичностью. Монорельсовый поезд останавливается на станции города, который в этом

мире является аналогом города Топика, штат Канзас, нашего мира. Все население города уничтожила болезнь, прозванная «супергриппом». Ка-тет Роланда продолжает свой путь по Тропе Луча (теперь она трансформируется в апокалиптическую версию автострады 70) и видит тревожные надписи. «ДА ЗДРАВСТВУЕТ АЛЫЙ КОРОЛЬ²» – гласит одна. «БЕ-РЕГИСЬ ХОДЯЧЕГО ТРУПА» – предупреждает другая. И, как поймут пронизательные читатели³, имя у Ходячего Трупа очень уж созвучно с Ричардом Фаннином.

Рассказав своим друзьям историю Сюзан Дельгадо, Роланд вместе с ними подходит к дворцу из зеленого стекла, построенному поперек А-70, дворцу, напоминающему тот, что увидела Дороти Гейл в книге «Волшебник страны Оз». Но в тронном зале дворца они находят не Оза Великого и Ужасного, а Тик-Така, последнего беглеца из Лада. Со смертью Тик-Така на сцену выходит настоящий Колдун. Давний заклятый враг Роланда Мортен Брудклоук, известный в некоторых мирах как Рэндалл Флегг, в других как Ричард Фаннин, в третьих как Джон Фарсон (Добрый Человек). Роланду и его друзьям не удастся убить этого Мортена Брудклоука, который в последний раз просит их прекратить поиски Темной Башни («В меня он не выстрелит, старина. Ни

² В русском переводе романа «Колдун и кристалл» надпись гласит: «Да здравствует «Кримсон кинг». Переводчик, зная любовь Кинга к рок-музыке, отталкивался от названия соответствующей группы. Время внесло коррективы.

³ Под пронизательными понимаются те, кто читал «Противостояние».

на что, кроме осечки, не рассчитывай»), но они заставляют его бежать.

После того как странники еще раз заглядывают в Магический кристалл и узнают ужасное: Роланд из Гилеада убил свою мать, решив, что это ведьма Риа, они опять переносятся в Срединный мир, на Тропу Луча. Продолжают путь к намеченной цели, и мы встретимся с ними на первых страницах романа «Волки Кальи».

«Краткое содержание» никоим образом не может служить адекватной заменой первых четырех книг цикла «Темная башня». Если вы не прочитали их до того, как взяли в руки эту книгу, убедительно прошу вас это сделать или отложить роман «Волки Кальи» в сторону. Эти книги – части одного долгого повествования, и лучше прочитать его от начала до конца, чем начинать с середины.

«Мистер, наше дело – свинец».

Стив Маккуин в «Великолепной семерке»

«Сначала улыбка, потом ложь».

На конце – выстрелы».

Роланд Дискейн из Гилеада

Кровь одна и та же в жилах

Наших течет.

Гляну в зеркало и вижу,

Там твое лицо встает.

Дай же руку,

И вперед.

Свобода нас ждет,

*Мальчик мой странник.
Родни Кроуэлл*

Сопротивление 19-ти

Пролог Рунт⁴

1

Тиана благодетельствовали (пусть и редко кто из фермеров употреблял такое слово) тремя участками земли: Речным полем, на котором его семья выращивала рис с незапамятных времен, Придорожным полем, где поколения Джеффордсов долгие годы сажали свеклу, тыкву и пшеницу, и Сучьим сыном, неблагоприятным участком земли, богатым только камнями, мозолями и несбывшимися надеждами. Тиан был не первым Джеффордсом, решившим добиться какой-то отдачи от двадцати акров земли, расположенных за жилищем. Его дед, в остальном совершенно нормальный человек, пребывал в убеждении, что на Сучьем сыне можно найти золото. Мать Тиана верила, что участок годится для выращивания порина – пряности, стоившей немалых денег.

⁴ Слово goont из лексикона жителей южных штатов. Имеет несколько значений, в том числе – испорченный, загубленный.

Тиан же заикнулся на мадригале. Разумеется, на Сучьем сыне мог расти мадригал. *Должен* расти. Он уже приобрел тысячу семян (и обошлись они ему в кругленькую сумму), которые теперь хранились под половицей в спальне. До посева следующей весной оставалось только одно: подготовить землю на Сучьем сыне. И задача эта была не из легких.

Клан Джеффордсов облагодетельствовали домашним скотом, в том числе тремя мулами, но только безумец мог попытаться использовать мула для вспашки Сучьего сына. Несчастливая животина, на которую пал бы выбор, еще до полудня первого дня лежала на земле со сломанной ногой или до смерти зажаленная. Один из дядьев Тиана несколько лет назад лишь чудом избежал такой участи. Он прибежал к жилищу, крича во весь голос, преследуемый пчелами-мутантами с жалами в ноготь длиной.

Они нашли то гнездо (точнее, гнездо нашел Энди, которому любые пчелы нипочем) и сожгли его с помощью керосина, но ведь могли быть и другие. А еще были норы. Множество нор, а норы-то не сожжешь, не так ли? Нет, не сожжешь. Сучий сын находился, как говорили старики, на «шатающейся земле», и норы там числом не уступали камням, не говоря уже по крайней мере об одной пещере, выплевывающей отвратительный, дурно пахнущий воздух. Кто знал, какие демоны и злые духи обитали в ее черных глубинах?

Самые опасные норы находились не там, где их мог увидеть человек или мул. И не думайте, сэй, ни в коем разе.

Ноголомы всегда скрывались под островком сорняков или в высокой траве. Если мул наступал на нору, раздавался хруст, словно сломалась ветка в лесу, а через мгновение он уже лежал на боку, ощерив зубы, выкатив глаза, ржал в агонии; не оставалось ничего другого, как избавить его от страданий. А домашний скот в Калья Брин Стерджис берегли и ценили, хотя он и не отличался породой.

Поэтому Тиан запряг в плуг сестру. Почему нет? Тиа была рунтом, следовательно, ни для чего другого практически не годилась. Девушка крупная, как все рунты, она и не возражала. Человек-Иисус любил ее. Старик сделал ей Иисус-дерево, он называл его распятием, и она всегда носила его. Вот и теперь оно болталось взад-вперед, из стороны в сторону, ударяя по потной коже, когда она с силой тянула плуг за собой.

Плуг крепился к ее плечам кожаной упряжью, а позади, вцепившись в железные рукоятки, пыхтел Тиан, вжимая лемех в землю и стараясь не споткнуться об отвалы. Полная Земля подходила к концу, но на Сучьем сыне было жарко, как в разгар лета. Комбинезон Тиа потемнел и промок от пота и плотно облегал ее длинные мясистые бедра. Всякий раз, когда Тиан вскидывал голову, чтобы отбросить волосы, падавшие на глаза, во все стороны летели брызги пота.

– Осторожнее, сука! – крикнул он. – Ты тащишь плуг на валун, который может его сломать. Или ты слепая?

Не слепая, не глухая – всего лишь рунт. Она потянула вле-

во, и сильно. Тиана рвануло следом, и он ударился голенью о большой камень, которого не видел и который, вот уж чудо, не задел плуг. Чувствуя, как первые теплые струйки потекли по лодыжке, Тиан задался вопросом: ну почему Джеффордсов постоянно тянет сюда, к Сучьему сыну? В глубине души он понимал, что толку от посадки мадригала будет не больше, чем от порина, расти тут могла только бес-трава. Если б он захотел, мог бы засадить этой дрянью все двадцать акров. Да только первейшая задача фермера на Новую Землю заключалась, чтобы выдернуть все ее всходы. Она...

Плуг дернуло вправо, потом рвануло вперед с такой силой, что руки Тиана едва не вывернулись из плечевых суставов.

– Эй! – прорычал он. – Полегче, девочка! Если ты мне их оторвешь, заново они не вырастут!

Тиа подняла широкое потное тупое лицо к небу с нависшими над землей облаками и расхохоталась. Человек-Иисус, даже смехом она напоминала осла. И тем не менее это был смех, человеческий смех. Она понимала смысл его слов или реагировала только на интонации? Рунты вообще что-нибудь...

– Добрый день, сэй, – раздался над ухом громкий, начисто лишенный эмоций голос. Его владелец полностью проигнорировал испуганный вскрик, который издал Тиан. – Приятных тебе дней, и пусть долго длятся они на земле. Я вернулся из долгих странствий и теперь к твоим услугам.

Тиан обернулся, увидел стоящего за спиной Энди, все его семь футов, и едва не упал, потому что его сестра вновь шагнула вперед. Ремни хомута вырвались из его рук и обвилились вокруг шеи. Тиа, ничего не замечая, сделала еще шаг – у Тиана перехватило дыхание. Энди наблюдал за происходящим с обычной широченной и бессмысленной улыбкой.

Еще шаг, и Тиана сшибло с ног. Копчиком он приземлился на камень, но хотя бы получил возможность дышать. Во всяком случае, на мгновение. Поганое несчастливое поле! Всегда таким было! И всегда будет!

Тиан ухватился за кожаный ремень до того, как он вновь затянулся на шее, и закричал: «Стой, сука! Стой, если не хочешь, чтобы я оторвал твои здоровенные и бесполезные сиськи!»

Тиа тут же остановилась и оглянулась, чтобы посмотреть, с чего столько шума. Ее улыбка стала еще шире. Она подняла мускулистую руку, блестящую от пота, указала на семифутовую фигуру.

– Энди! – сказала она. – Энди пришел!

– Я не слепой, – пробурчал Тиан и поднялся, потирая задницу. Там у него тоже пошла кровь? Добрый Человек-Иисус, он полагал, что да.

– Добрый день, сэй, – поздоровался с ней Энди, три раза постучал по металлической шее тремя металлическими пальцами. – Длинных дней и приятных ночей.

Хотя Тиа тысячу, а то и более раз слышала стандарт-

ный ответ: «И пусть твои продлятся в два раза дольше», – она смогла лишь поднять к небу широкое лицо идиотки и рассмеяться ослиным смехом. Тиан почувствовал щемящую боль, не в руках, не в пораненной ноге, не в ушибленном затылке, а в сердце. Он смутно помнил Тиа маленькой девочкой, красивой, шустрой, как стрекоза, умной, сообразительной. А теперь...

Но прежде чем эта мысль окончательно сформировалась, у него возникло дурное предчувствие. И сердце упало. «Что-то случилось, пока я здесь пахал, – подумал Тиан. – Неужто пришло то самое время, хуже которого не бывает?» Пора ведь. Давно пора.

– Энди. – Он повернулся к роботу.

– Да! – Энди улыбался. – Энди твой друг! Вернулся из дальних странствий и к твоим услугам. Хочешь услышать свой гороскоп, сэй Тиан? Сейчас Полная Земля. Луна красная, и в Срединном мире такая луна называется Охотничьей. К тебе придет в гости друг! В делах будет сопутствовать удача! У тебя возникнут две идеи, одна хорошая и одна плохая...

– Плохая заключалась в том, что я решил вспахать это поле, – пробурчал Тиан. – О моем чертовом гороскопе забудь. Чего ты приперся сюда?

В улыбке Энди скорее всего не могла читаться тревога – в конце концов он был роботом, последним в Калье Брин Стерджис и на многие мили и колеса вокруг, но Тиану по-

казалось, что он ее разглядел. Выглядел робот как ребенок-переросток, невообразимо высокий и невообразимо тощий. Руки и ноги серебрились. Голова напоминала стальной бочонок с электрическими глазами. Тело, обычный цилиндр, отливало золотом. На цилиндре, примерно в том месте, где у человека находится грудь, крепилась табличка:

СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ

ПРИ УЧАСТИИ

**ПРОМЫШЛЕННОЙ
КОМПАНИИ ЛаМЕРКА**

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ЭНДИ

**Назначение: ПОСЫЛЬНЫЙ
(много других функций)**

Серийный № DNF-44821-V-63

Почему и как эта глупая железяка выжила, хотя остальные роботы исчезли, и исчезли много поколений назад, Тиан не знал и не хотел знать. Энди постоянно мотался на Калье

(но никогда не выходил за ее пределы), вышагивая на невероятно тонких серебристых ногах, все высматривал, иногда внутри него что-то щелкало, словно он набирал (а может, наоборот, стирал, кто знает) информацию. Он пел песни, распространял слухи и сплетни, не знающий устали ходок Энди, робот-посыльный; но больше всего ему нравилось сообщать каждому встречному его гороскоп, хотя все давно сошлись во мнении, что гороскопы эти очень уж далеки от действительности.

Но была у Энди еще одна функция, которая воспринималась очень серьезно.

– Почему ты пришел сюда, старый мешок, набитый гайками и болтами? Отвечай мне! Неужели Волки? Они идут из Тандерклепа?

Тиан снизу вверх смотрел на глупое улыбающееся металлическое лицо, пот на его коже превратился в ледяную корку. Он молился всем богам, чтобы железный человек ответил «нет», потом вновь предложил составить гороскоп, готов был даже спеть песню «На зеленом кукурузном поле», все двадцать или тридцать куплетов.

Но Энди, все так же улыбаясь, коротко ответил: «Да, сэй».

– Христос и Человек-Иисус, – вырвалось у Тиана (вроде бы Старик говорил ему, что это два названия одного и того же, но уточнять он не стал). – Как скоро?

– До их прибытия один лунный день, – ответил Энди, продолжая улыбаться.

– От полной до полной луны?

– Практически да, сэй.

Значит, тридцать плюс-минус один или два дня. Тридцать дней до прибытия Волков. И никакой надежды, что Энди ошибается. Никто не мог объяснить, каким образом Энди удается заранее узнавать о прибытии Волков из Тандерклепа, но он это знал. И никогда не ошибался.

– Будь ты проклят со своими плохими новостями! – воскликнул Тиан и пришел в ярость от дрожи в собственном голосе. – Какой от тебя прок?

– Я сожалею, что новости плохие, – ответил Энди. Внутри у него что-то защелкало, синие глаза заблестели ярче, он отступил на шаг. – Не хочешь выслушать свой гороскоп? Сейчас самый конец Полной Земли, когда особенно важно завершить все старые дела и встретиться с новыми людьми...

– Да пошел ты со своими пророчествами! – Тиан наклонился, поднял ком земли и бросил в работа. Камешек, прятанный в коме, звякнул, ударившись о металлический бок Энди. Тиа ахнула, потом начала плакать. Энди отступил еще на шаг, его тень длинной полосой двигалась по поверхности Сучьего сына. Но на лице по-прежнему оставалась ненавистная глупая улыбка.

– Как насчет песни? Я услышал очень забавную от Мэнни, далеко к северу от деревни. Она называется «Когда тебе грозит беда, надейся только на себя». – Где-то в чреве Энди зазвучала музыка. – Она начинается...

Пот градом катился по щекам Тиана, штаны, мокрые от пота, прилипли к бедрам. Запах его Тиан терпеть не мог. И Тиа ревела, обратив к небу глупое лицо. А этот идиот-посыльный намеревался исполнить ему какой-то псалом Мэнни.

– Помолчи, Энди. – Ему удалось произнести эти слова ровным голосом, пусть и сквозь стиснутые зубы.

– Сэй. – Робот согласился, замолчал.

Тиан подошел к ревушей сестре, обнял за плечи, вдохнув идущий от нее сильный (но не такой уж и неприятный) запах пота. Ничего противного, просто запах работы и покорности. Он вздохнул, потом начал поглаживать ее по руке.

– Прекрати, хватит орать, дуреха. – Реагировала она не на слова, а на тон, говорил он мягко, так что рыдания пошли на убыль. Бедро Тиа едва не доходило до грудной клетки Тиана (она возвышалась над ним на добрый фут), и любой незнакомец, проходивший мимо и остановившийся, чтобы взглянуть на них, изумился бы, отметив удивительную схожесть лиц и разительное несоответствие роста. Насчет схожести, впрочем, все было понятно: для близнецов это обычное дело.

Он окончательно успокоил сестру, перемежая добрые слова и ругательства: за годы, прошедшие с того дня, как она вернулась с востока рунтом, для Тиана Джеффордса первые не так уж отличались от вторых, и она перестала плакать. А когда по небу пролетела расти, как всегда, с отвратительными криками, Тиа вскинула руку, указывая на нее, и засмея-

лась.

Новое чувство стало подниматься в Тиане, столь для него нехарактерное, что поначалу он даже не понял, что с ним происходит.

– Это неправильно. – Он облек чувство в слова. – Нет, клянусь Человеком-Иисусом и всеми богами, это неправильно. – Он посмотрел на восток, где холмы уходили в громоздкую над горизонтом темноту, которая лишь отдаленно походила на облака. Там лежала граница Тандерклепа. – То, что они творят с нами, неправильно.

– Так ты точно не хочешь услышать свой гороскоп, сэй? Я вижу блестящие монеты и прекрасную черную даму.

– Черные дамы обойдутся без меня. – Тиан начал снимать упряжь с широких плеч сестры. – Я женат, и ты это прекрасно знаешь.

– У многих женатых мужчин есть подружки, – отметил Энди. Как показалось Тиану, с нотками самодовольства в голосе.

– Только не у тех, кто любит своих жен. – Тиан взвалил упряжь на плечо (он сделал ее сам, специально для сестры), повернулся, направился к жилищу. – И в любом случае не у фермеров. Покажи мне фермера, который может позволить себе подружку, и я поцелую тебя в твою блестящую задницу. Давай, Тиа. Ноги в руки и пошла.

– К жилищу? – спросила она.

– Совершенно верно.

– Ленч в жилище? – Она с надеждой посмотрела на него. – Картофель? – Пауза. – С подливой?

– Конечно, – кивнул Тиан. – Почему бы и нет?

Тиа испустила радостный вопль и побежала к дому. В бегущей Тиа было что-то завораживающее. Как однажды отметил их отец, незадолго до удара, после которого он покинул этот мир: «Умная или глупая, где еще увидишь в движении столько мяса?»

Тиан медленно двинулся следом, опустив голову, уставившись в землю, чтобы не угодить ногой в норы, которые его сестра обходила не глядя, словно какая-то ее часть точно знала, где они находятся. А странное новое чувство росло и крепло. Он, конечно, знал, что такое злость. Ее испытывал каждый фермер, терявший корову из-за молочной болезни или наблюдавший, как летний заряд града сбивает почти созревшую пшеницу, но злость, пожалуй, не могла тягаться с этим чувством. То была ярость, а вот ее-то Тиан ощущал впервые. Продолжал идти, так же медленно, с опущенной головой, крепко сжав кулаки. Не замечал, что Энди не отстанет ни на шаг, пока робот не сказал: «Есть и другие новости, сэй. К северо-западу от деревни, на Тропе Луча, появились незнакомцы из Внешнего мира...

– На хрен Луч, на хрен незнакомцев, на хрен тебя с твоим вечно хорошим настроением, – рявкнул Тиан. – Отвяжись от меня, Энди.

Энди застыл на месте, окруженный валунами, сорняка-

ми и буграми Сучьего сына, неблагодарного участка земли, принадлежащего Джеффордсам. Защелкали реле под металлическим корпусом. Сверкнули глаза. И он решил пойти и поговорить со Стариком. Старик никогда не посылал его на хрен. Старик всегда с радостью выслушивал гороскоп.

И его всегда интересовали незнакомцы.

Энди пошел к деревне и церкви Непорочной Богоматери.

2

Залия Джеффордс не слышала, как муж и его сестра вернулись с Сучьего сына. Не слышала, как Тиа опускала голову в бочку с дождевой водой у амбара, а потом слизывала влагу с губ, словно лошадь. Залия находилась у южной стороны дома, развешивала выстиранное белье и приглядывала за детьми. Она не знала о возвращении Тиана, пока не увидела, что он выглядывает из окна кухни. Удивилась, что он вернулся так рано, и еще больше удивилась, заметив, какое у него лицо. Мертво-белое, если не считать двух пятен румянца на щеках и третьего, горящего на лбу, словно клеймо.

Она бросила прищепки, которые держала в руках, в корзину с бельем и направилась к дому.

– Куда идешь, ма? – тут же спросил Хеддон, а за ним эхом откликнулась Хедда: «Куда идешь, ма-ма?»

– Не ваше дело, – ответила Залия. – Приглядывайте за младшими.

– Почему-у-у-у? – завывала Хедда. Нытьем своим она уже достала мать. Ясно было, что очень скоро перегнет палку и получит крепкую оплеуху.

– Потому что вы – старшие.

– Но...

– Закрой рот, Хедда Джеффордс.

– Мы приглядим за ними, ма, – ответил Хеддон. Вот уж кто никогда с ней не спорил. Может, не такой умный, как сестра, но зато послушный. А ум в жизни это еще не все. Далеко не все. – Хочешь, чтобы мы развесили оставшееся белье?

– Хед-дон-н-н-н... – Это уже сестра. Опять завывала. Но времени на них у Залии не было. Она коротко посмотрела на остальных детей. Пятилетних Лаймана и Лию, двухлетнего Аарона. Аарон, голый, сидел в пыли и радостно стучал камнями. Он родился один, редкий случай, и как же ей завидовали женщины всей деревни! Потому что Аарону ничего не грозило. А вот остальные, Хеддон и Хедда, Лайман и Лиа...

Залия внезапно осознала, что могло означать появление Тиана в доме в разгаре дня. Она помолилась богам, попросила их, чтобы они такого не допустили, но, войдя в дом и увидев, как он смотрит на детей, поняла: случилось худшее.

– Скажи мне, что это не Волки. – Она вдруг осипла. – Скажи, что не они.

– Они. – Тиан вздохнул. – Будут здесь через тридцать дней, говорит Энди. От луны до луны. И в этом Энди нико-

гда...

Прежде чем он продолжил, Залия Джеффордс прижала руки к вискам и пронзительно закричала. Во дворе Хедда аж подпрыгнула. И уже сорвалась с места, чтобы бежать в дом, но Хеддон удержал ее.

– Они не берут таких маленьких, как Лайман и Лиа, не так ли? – спросила она его. – С Хеддой и Хеддоном все понятно, но уж моих маленьких они не тронут? Им исполнится шесть только через полгода!

– Волки берут всех старше трех лет, и ты это знаешь, – ответил Тиан. Его пальцы сжимались в кулаки и разжимались. Новое чувство продолжало расти, то самое, более сильное, чем злость.

Залия смотрела на него, на щеках блестели слезы.

– Может, нам пора сказать «нет». – Тиан и сам не узнал собственного голоса, он не говорил – рычал.

– Да разве мы сможем? – прошептала Залия. – Да разве, во имя богов, мы посмеем?

– Не знаю, женщина, но, прошу тебя, подойди сюда.

Она подошла, бросив последний взгляд на своих пятерых детей, игравших во дворе, чтобы убедиться, что все на месте, что Волки их еще не забрали, и лишь потом пересекла гостиную. Дедушка сидел в кресле у потушенного камина, спал, склонив голову набок, из беззубого рта вытекала на подбородок струйка слюны.

Из этой комнаты окно выходило на сарай. Тиан протянул

руку.

– Смотри, женщина. Ты хорошо их видишь?

Естественно, она видела. Сестра Тиана, ростом в шесть с половиной футов, скинула с плеч широкие лямки комбинезона, и ее здоровенные груди влажно блестели: она только что вымыла их в бочке с дождевой водой. В дверном проеме амбара стоял Залман, родной брат Залии. Почти семи футов, огромный, как лорд Перт, высокий, как Энди, с таким же тупым, как и у Тиа, лицом. У любого молодого парня, смотрящего в упор на молодую деваху с голыми сиськами, тут же раздуло бы штаны, но только не у Залмана. В штанах у него ничего не могло раздуться. Он был рунтом.

Залия повернулась к Тиану. Они смотрели друг на друга, мужчина и женщина, не рунты, но лишь потому, что так распорядился слепой случай. С той же степенью вероятности ситуация могла повториться с точностью до наоборот: Зал и Тиа стояли бы у окна, наблюдая за крупнотелыми и пустоголовыми Тианом и Залией.

– Разумеется, вижу, – ответила она. – Или ты думаешь, что я слепая?

– У тебя не возникало желания стать такой же, как они? – спросил он. – Чтобы никогда подобного не видеть?

Залия промолчала.

– Это неправильно, женщина. Неправильно. Никогда не было правильным.

– Но ведь с незапамятных времен...

– На хрен незапамятные времена! – воскликнул Тиан. – Они – дети! Наши дети!

– Так ты бы хотел, чтобы Волки сожгли Калью дотла? Оставили нас с перерезанными шеями и выпущенными глазами? Такое уже случилось. Ты знаешь.

Он знал, само собой. Но кто мог исправить неправильное, как не мужчины Кальи Брин Стерджис? Никакой власти, хотя бы шерифа, в этих краях не было. Они жили сами по себе. Даже в далеком прошлом, когда во Внутренних феодах царили свет и порядок. А потом начали приходить Волки и жизнь стала еще более странной. Как давно это началось? Сколько с тех пор сменилось поколений? Тиан не знал, но подозревал, что насчет незапамятных времен Залия погорячилась. Волки совершали набеги на пограничные деревни, когда дедушка был молодым, собственно, они увезли с собой его брата-близнеца, когда дети играли в пыли. «Они взяли его, потому что он был ближе, – рассказывал им дедушка (много раз). – Эл вышел из дома в тот день первым и оказался ближе к ним. Если бы первым вышел я, они бы взяли меня. Слава Богу, этого не случилось!» – Тут он целовал деревянное распятие, которое дал ему Старик, поднимал его к небу и хихикал.

Однако дед дедушки рассказывал тому, что в его время, то есть пять или шесть поколений назад, если Тиан не ошибался в расчетах, никакие Волки не появлялись из Тандерк-лепа на серых лошадях. Как-то Тиан спросил у старика: «В те

времена тоже всегда рождались двойни? Что говорили старые люди в дни твоей молодости?» Дедушка долго думал, потом покачал головой. Он не помнил, чтобы старики такое говорили.

Залия озабоченно смотрела на мужа.

– Ты не в настроении, потому что провел все утро на Сучьем сыне. Успокойся.

– Как я могу успокоиться, если они скоро нагрянут и заберут наших детей?

– Но ты не собираешься сделать что-нибудь глупое, не так ли, Ти? Что-нибудь глупое и в одиночку?

– Нет, – ответил он.

Без малейшей запинки. «Он уже начал строить планы», – подумала Залия, и у нее затеплилась надежда. Конечно, Тиан ничего не мог противопоставить Волкам, никто из них не мог, но он был далеко не дурак. В фермерской деревне, где у большинства мужчин хватало ума лишь на то, чтобы пахать, сеять да убирать урожай, Тиан разительно отличался от остальных. Он мог написать свое имя. Он мог написать: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЗАЛЛИ». Этим, собственно, он и завоевал ее сердце, хотя она не могла прочесть написанное в пыли. Он мог складывать числа, мог перечислять их, идя от большего к меньшему, что, по его словам, куда сложнее. Так, может...

Какая-то ее часть не хотела доводить эту мысль до логического завершения. И однако, когда она подумала о Хедде

и Хеддоне, Лии и Лаймане, другая часть начала надеяться на лучшее.

– И что ты задумал?

– Хочу созвать общее собрание. Пошлю перышко.

– Они придут?

– После того как новость облетит Калью, придут все мужчины. Мы все обговорим. Может, на этот раз они решатся вступить в бой. Может, захотят сразиться за своих детей.

Сзади раздался старческий голос:

– Глупая это затея.

Тиан и Залия обернулись к старику. Тот смотрел на них.

– Почему ты так сказал, дедушка? – спросил Тиан.

– Расходясь с такого собрания, как ты планируешь, мужчины, если пьяные, могут сжечь половину страны, – ответил старик. – А трезвые... – Он покачал головой. – Ты не сдвнешь их с места.

– Я думаю, на этот раз ты ошибаешься, дедушка, – стоял на своем Тиан, и Залия почувствовала, как ужас сжимает сердце. Однако огонек надежды не желал гаснуть.

3

Ворчания бы поубавилось, если б Тиан назначил собрание на вечер следующего дня, но он этого не сделал, полагая, что времени у них осталось так мало, что нельзя терять даже один день. И когда он послал Хедду и Хеддона с перышком,

они пришли. Как он и рассчитывал.

Зал собраний Кальи находился в дальнем конце Главной улицы, за магазином Тука, рядом с Павильоном, темным и пыльным в конце лета. При обычном раскладе скоро женщины начали бы его украшать, готовясь к празднику Жатвы, хотя в принципе праздник этот никогда не отмечался в Калье с размахом. Детям нравилось смотреть, как соломенные чучела бросают в костер, некоторым смельчакам удавалось урвать свою долю поцелуев, но на том все и заканчивалось. Народ, возможно, и гулял в Срединном и Внутреннем мирах, но не здесь. Здесь людей занимали более серьезные проблемы, чем праздник Жатвы.

Такие проблемы, как Волки.

Некоторые из мужчин, с процветающих ферм на западе и трех ранчо на юге, приехали на лошадях. Эйзенхарт с «Рокинг Би» даже прихватил с собой винтовку, а грудь его крест-накрест перепоясывали патронташи (Тиан Джефффордс, правда, сомневался, что от патронов будет какой-то толк и что из древней винтовки можно стрелять, хотя некоторые таки стреляли). Делегация Мэнни приехала на телеге, запряженной двумя меринами-мутантами: один трехглазый, второй – с большущим розовым наростом на спине. Но в большинстве своем мужчины Кальи приезжали на ослах или волах, одетые в белые штаны и цветастые рубашки. Тычком мозолистого большого пальца они отбрасывали сомbrero на спину, где его удерживали завязки на шее, входили в

зал, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, рассаживались по скамьям из некрашеной сосны. В отсутствие женщин и рунтов мужчины заполнили менее тридцати из девяноста скамей. Некоторые переговаривались друг с другом. Никто не смеялся.

Тиан стоял у дверей с перышком в руке, наблюдая, как солнце скатывается к горизонту, как золото все гуще замешивается на багрянце. Когда его край коснулся земли, Тиан еще раз посмотрел на главную улицу. Пусто. Лишь три или четыре рунта сидели на ступенях магазина Тука. Все огромные и годящиеся лишь на то, чтобы ворочать камни. А вот мужчин он больше не увидел – ни пешех, ни на ослах, ни на лошадях. Глубоко вдохнул, выдохнул, снова вдохнул, поднял глаза к небу.

– Человек-Иисус, я в тебя не верю, – сказал он. – Но если ты там, помоги мне. Замолви Богу словечко.

Потом вошел в Зал собраний и захлопнул двери, возможно, чуть громче, чем требовалось. Разговоры смолкли. Сто сорок мужчин, в основном фермеры, наблюдали, как он идет по проходу, в широких штанах, каждый шаг гулко отдается от деревянного пола. Он-то опасался, что перспектива выступить перед всеми мужчинами Кальи вгонит его в ужас, все-таки он – простой фермер, не артист или политик. Но подумал о своих детях, потом посмотрел на мужчин и понял, что без труда может выдержать их взгляды. Перышко в его руке не дрожало. Когда он заговорил, слова слетали с языка

одно за другим, складываясь в четкие, связные предложения. Они могли не поддержать его, хотя он надеялся, что поддержат, что дедушка ошибается, но чувствовалось, что слушать они готовы.

– Вы знаете, кто я, – начал он. – Тиан Джеффордс, сын Люка, муж Залии Хуник. У нас пятеро детей, две пары близнецов и еще один сын.

По залу пробежал тихий шепот, возможно, люди говорили друг другу, какие же Тиан и Залия счастливые, что у них родился и единственный ребенок. Тиан подождал, пока вновь установится тишина.

– Я прожил в Калье всю жизнь. Я делил с вами свою судьбу, вы со мной – свою. А теперь прошу, чтобы вы выслушали меня.

– Мы говорим спасибо, сэй, – пробормотали они. Стандартный, нейтральный ответ, но и он воодушевил Тиана.

– Скоро придут Волки. Мне сообщил об этом Энди. Тридцать дней, от луны до луны, и они будут здесь.

Вновь бормотание. Тиан слышал в нем отчаяние и ярость, но не удивление. Когда дело касалось распространения новостей, Энди не было равных.

– Даже те из нас, кто умеет читать и писать, не могут ничего написать, потому что нет бумаги, – продолжил Тиан, – поэтому я не могу сказать с определенностью, когда они приходили в последний раз. Ничего не записывается, вы знаете, все передается из уст в уста, от стариков к молодым. Но

я помню, что уже ходил в штанах, следовательно, прошло больше двадцати лет...

– Двадцать четыре, – крикнули из дальних рядов.

– Нет, двадцать три, – возразил кто-то из сидящих впереди. Мужчина поднялся. Рубен Каверра, пухлый, всегда улыбающийся толстячок. Но теперь улыбка исчезла с его лица, на нем отражалась только печаль. – Они взяли мою сестренку, Рут, так что можете мне поверить.

Вновь шепот, на этот раз выражающий согласие. Мужчины могли бы рассестись по всему залу, но предпочли сесть в тесноте, чтобы чувствовать плечо друг друга. Иной раз и в неудобстве есть свои плюсы, отметил про себя Тиан.

– Мы играли под большой сосной перед домом, когда они пришли, – продолжил Рубен. – С тех пор я каждый год оставлял на дереве зарубку. Даже после того, как ее привезли назад, продолжал оставлять. Сейчас их двадцать три, следовательно, прошло двадцать три года, – с этим он сел.

– Двадцать три или двадцать четыре, разницы нет, – вновь заговорил Тиан. – Те, кто был ребенком, когда Волки приходили в последний раз, стали взрослыми, у них самих уже появились дети. Неплохой урожай для этих мерзавцев. – Он помолчал, давая им возможность самим прийти к мысли, которую собирался озвучить. – Если мы позволим этому случиться, если мы позволим Волкам забрать наших детей в Тан-дерклеп и вернуть рунтами.

– Да что же мы можем сделать? – в отчаянии воскликнул

кто-то из мужчин, сидящих в средних рядах. – Они же нелюди! – и по залу пробежал согласный шепот.

Поднялся один из Мэнни, в темно-синем плаще на худых плечах. Взгляд его мрачных глаз обежал сидящих. Они не были безумными, эти глаза, но Тиану показалось, что и здравомыслия в них немного.

– Выслушайте меня, прошу вас.

– Мы говорим спасибо, сэй, – ответили ему уважительно, но сдержанно. Появление Мэнни в деревне – явление редкое, а тут пришли целых восемь, толпа. Тиан радовался их приходу. Если у кого-то и возникали сомнения в серьезности ситуации, лучшего подтверждения, чем приход Мэнни, просто не могло быть.

Дверь Зала собраний открылась, и через порог переступил еще один мужчина. В длинном черном плаще. Со шрамом на лбу. Никто, включая Тиана, его появления не заметил. Все смотрели на Мэнни.

– Послушайте, что говорит Книга Мэнни: «Когда ангел смерти пролетел над Эйджипом, он убил первенца в каждом доме, дверь которого не была помазана кровью жертвенного барашка». Так говорит Книга.

– Да здравствует Книга, – воскликнули остальные Мэнни.

– Может, мы должны поступить так же, – продолжил Мэнни-оратор. Голос звучал спокойно, но на лбу яростно пульсировала жила. – Может, эти тридцать дней нам превратить в праздник для тех, кого могут увести, а потом усыпить их,

чтобы они заснули вечным сном, и окропить землю их кровью. И пусть Волки увезут на восток трупы, если будет у них такое желание.

– Ты⁵ безумец, – ответил ему Бенито Кэш, негодуя и одновременно чуть ли не смеясь. – Ты и тебе подобные. Мы не собираемся убивать наших детей!

– А разве те, кто возвращается, лучше мертвых? – спросил Мэнни. – Огромные бесполезные тела! Пустые, лишённые разума головы!

– Тут ты прав, но как насчет их братьев и сестер? – спросил Воун Эйзенхарт. – Волки берут только одного из близнецов, и вы это знаете.

Поднялся второй Мэнни, с серебристой бородой, лежащей на груди. Первый сел. Старик, его звали Хенчек, оглядел всех, потом посмотрел на Тиана.

– Ты держишь перышко, молодой человек... могу я говорить?

Тиан кивнул, предлагая ему продолжить. Он не видел ничего плохого в многообразии мнений. Пусть высказываются. Потому что не сомневался, что выбирать придется лишь между двумя вариантами: или позволить Волкам, как было всегда, забрать по одному ребенку из каждой пары близнецов, не достигших совершеннолетия, или вступить с ними в

⁵ Как известно, в английском языке «ты» и «вы» обозначаются одним словом «you». Поэтому чтобы не путаться самому и не путать читателей, переводчик принял волевое решение: там, где действие происходит не в нашей реальности, обходиться только «ты».

бой. Но для того чтобы сузить выбор до этих двух вариантов, следовало понять, что все остальные – тупиковые.

Старик заговорил медленно, с печалью в голосе:

– Это ужасная идея, согласен. Но подумайте вот о чем, сэи. Если Волки придут и найдут нас бездетными, они, возможно, оставят нас в покое на веки вечные.

– Ага, могут оставить, – пробормотал один из мелких фермеров, Хорхе Эстрада. – А могут и не оставить. Мэнни-сэй, неужто вы готовы перебить всех детей ради того, что еще только может быть?

Мужчины одобрительно загудели. Поднялся еще один мелкий фермер, Гаррет Стронг. На грубом, словно вырубленном из камня лице зло сверкнули глаза. Прежде чем заговорить, он засунул за ремень большие пальцы.

– Лучше убить всех. И себя, и детей.

Хенчику это предложение не показалось из ряда вон выходящим. Как и остальным семерым Мэнни, сидящим рядом в одинаковых синих плащах.

– Это вариант, – кивнул старик. – Мы готовы его обсуждать, если будет на то согласие остальных, – и сел.

– Я не готов, – пробурчал Гаррет Стронг. – Никто не отрезает себе голову, чтобы не бриться. Слышите меня?

Раздался смех, несколько выкриков: «Будь уверен, слышим и очень хорошо». Гаррет сел, сковывавшее его напряжение спало, он наклонился к Воуну Эйзенхарту, зашептался с ним. Еще один ранчер, Диего Адамс, внимательно при-

слушивался, не сводя с них своих черных глаз.

Поднялся очередной мелкий фермер, Баки Хавьер. Синие глазки возбужденно сверкали на маленькой головке. Бороденка не могла скрыть практически полного отсутствия подбородка.

– А может, нам на какое-то время уйти? Что, если мы возьмем детей и отправимся на запад? Далеко на запад, до рукава Большой Реки?

Несколько мгновений все молча оценивали эту смелую идею. Западный рукав Уайе находился практически в Среднем мире... где, по информации Энди, недавно появился огромный дворец из зеленого стекла, чтобы через некоторое время исчезнуть. Тиан уже собирался ответить, но его опередил Эбен Тук, хозяин магазина. Тиан этому только порадовался. Он намеревался молчать как можно дольше. И высказаться уже после всех.

– Ты чокнулся? – спросил он. – Волки придут, увидят, что нас нет, и сожгут все дотла, фермы и ранчо, посевы и припасы, вершки и корешки. И к чему мы тогда вернемся?

– А если они пойдут за нами? – вставил Хорхе Эстрада. – Ты думаешь, нас трудно догнать таким, как Волки? Они все сожгут, как сказал Тук, потом догонят нас и все равно заберут детей!

Сидящие в зале одобрительно затопали. Послышались крики: «Дело говорит, дело».

– А кроме того, – Нейл Фарадей поднялся, держа перед

собой огромное и грязное сомбреро, – они никогда не берут всех наших детей. – В голосе явственно слышался испуг человека, который хотел оставить все как есть, соглашаясь на плохое, чтобы не допустить худшего. Тиан аж скрипнул зубами. Такой точки зрения он больше всего и боялся. Покорности судьбе.

Один из Мэнни, молодой и безбородый, резко, пренебрежительно рассмеялся.

– Ага, из двоих спасется один. А значит, все хорошо, не так ли? Да благословит тебя Господь!

Он мог сказать и что-то еще, но костлявые пальцы Хенчика сжали предплечье молодого человека. Он замолчал, но не опустил в смирении головы. Глаза пылали огнем, губы превратились в белую полосу.

– Я не говорю, что это хорошо, – Нейл начал крутить сомбреро, – но мы должны смотреть правде в лицо. Они не берут всех детей. Вот моя дочь Джорджина, умная, веселая, шустрая...

– Ага, а твой сын Джордж – пустоголовый здоровяк, – прервал его Бен Слайтман. Он работал на ранчо у Эйзенхарта, своей фермы у него не было, но дураков на дух не переносил. Бен снял очки, протер их банданой, вернул на переносицу. – Я видел, как он сидел на ступенях магазина, когда проезжал по улице. Он и еще несколько пустоголовых...

– Но...

– Я знаю, – вновь Слайтман не дал ему договорить, – это

трудное решение. Возможно, несколько пустоголовых лучше, чем общая смерть. – Он помолчал. – Или если бы они забирали бы всех детей, а не половину.

И Слайтман сел под крики: «Дело говорит» и «Спасибо, сэй».

– Они никогда не оставляли нас без всего, – заговорил еще один мелкий фермер, земли которого находились к западу от жилища Тиана, у границы Кальи. Его звали Луис Хейкокс, и в голосе слышалась горечь. А в улыбке, которая изгибала губы под усами, напрочь отсутствовала веселость. – Мы не будем убивать наших детей. – Он посмотрел на Мэнни. – При всем уважении к вам, я не верю, что даже вы решитесь на такое, когда придется от слов переходить к делу. Во всяком случае, если и сподобитесь, то не все. Мы не можем собрать пожитки и двинуться на запад или в любом другом направлении, ведь тогда придется оставить наши фермы. Волки их сожгут, это точно, а потом все равно придут за нашими детьми. Они им нужны, уж не знаю почему.

Все всегда сводится к одному: большинство из нас фермеры. Мы сильны, когда имеем дело с землей, слабы – когда нет. У меня двое детей, им по четыре года, я люблю их обоих, и сердце обливается кровью при мысли, что одного придется потерять. Но я отдам одного, чтобы сохранить второго. И ферму. – Вокруг одобрительно зашептались. – А какое другое решение мы можем принять? Я скажу так: злить Волков – худшая из ошибок, которую мы можем допустить.

Если, конечно, не сможем дать им бой. Если сможем, я – за. Хотя просто ума не приложу, что мы им противопоставим?

Тиан чувствовал, как от каждого слова Хейкокса сжимается сердце. Этот человек просто выбивал почву из-под ног. Боги и Человек-Иисус!

Со скамьи поднялся Уэйн Оуверхолсер, самый процветающий фермер Кальи Брин Стерджис, доказательством чего служил внушительный живот.

– Выслушайте меня, прошу вас.

– Мы говорим спасибо, сэй, – пробормотали они.

– Скажу вам, что мы должны сделать. – Он огляделся. – То же самое, что делали всегда. Кто-нибудь из вас хочет предложить сразиться с Волками? Есть среди нас сумасшедшие? Чем будем сражаться? Камнями и копьями? Несколькими луками и винтовками? Такими вот заржавленными, как у него? – Он ткнул пальцем в Эйзенхарта. – Думаю, во всей Калье мы наберем штуки четыре.

– Не надо смеяться над моей железной стрелялкой, сынок, – ответил Эйзенхарт, но с грустной улыбкой.

– Они придут и возьмут наших детей. – Вновь Уэйн Оуверхолсер обвел взглядом сидящих в зале мужчин. – Некоторых из них. А потом оставят нас в покое на целое поколение. А то и больше. Так есть, так было, я говорю, нельзя и пытаться что-либо изменить.

Многие, похоже, не согласились с Оуверхолсером, но он подождал, пока ропот смолкнет.

– Двадцать три года или двадцать четыре, особой разницы нет, – продолжил он, когда установилась тишина. – В любом случае это долгий период. Долгий период мира. Возможно, вы кое-что забыли, друзья. К примеру, что дети в принципе та же пшеница или кукуруза. Бог пошлет новых. Знаю, смириться с этим трудно, но так мы жили и так должны жить.

Тиан не стал ждать ответной реакции. Чем дальше они уходили по этой дороге, тем меньше оставалось у него шансов, что удастся их развернуть. Он поднял перышко опопанакса и воскликнул:

– Послушайте, что я скажу! Послушайте меня, прошу вас!

– Мы говорим спасибо, сэй, – откликнулись мужчины.

Оуверхолсер недоверчиво смотрел на него.

«Ты прав в том, что так смотришь на меня, – подумал фермер. – Потому что я сыт по горло этим трусливым здравым смыслом».

– Уэйн Оуверхолсер – умный человек, человек, добившийся многого, – начал Тиан, – и по этим причинам мне не хочется спорить с ним. Есть и еще причина: по возрасту он мог быть мне отцом.

– А ты уверен, что он не твой отец? – крикнул Росситер, единственный наемный работник Гаррета Стронга. Конечно же, все засмеялись, даже Оуверхолсер улыбнулся шутке.

– Сынок, если ты не хочешь спорить со мной, так и не спорь, – заметил Оуверхолсер. Губы его все еще были тронуты улыбкой.

– Но я должен. – Тиан начал прохаживаться перед рядами скамеек. В руке мерно покачивалось ржаво-красное перышко опопанакса. Тиан чуть возвысил голос, чтобы все поняли: теперь он говорит не только с крупным фермером. – Я должен, потому что сэй Оуверхолсер достаточно старый, чтобы быть мне отцом. Его дети выросли, как вы все знаете, и, насколько мне известно, их было всего двое, одна девочка и один мальчик. – Он выдержал театральную паузу, а потом нанес удар: – Родившиеся с перерывом в два года – другими словами, по одному. То есть недоступные для Волков. – Произносить этих слов не требовалось. Все и так поняли. И зашептались.

Оуверхолсер густо покраснел.

– Зачем ты это сказал? Я говорил в общем, независимо от того, сколько детей рождается сразу, один или двое! Дай мне перышко, Джеффордс. Мне еще есть что сказать.

Но сапоги начали барабанить по полу все сильнее и сильнее. Оуверхолсер сердито огляделся, из красного стал багровым.

– Я говорю! – взревел он. – Или вы не хотите меня слушать, спрашиваю я вас?

В ответ раздалось: «Нет», «Не теперь», «Перышко у Джеффордса», «Садись и слушай». Тиан понял, Оуверхолсер познает на собственном опыте, пусть и поздно, что в глубине души самых богатых и самых удачливых в деревне не любят. Эти менее удачливые и менее хитрые (в боль-

шинстве случаев первое шло рука об руку со вторым) могли снимать шляпу, когда богатые проезжали мимо на телеге или в двуколке, могли послать зарезанную свинью или теленка в знак благодарности за помощь, оказанную наемными работниками богача при постройке дома или амбара, богатым могли аплодировать на общем собрании в конце года за покупку пианино, что теперь стояло в Павильоне. Но теперь мужчины Кальи с радостью выбивали сапогами дробь по деревянному полу, пользуясь случаем «опустить» Оуверхолсера.

Оуверхолсер, не привыкший к такому обращению, более того, ошеломленный случившимся, предпринял еще одну попытку:

– Могу я взять перышко, дай его мне, прошу тебя!

– Нет, – ответил Тиан. – Позже, если захочешь, но не сейчас.

Ему ответили криками восторга. Кричали в основном самые мелкие фермеры и их наемные работники. Мэнни компанию им не составили. Они еще больше прижались друг к другу, слившись в сплошное синее пятно посреди зала. Такой поворот событий явно поставил их в тупик. Воун Эйзенхарт и Диего Адамс тем временем переместились к Оуверхолсеру, зашептались с ним.

«У меня есть шанс, – подумал Тиан. – И главное, использовать его по максимуму».

Он поднял перышко, и все замолчали.

– Всем будет предоставлена возможность высказаться, – напомнил он. – Что же касается меня, я говорю следующее: мы не можем и дальше так жить, склонять головы и стоять столбом, когда Волки приходят, чтобы забрать наших детей. Они...

– Они всегда возвращают их, – встрял наемный работник, Фаррен Поселла.

– Они возвращают оболочку! – воскликнул Тиан, и его тут же поддержали несколько голосов: «Дело говоришь». Не так уж и много, решил Тиан. Отнюдь не большинство.

Он вновь понизил голос. Не хотел навязывать им свое мнение. Оуверхолсер попытался, но ничего не добился, несмотря на свою тысячу акров.

– Они возвращают оболочку, – повторил он. – А мы? Что происходит с нами? Некоторые могут сказать, что ничего, что Волки всегда были частью нашей жизни в Калье Брин Стерджис, как ураган или землетрясение. Однако это не так. Они приходят сюда шесть последних поколений, но не более того. А люди живут в Калье больше тысячи лет.

Старик Мэнни с костлявыми плечами и мрачным взглядом приподнялся:

– Он говорит правду, друзья. Фермеры жили здесь, а среди них и Мэнни, задолго до того, как тьма опустилась на Тан-дерклеп, не говоря уже о приходе Волков.

В зале на слова старика ответили изумленными взглядами. Его, похоже, такая реакция вполне устроила, поскольку

он кивнул и опустил на скамью.

– Поэтому если говорить о заведенном порядке вещей, то Волки в нем – новый элемент, – продолжил Тиан. – Шесть раз приходили они за последние сто двадцать или сто сорок лет. Кто знает? Мы, как вы знаете, не слишком следим за временем.

Шепот. Кивки.

– В любом случае приходят они с каждым новым поколением. – Тиан заметил, что несогласные с ним люди начали группироваться вокруг Оуверхолсера, Эйзенхарта и Адамса. К ним мог примкнуть, а мог и не примкнуть Бен Слайтман. Он уже понял, что их не убедить, обладай он даже голосом ангела. Что ж, решил Тиан, он обойдется без них. Если, конечно, остальные пойдут за ним. – Раз в поколение появляются они и сколько детей уводят с собой? Три дюжины? Четыре? У сзя Оуверхолсера, возможно, тогда и не было детей, но у меня они есть, и не одна пара близнецов, а две. Хеддон и Хедда, Лайман и Лиан. Я люблю всех четверых, но через месяц двух из них заберут. А назад они вернутся рунтами. Лишившись той искорки, которая превращает каждого из нас в человека.

«Слушайте его, слушайте его», – прокатилось по залу.

– У скольких из вас есть близнецы, у которых волосы растут только на голове? – спросил Тиан. – Поднимите руки!

Шестеро мужчин подняли руки. Потом восемь. Двенадцать. Всякий раз, когда Тиан думал, что все, поднималась

еще одна неохотная рука. В конце концов он насчитал двадцать две руки, и, разумеется, в Зал собраний пришли не все, кто имел детей. Он увидел, как поморщился Оуверхолсер, увидев такое количество поднятых рук. Диего Адамс также поднял руку, и Тиан удовлетворенно отметил, что он чуть отодвинулся от Оуверхолсера, Эйзенхарта и Слайтмана. Трое Мэнни подняли руки. Хорхе Эстрада. Луис Хейкоккс. И многие другие, которых он знал. Ничего удивительного в этом не было, в Калье он знал практически всех. За исключением, возможно, нескольких бродяг, работавших на маленьких фермах за мизерное жалованье и горячий обед.

– Всякий раз, когда они приходят и забирают наших детей, они уносят также кусочек нашего сердца и души. – Тиан четко выговаривал каждое слово.

– Да перестань, сынок, – подал голос Эйзенхарт. – Ты уже перегибаешь...

– Заткнись, ранчер, – перебил его мужчина, который пришел последним, со шрамом на лбу. Голос его дрожал от злости и презрения. – Пырышко у него. Так дай ему высказаться.

Эйзенхарт развернулся, чтобы посмотреть, кто смеет говорить с ним в таком тоне. Увидев, ничего не сказал в ответ. Тиана это не удивило.

– Спасибо тебе, Пер, – поблагодарил его Тиан. – Я уже заканчиваю. Все думаю о деревьях. Если сорвать с крепкого дерева все листья, оно выживет. Если вырезать на стволе много имен, оно отрастит новую кору. Можно даже взять

часть ядровой древесины, и дерево выстоит. Но если снова и снова брать ядровую древесину, наступит момент, когда погибнет даже самое крепкое дерево. Я видел, как такое случилось на моей ферме, и это ужасно. Дерево умирает изнутри. Ты видишь, как листья желтеют сначала у ствола, потом желтизна распространяется по ветвям, до самых кончиков. Вот что делают Волки с нашей маленькой деревней. Вот что они делают со всей Кальей.

– Слушайте его! – воскликнул Фредди Росарио с соседней фермы. – Слушайте его внимательно! – У Фредди тоже были близнецы, но, возможно, им ничего не грозило, потому что они еще сосали грудь.

– Ты говоришь, – Тиан смотрел на Оуверхолсера, – что они убьют нас и сожгут всю Калью от востока до запада, если мы не отдадим наших детей и сразимся с ними?

– Ага, – кивнул Оуверхолсер. – Я так говорю. И не я один. – Сидевшие вокруг него одобрительно загудели.

– Однако каждый раз, когда мы стоим, опустив головы и с пустыми руками, и смотрим, как у нас забирают детей, они еще глубже вгрызаются в ядровую древесину дерева, которое зовется нашей деревней. – Теперь голос Тиана гремел, он стоял, высоко подняв над головой перышко. – Если мы не предпримем попытки сразиться с Волками и защитить наших детей, мы все равно что умрем! Вот что говорю я, Тиан Джеффордс, сын Люка! Если мы не предпримем попытки сразиться с Волками и защитить наших детей, мы станем

рунтами!

– Слушайте его! – раздались крики. Многие восторженно затопали сапогами. Кто-то даже заплодировал.

Джордж Телфорд, еще один ранчер, что-то прошептал Эйзенхарту и Оуверхолсеру. Они выслушали его, кивнули. Телфорд поднялся. Седовласый, загорелый, с иссеченным ветром мужественным лицом, какие так нравятся женщинам.

– Ты все сказал, сынок? – по-доброму спросил он, как спрашивают ребенка, не наигрался ли он и не пора ли ему спать.

– Да, пожалуй. – Внезапно Тиана охватило отчаяние. По богатству и размерам ранчо Телфорд не мог тягаться с Воуном Эйзенхартом, но куда как превосходил его красноречием. И Тиан испугался, что упустит казавшуюся уже столь близкой победу.

– Так я могу взять перышко?

У Тиана возникла мысль не отдавать перышко, но какой в этом был толк? Он сказал все, что мог. Сделал все, что в его силах. Может, ему и Залии собрать пожитки и с детьми двинуться на запад, к Срединному миру? Все-таки до прихода Волков, если верить Энди, почти тридцать дней. А за тридцать дней уйти можно далеко.

Он передал перышко.

– Мы все глубоко ценим жар души молодого сэя Джеффордса и, разумеется, никто не сомневается в его личной храбрости, – заговорил Джордж Телфорд, прижимая перыш-

ко к левой половине груди, над сердцем. Оглядывая собравшихся, он старался встретиться взглядом, дружеским взглядом, с каждым. – Но мы должны думать о детях, которые останутся, так же как и о тех, которых заберут, не так ли? Другими словами, мы должны защищать всех детей, будь то двойни, тройни или одиночки, как Аарон сзя Джеффордса.

Тут Телфорд повернулся к Тиану.

– Что ты скажешь своим детям, когда Волки застрелят их мать и, возможно, подпалят прадедушку своими лучевыми трубками? Как ты объяснишь их крики, успокаивая детей? Как заткнешь носы, чтобы они не чувствовали запаха горячей кожи и горящих посевов? И это ты называешь спасением душ? Или ядровой древесины какого-то выдуманного тобой дерева?

Он замолчал, давая Тиану шанс ответить, но Тиан не знал, что сказать. Он понимал, что Телфорд переломил ситуацию... и чувствовал, что Телфорд ему не по зубам. Сладкоголосый сукин сын Телфорд, возраст которого позволял не беспокоиться о том, что Волки на своих серых конях прыскают к его дому.

Телфорд кивнул, как бы показывая, что ничего другого, кроме молчания, он от Тиана не ожидал, и вновь повернулся к скамьям.

– Когда Волки приходят, они приходят с оружием, стреляющим огнем, лучевыми трубками, вы знаете, и винтовками, и летающими металлическими штуковинами. Забыл, как

они называются...

– Жужжащие шары, – подсказал один.

– Стрекотуны, – крикнул второй.

– Лопастники, – добавил третий.

Телфорд кивнул и мягко улыбнулся. Учитель, хвалящий хороших учеников.

– Как ни назови, они летают по воздуху, выискивая цель, а когда садятся, выпускают из себя вращающиеся лопасти, острые как бритва. В пять секунд они могут разрубить человека от головы до пят, оставив от него лишь круг крови и волос. Можете не сомневаться, я говорю правду, потому что видел такое своими глазами.

– Слушайте его, слушайте его внимательно! – закричали со скамей. Глаза мужчин округлились от испуга.

– Волки и сами страшные. – Телфорд плавно переходил от одной жуткой истории, какие рассказывают у костра, к другой. – Выглядят они как люди, но на самом деле они нелюди, огромные и ужасные. А те, кому они служат в Тандерклепе, еще страшнее. Вампиры, как я слышал. С телом человека и головами птиц и животных. Ходячие трупы. Воины Красного Глаза.

Мужчины зашушукались. Даже Тиан почувствовал, как холодок пробежал у него по спине при упоминании Глаза.

– Волков я видел сам, об остальном мне только говорили, – продолжал Телфорд. – И пусть я верю не всему, но многому я верю. А теперь оставим в стороне Тандерклеп и тех,

кто живет там. Давайте ограничимся Волками. Волки – наша проблема, и проблема серьезная. Особенно когда они приходят, вооруженные до зубов! – Он покачал головой, мрачно улыбнулся. – Так что же нам делать? Может, нам удастся пошпибать их с коней нашими вилами и мотыгами, сэй Джеффордс? Ты думаешь, удастся?

Презрительный смех поддержал его слова.

– У нас нет оружия, чтобы сражаться с ними. – Теперь Телфорд говорил сухо, по-деловому, как человек, подводящий итог. – Даже если бы и было, мы – ранчеры и фермеры, а не солдаты. Мы...

– Заканчивай со своими трусливыми речами, Телфорд. Тебе должно быть стыдно за них.

Многие ахнули, услышав столь резкую отповедь. Захрустели кости, когда мужчины поворачивались, чтобы посмотреть, кто посмел ее произнести. И увидели, как с одной из задних скамей медленно поднимается тот, кто пришел последним, седовласый мужчина в черном плаще и рубашке с воротником-стойкой. В свете керосиновых ламп на его лбу ярко выделялся шрам в форме креста.

Старик.

Телфорд достаточно быстро пришел в себя, но, когда заговорил, по голосу чувствовалось, что он окончательно не оправился от столь вопиющего нарушения традиции.

– Извини, отец Каллагэн, но перышко у меня...

– К черту твое божественное перышко и к черту твои трус-

ливые советы, – отрезал Каллагэн. Прошел по проходу на плохо гнущихся ногах, сказывался артрит. Не такой старый, как старейшина Мэнни, гораздо моложе бабушки Тиана (который заявлял, что старше него никого нет даже в Калье Локвуде на юге), и, однако, он казался старше их обоих. Старше вечности. За это говорили и его глаза, смотревшие на мир из-под шрама на лбу (Залия утверждала, что он сам вырезал этот крест), в которых читалась мудрость веков, и, даже в большей степени, его голос. Хотя он прожил в Калье достаточно долго, чтобы построить церковь странному Человеку-Иисусу и обратить в свою веру половину жителей, даже незнакомец никогда бы не принял Пера Каллагэна за местного. Его инородность проявлялась и в произношении, и во многих словах, которые до него в Калье никто не слышал («уличный жаргон», как он их называл), знакомые же слова обретали в его устах новый смысл. Не вызывало никаких сомнений – он пришел из одного из других миров, о существовании которых постоянно твердили Мэнни, хоть сам никогда об этом не рассказывал, а Калья Брин Стерджис давно уже стала ему домом. И безоговорочное уважение, которым он пользовался, давало ему полное право говорить, когда у него возникало такое желание. И едва ли кто смел оспорить это право, с перышком или без.

Пусть и моложе бабушки Тиана, Каллагэн все равно был Стариком.

А теперь он смотрел на мужчин Кальи Брин Стерджис, не удостоив Джорджа Телфорда и взглядом. Перышко поникло в руке Телфорда. Он сел на скамью первого ряда, не отдав его ни Старику, ни Тиану.

Каллагэн начал с одного из жаргонных выражений, но перед ним сидели фермеры, так что объяснений не требовалось.

– Это все куриное дерьмо.

Он вновь оглядел сидящих. Многие не решились встретиться с ним взглядом. А мгновение спустя даже Эйзенхарт и Адамс опустили глаза. Оуверхолсер не опустил, но под тяжелым взглядом Старика ранчер как-то сжался, словно чувствуя за собой вину.

– Куриное дерьмо, – повторил человек в черном плаще, чеканя каждый слог. Маленький золотой крестик блестел у него под воротником. На лбу второй крест (Залия верила, что он вырезал его сам, искупая какой-то страшный грех) в свете керосиновых ламп выглядел как клеймо.

– Этот парень не принадлежит к моей пастве, но он прав, и я думаю, что вы все это знаете. Вы знаете это сердцем. Даже ты, мистер Оуверхолсер. И ты, Джордж Телфорд.

– Ничего такого я не знаю, – ответил Телфорд слабым, едва слышным голосом, напрочь потерявшим прежнюю убедитель-

тельность.

– Ложь видна в глазах, вот что сказала бы тебе моя мать, – и Каллагэн сухо ему улыбнулся. Я бы не хотел, чтобы мне вот так улыбались, подумал Тиан, и тут же Старик повернулся к нему. – Никогда не слышал, чтобы кто-то мог сказать об этом лучше, чем ты сегодня, мой мальчик. Спасибо, сэй.

Тиану удалось поднять руку и выдавить из себя улыбку. Он вдруг превратился в персонажа глупого ярмарочного спектакля, который спасается в самый последний момент благодаря вмешательству сверхъестественной силы.

– Я кое-что знаю о трусости, можете мне поверить. – Каллагэн уже обращался к сидящим на скамьях мужчинам. Поднял правую руку, изуродованную, искривленную, напоминающую сухую ветку, посмотрел на нее, опустил. – Можно сказать, имею личный опыт. Знаю, как одно трусливое решение ведет к другому... третьему... четвертому... и так далее, пока не наступает момент, когда уже слишком поздно давать задний ход, когда уже невозможно что-либо изменить. Мистер Телфорд, уверяю вас, дерево, о котором говорил молодой мистер Джеффордс, не выдуманное. Калья в смертельной опасности. Ваши души в смертельной опасности.

– Славься Мария благодатная, – воскликнул кто-то с левой стороны прохода, – и Господь с тобой. Да благословен будет плод твоего чрева, и...

– Завязывай, – рявкнул Каллагэн. – Прибереги эти слова до воскресенья. – Его глаза, синие искорки в темных глуби-

нах глазниц, перебегали с одного лица на другое. – В этот вечер надо забыть о Боге, Марии и Человеке-Иисусе. Надо забыть про лучевые трубки и жужжащие шары Волков. Вы должны сражаться. Вы – мужчины Кальи, не так ли? Вот и будьте мужчинами. Хватит вести себя как собаки, ползущие на животе, чтобы вылизать сапоги жестокого хозяина.

Оуверхолсер густо покраснел и начал подниматься. Диего Адамс схватил его за руку и что-то шепнул на ухо. На мгновение Оуверхолсер застыл, зависнув над скамьей, потом опустился на нее.

– Звучит красиво, падре, – заговорил Адамс с сильным акцентом. – Звучит смело. Однако есть несколько вопросов. Один уже задал Хейкокс. Как ранчеры и фермеры смогут противостоять вооруженным до зубов убийцам?

– Наняв своих вооруженных убийц, – ответил Каллагэн.

На мгновение воцарилась полная, абсолютная тишина. Казалось, ответ Старика прозвучал на никому не знакомом языке. Наконец Адамс решился:

– Я не понимаю.

– Разумеется, не понимаешь, – ответил ему Старик. – Поэтому слушай и набирайся мудрости, ранчер Адамс, и вы все слушайте и набирайтесь мудрости. В шести днях пути к северо-западу от нас трое стрелков и один подмастерье идут по Тропе Луча на юго-восток. – Он улыбнулся их изумленным взглядам. Повернулся к Слайтману. – Подмастерье немногим старше твоего сына Бена, но он уже быстр, как змея, и

смертельно опасен, как скорпион. Остальные еще быстрее и куда опаснее. Я узнал об этом от Энди, который их видел. Вам нужны могучие защитники? Они у меня есть. Я это гарантирую.

На этот раз Оуверхолсер поднялся в полный рост. Лицо его горело, как в лихорадке. Толстый живот дрожал.

– Что это еще за вечерняя сказка для малышей? – про-рычал он. – Если такие люди и существовали, они канули в небытие вместе с Гилеадом. А Гилеад уже тысячу лет, как превратился в пыль.

Никто не поддержал Оуверхолсера, не попытался оспорить его слова. Никто не раскрыл рта. Все словно окаменели, превращенные в статуи одним магическим словом: стрелки.

– Ты ошибаешься, – спокойно ответил Каллагэн, – но нам нет нужды спорить об этом. Лучше поехать и увидеть все собственными глазами. Я думаю, хватит маленького отряда. Джеффордс... я... как насчет тебя, Оуверхолсер? Хотите поехать?

– Нет никаких стрелков! – взревел Оуверхолсер.

За его спиной поднялся Эстрада.

– Отец Каллагэн, да снизойдет на тебя благодать Божья...

– ...и ты Джордж.

– ...но если даже стрелки и есть, как они втроем смогут противостоять сорока или шестидесяти? И эти сорок или шестьдесят не обычные люди – Волки!

– Слушайте его, дело говорит, – воскликнул Эбен Тук, хо-

зьяин магазина.

– И с чего им сражаться за нас? – продолжил Эстрада. – Мы из года в год едва сводим концы с концами. Что мы можем им предложить, кроме горячей пищи? Разве кто-нибудь согласится умирать за обед?

– Слушайте его, слушайте его! – хором воскликнули Телфорд, Оуверхолсер и Эйзенхарт. Другие ритмично застучали каблуками по доскам пола.

Старик подождал, пока шум прекратится.

– У меня есть книги. С полдюжины.

И хотя многие слышали о книгах, сама мысль, что они действительно существуют, что до них, до бумаги, даже можно дотронуться, вызвала вздохи изумления.

– Согласно одной из них, стрелкам запрещено брать вознаграждение за свои услуги. Вроде бы потому, что они ведут свой род от Артура из Эльда.

– Эльд! Эльд! – зашептали Мэнни, и несколько кулаков поднялись в воздух, с оттопыренными мизинцем и указательным пальцем. «На рога их, – подумал Старик. – Вперед, Техас⁶». Ему удалось подавить смешок, но отнюдь не улыбку, искривившую губы.

– Ты говоришь о крепких парнях, что бродят по земле и творят добрые дела? – насмешливо спросил Телфорд. – Ты слишком стар, чтобы верить в такие байки, Пер.

⁶ «На рога их! Вперед, Техас!» – боевой клич болельщиков тexasских профессиональных команд.

– Не о крепких парнях, – терпеливо поправил его Каллагэн. – О стрелках.

– Как смогут трое мужчин выстоять против шестидесяти Волков? – услышал Тиан свой голос.

Энди поведал, что одним из стрелков была женщина, но Каллагэн понимал: не стоит утомлять собравшихся в зале такими подробностями (хотя сидящему в нем проказнику и хотелось сказать об этом).

– Это вопрос к их лидеру, Тиан. Мы его спросим. И сражаться они будут не только за горячие обеды, знаете ли. Со всем не за обеды.

– Тогда за что же? – спросил Баки Хавьер.

Каллагэн думал, что они захотят заполучить некий предмет, лежавший под половицами его церкви. И Каллагэн тому только радовался, потому что предмет этот проснулся. Старик, который когда-то бежал из города Салемс-Лот, расположенного в другом мире, хотел от него избавиться. Ведь не избавься он от этого предмета в самом скором времени, его ждала неминуемая смерть.

Ка пришла в Калью Брин Стерджис. Ка – как ветер.

– Всему свое время, мистер Хавьер, – ответил Каллагэн. – Всему свое время, сэй.

В Зале собраний зашептались. Словно ветер надежды и страха зашелестел над скамьями.

Стрелки.

Стрелки на западе, пришедшие из Срединного мира.

И если это правда, да поможет им Бог. Последним детям Артура из Эльда, идущим к Калье Брин Стерджис по Тропе Луча. Ка – как ветер.

– Время становится мужчинами, – сказал им Каллагэн. Под шрамом на лбу глаза горели, как лампы. Однако в голосе слышалось и сострадание. – Время подняться с колен, господа. Подняться с колен и ступить на путь истинный.

Часть 1

Прыжок

Глава 1

Лицо на воде

1

«Время – лицо на воде». Поговорка из далекого прошлого, из далекого Меджиса. Эдди Дин никогда там не был.

И одновременно был, в определенном смысле. Однажды ночью, когда они встали лагерем на А-70, канзасской платной автостраде, в Канзасе, которого не было в его мире, Роланд своим рассказом перенес туда всех четверых: Эдди, Сюзанну, Джейка и Ыша. Той ночью он рассказал им историю Сюзан Дельгадо, своей первой возлюбленной. Возможно, единственной возлюбленной. Историю о том, как он ее потерял.

Поговорка, возможно, соответствовала действительности в те времена, когда Роланд был чуть старше Джейка Чемберза, но Эдди полагал, что она стала еще вернее сейчас, когда мир скручивался, как заводная пружина в древних часах.

Роланд сказал им, что в Срединном мире больше нельзя доверять даже таким аксиомам, как направление стрелки компаса. Сегодняшний запад завтра может стать юго-западом – безумие, да и только. И с временем происходили аналогичные странности. Некоторые дни, Эдди мог в этом поклясться, растягивались часов на сорок, а некоторые ночи (вроде той, когда Роланд перенес их в Меджис) казались еще длиннее. А потом приходил день, когда вечер наступал чуть ли не после полудня, темнота буквально рвалась из-за горизонта тебе навстречу. Конечно же, Эдди задавался вопросом, а не заблудилось ли время в этих краях.

Они выехали из города Лад на Блейне, монорельсовом поезде. И этот Блейн Моно доставил им немало хлопот, потому что управляющий им компьютерный мозг окончательно и бесповоротно свихнулся. Эдди удалось убить его своей алогичностью («В этом ты мастер, сладенький. Это у тебя от природы», – сказала ему тогда Сюзанна), и из поезда они выгрузились в Топике, расположенной совсем не в том мире, откуда Роланд «извлек» Эдди, Сюзанну и Джейка. Наверное, им следовало радоваться, что они в нем не жили, ибо мир этот, где профессиональная баскетбольная команда Канзас-Сити называлась «Монархс», «Кока-кола» – «Нозз-А-Ла», большой японский автомобильный концерн – «Такуро», а не «Хонда», поразила какая-то страшная болезнь, прозванная «супергриппом» и выкосившая практически все население. «Так что засунь эти мысли в свою «такуро спирт»

и езжай дальше», – подумал Эдди.

Раньше он четко ощущал бег времени. Страх, конечно, практически ни на секунду не отпускал его, он полагал, они все боялись, за исключением, возможно, Роланда. Но в том, что он держит руку на пульсе времени, сомнений не было. Ощущения, что время ускользает от него, не возникало, даже когда они шагали по А-70 с патронами в ушах, глядя на застывшие автомобили и слушая ноющее дребезжание того, что Роланд называл червоточиной.

Но после встречи в стеклянном дворце с приятелем Джейка Тик-Таком и давним знакомцем Роланда (Флеггом... или Мортенем... или, возможно, Мэрлином) время изменилось.

«Не сразу, конечно. Мы попали в этот чертов розовый шар... увидели, как Роланд по ошибке убил мать... и когда вернулись...»

Да, именно в тот момент все и случилось. Они проснулись на опушке, милях в тридцати от Зеленого дворца. По-прежнему могли его видеть. Но сразу поняли, что стоит он уже в другом мире. Кто-то... или какая-то сила... перенесла их над или сквозь червоточину и оставила на Тропе Луча. Кто-то или что-то позаботилось и о том, чтобы обеспечить им ленч: банки с газировкой «Нозз-А-Ла» и куда более знакомое печенье «Киблер».

Рядом они обнаружили на сучок записку от того типа, которого Роланд едва не убил во дворце: «Отступитесь от Башни. Это мое последнее предупреждение».

Нелепость, иначе и не скажешь. Разве мог Роланд отступить-ся от Башни? С тем же успехом можно было попросить его убить прирученного Джейком путаника, освежевать и зажарить к ужину. Ни один из них уже не мог отступить-ся от Темной Башни Роланда. Да поможет им Бог – каждый хотел пройти этот путь до конца.

«До темноты еще есть время, – сказал Эдди в тот день, когда они нашли записку-предупреждение Флегга. – Ты хочешь использовать его, не так ли?»

«Да, – ответил Роланд из Гилеада. – Давайте его используем».

Что они и сделали, следуя Тропе Луча, шагая по бескрайним полям, разделенным полосами колючего кустарника. Нигде и ни в чем не обнаруживая присутствия человека. День за днем, ночь за ночью низкие облака затягивали небо. Но поскольку шли они Тропой Луча, над их головами облака порой расходились, обнажая островки синевы, жаль лишь, что ненадолго. Однажды ночью они увидели полную луну, а на ней – лицо с неприятным прищуром и хитрой ухмылкой торговца-мешочника. По подсчетам Роланда получалось, что сейчас позднее лето, но Эдди склонялся к тому, что глубокая осень: трава пожухла и пожелтела, с редких деревьев облетела листва, да и кусты стояли голые. Дичь попала-лась все реже, и впервые за долгие недели, с тех пор, как они покинули лес Шардика, медведя-киборга, им приходилось ложиться спать на пустой желудок.

Но все это, думал Эдди, раздражало куда меньше, чем ощущение утраты времени: оно больше не делилось на часы, дни, недели, времена года. Луна могла подсказывать Роланду, что лето заканчивается и грядет осень, но окружающий мир выглядел как в первую неделю ноября, дремал, готовясь впасть в зимнюю спячку.

Время, к такому выводу пришел Эдди в тот период, по большей части создается внешними событиями. Когда случается много всякого и разного, оно вроде бы бежит быстро. Если же не случается ничего, кроме привычной рутины, оно замедляется. А когда вообще ничего не происходит, время просто исчезает. Собирает вещички и отправляется поразвлечься на Кони-Айленд. Странная, но правда.

«Неужто ничего не происходит?» – задавался вопросом Эдди (а поскольку не было у него другого занятия, кроме как толкать перед собой коляску Сюзанны, пересекая одно пустынное поле за другим, времени для поиска ответа ему хватало). Единственной странностью, которая имела место быть после возвращения из Магического кристалла, это, как назвал его Джейк, Загадочное число, но, возможно, оно ничего и не значило. Им пришлось решать математическую загадку в Колыбели Лада, чтобы получить доступ к Блейну, и Сюзанна предположила, что Магическое число – отрывок той самой загадки. Эдди сомневался в ее правоте, но, черт побери, соглашался принять предположение как одну из версий.

Ну действительно, что могло быть такого особенного в

числе девятнадцать? Это ж надо, Загадочное число. После некоторого раздумья Сюзанна сказала, что это простое число, как и те числа, что открыли ворота между ними и Блейном Моно. Эдди добавил, что это единственное число, стоящее между восемнадцатью и двадцатью всякий раз, когда он считал до двадцати. Джейк рассмеялся и предложил ему не нести чушь. Эдди, сидевший у самого костра и свежававший кролика (этому кролику предстояло присоединиться к уже освежеванному кошке и собаке в его заплечном мешке), попросил Джейка не насмехаться над его единственным талантом.

2

Возможно, они шли по Тропе Луча уже пять или шесть недель, когда наткнулись на две двойные колеи, по которым никто не ездил бог знает сколько лет, но в том, что когда-то это была дорога, сомнений не возникало. Она не тянулась вдоль Тропы Луча, но Роланд все равно свернул на нее. Дорога, сказал он, проходит достаточно близко от Тропы, и их это вполне устроит. Эдди надеялся, что дорога поможет им восстановить временную ориентацию, но напрасно. Правда, уходила она не только вперед, но и вверх, а вокруг расстилались все те же пустынные поля. Наконец они вышли на гребень хребта, который протянулся с севера на юг. По другую сторону гребня дорога ныряла в темный лес. Прямо-та-

ки дремучий лес из сказки, подумал Эдди, когда они углубились в него. Сюзанна подстрелила оленя на второй день их пребывания в лесу (а может, на третий... или четвертый), и мясо, после вегетарианских «буррито по-стрелецки», казалось божественным блюдом, но в чащобе не прятались ни великаны-людоеды, ни тролли. Не встретились им также и эльфы или кто иной. Как, впрочем, и второй олень.

– Я все ищу леденцовый домик. – Эдди картинно огляделся. Они уже несколько дней шли по дороге, выющейся меж огромных деревьев. А может, и целую неделю. Наверняка он знал лишь одно: Тропа Луча где-то рядом. Они видели ее в небе... и чувствовали ее близость.

– Какой еще леденцовый домик? – спросил Роланд. – Это еще одна история? Если да, хотелось бы ее услышать.

Конечно, ему хотелось. Он обожал истории, особенно те, что начинались словами: «Давным-давно, когда все жили в лесу...» Но слушал как-то странно. Чуть отстраненно. Однажды Эдди упомянул об этом Сюзанне, и та мгновенно нашла объяснение, что частенько случалось с ней. Сюзанна обладала удивительной способностью, обычно свойственной поэтам, выражать чувства словами, схватывать их на лету.

– У тебя сложилось такое впечатление, потому что он не слушает, как ребенок перед сном, – сказала она Эдди. – Ты-то рассчитывал, что слушать он будет именно так, сладенький.

– А как же он слушает?

– Как антрополог, – без запинки ответила она. – Как антрополог, пытающийся понять незнакомую ему цивилизацию по мифам и легендам.

Она попала в десятку. И если Эдди испытывал некий внутренний дискомфорт из-за того, что Роланд слушал не так, как ему хотелось, то причина тому была одна: в глубине души Эдди полагал если кто и должен слушать как ученый, так это он, Эдди, а еще Сюзи и Джейк. Потому что они пришли из более продвинутого мира. Не так ли?

Но чей бы мир ни был более продвинутым, все четверо обнаружили, что многие истории принадлежали обоим мирам, только назывались по-разному. Скажем, история, знакомая Роланду под названием «Сказ Дианы», практически ничем не отличалась от «Женщины и тигра», которую трое ньюйоркцев читали в школе. Легенда о лорде Перте повторяла библейскую притчу о Давиде и Голиафе. Роланд слышал много историй о Человеке-Иисусе, который умер на кресте, искупая грехи мира, и рассказал Эдди, Сюзанне и Джейку, что у Иисуса и его учения много последователей в Среднем мире. Общими для обоих миров были и некоторые песни. Скажем, «Беззаботная любовь». Или «Эй, Джуд».

Эдди никак не меньше часа рассказывал Роланду историю о Гензеле и Гретель, превратив, сам того не подозревая, злобную, поедающую детей ведьму в Риа с Кооса. Подойдя к той части повествования, где ведьма решила немножко откормить детей, он прервался, чтобы спросить Роланда: «Ты

знаешь эту историю? Есть у вас похожая?»

– Нет, – ответил Роланд, – такой истории я не знаю. Так что, пожалуйста, расскажи ее до конца.

Эдди и рассказал, закончив стандартным: «А потом они жили долго и счастливо».

Стрелок кивнул.

– Никто, конечно, после такого не сможет жить счастливо, но детям мы предоставляем возможность выяснить это самим, не так ли?

– Да, – согласился с ним Джейк.

Ыш трусил у ног мальчика и, как всегда, в его глазах с золотым ободком, когда он смотрел снизу вверх на Джейка, читалось восхищение. «Да», – повторил ушастик-путаник, в точности копируя интонацию мальчика.

Эдди обнял Джейка за плечи.

– Очень плохо, что ты здесь, а не в Нью-Йорке. Окажись ты в Яблоке, Джейки-бой, наверное, уже заимел собственного психоаналитика. Обсуждал бы с ним проблемы, связанные с родителями. Добирался до сути неразрешенных конфликтов. Может, принимал бы высококачественные лекарства. Что-нибудь вроде риталина⁷.

– Знаешь, я бы предпочел остаться здесь, – ответил Джейк, поглядев на Ыша.

– Да уж, – улыбнулся Эдди. – Не могу тебя за это упрек-

⁷ Риталин – нейростимулятор, применяется при нарушениях поведения у детей, ослаблении концентрации внимания, расторможенности.

нуть.

– Такие истории называются волшебными сказками, – вдруг изрек Роланд.

– Точно, – кивнул Эдди.

– Только в этой сказке волшебниц не было.

– Нет, – согласился Эдди. – Скорее это название определенной категории историй. В нашем мире есть детективные истории, истории в жанре «саспенс», научно-фантастические истории... ужастики... вестерны... сказки. Понимаешь?

– Да, – ответил Роланд. – Так люди в вашем мире всегда в каждый конкретный момент хотят слушать только одну историю? Только одного типа?

– Полагаю, что да, – ответила ему Сюзанна.

– А кто-нибудь у вас ест мясо, тушенное с овощами?

– Полагаю, случается, – ответил Эдди. – Но когда дело доходит до развлечений, мы предпочитаем что-то одно и не смешиваем мясо с картофелем. Хотя получается скучновато, если смотреть под таким вот углом.

– И сколько, вы говорите, есть этих волшебных сказок?

Без запинки, практически в унисон, Эдди, Сюзанна и Джейк произнесли одно и то же слово: «Девятнадцать!» А мгновением позже Ыш повторил его своим хриплым голосом: «Дев-цать!»

Они переглянулись и рассмеялись, потому что слово «девятнадцать» стало у них модным словечком. Но в смехе слы-

шалась и тревога, потому что вся история с девятнадцатью принимала довольно-таки странный оборот. Эдди вырезал это число на боку своей последней фигурки животного. Сюзанна и Джейк признались, что, собирая хворост для вечернего костра, всякий раз приносили охапку из девятнадцати веток. Ни один не мог сказать почему. Выходило как-то само собой.

А потом наступило утро, когда Роланд остановил их посреди леса, по которому они тогда шли. Указал на небо, просвечивающее сквозь разлапистые ветви высокого дерева. И ветви эти на фоне неба образовали число девятнадцать. Именно девятнадцать. Они все это видели, только Роланд увидел первым.

Однако Роланд, веривший в знаки и знамения точно так же, как Эдди когда-то верил в лампы накаливания и аккумуляторные батарейки, не придавал особого значения странной и внезапной влюбленности своего ка-тета в это число. Они все больше становились единым целым, размышлял он, как и положено ка-тетам, а потому мысли, привычки и даже навязчивые идеи каждого распространялись на всех, как простуда. Он верил, что в популяризации числа девятнадцать в определенной степени сказывается влияние Джейка.

– Есть у тебя такая способность, Джейк, – сказал он. – Не уверен, что такая же сильная, как у моего давнишнего друга Алена, но, клянусь богами, надеюсь на это.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. – Джейк в недоуме-

нии нахмурился. Эдди понял в принципе и догадался, что Джейк тоже поймет со временем. Если, конечно, время вернет себе привычный ход.

И в тот день, когда Джейк принес сдобные шары, это произошло.

3

Они остановились, чтобы перекусить (все те же вегетарианские голубцы, мясо оленя давно съели, а от печенья «Киблер» остались только сладкие воспоминания), когда Эдди заметил, что Джейка с ними нет, и спросил стрелка, не знает ли тот, куда подевался мальчик.

– Свернул чуть раньше, примерно на полколеса, – и Роланд показал на дорогу оставшимися пальцами правой руки. – С ним все в порядке. Если бы что случилось, мы бы почувствовали. – Роланд посмотрел на свой голубец, откусил без всякого энтузиазма.

Эдди открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но Сюзанна опередила его:

– А вот и он. Привет, сладенький, что это ты принес?

В руках Джейк держал кругляши размером с теннисный мяч. Только эти мячи определенно не могли прыгать: из них во все стороны торчали короткие рожки. Когда мальчик подошел ближе, до ноздрей Эдди долетел запах, прекрасный запах, как у свежее испеченного хлеба.

– Думаю, их можно есть, – сказал Джейк. – Пахнут они как свежий хлеб, который моя мать или миссис Шоу, домохозяйка, всегда покупали в «Забарс»⁸. – Он посмотрел на Сюзанну и Эдди, улыбнулся. – Вы знаете этот магазин?

– Я, конечно, знаю, – ответила Сюзанна. – Там продается все самое лучше. М-м-м. Ну до чего хорошо пахнут! Ты их еще не ел, не так ли?

– Нет, конечно. – Джейк вопросительно посмотрел на Роланда.

Стрелок не стал их томить, взял один «мяч», сбил рожки и впился зубами в то, что осталось.

– Сдобные шары, – пояснил он. – Не видел их уже бог знает сколько лет. Такая вкуснятина. – Его синие глаза блеснули. – Рожки не ешьте. Они не ядовитые, но горькие. Мы можем их поджарить, если у нас остался олений жир. Жареные они по вкусу напоминают мясо.

– Неплохая идея, – кивнул Эдди. – Кушайте на здоровье. Я же, пожалуй, воздержусь. Не нравятся мне что-то эти грибы.

– Это не грибы, – возразил Роланд. – Скорее ягоды.

Сюзанна взяла шар, отломала рожки, надкусила, тут же отправила в рот кусок побольше.

– Не стоит тебе воздерживаться, сладенький. Приятель моего отца, Поп Моуз, сказал бы про них: «Лучше не бывает». – Она взяла у Джейка еще один сдобный шар, прошлась большим пальцем по его шелковистой поверхности между

⁸ «Забарс» – продовольственный магазин для гурманов в Верхнем Вест-Сайде.

рожками.

– Возможно, – не стал спорить Эдди, – но в школе, готовясь к сочинению, я прочитал одну книгу, вроде бы она называлась «Мы всегда жили в замке». Так там одна чокнутая дамочка отравила всю свою семью такой вот вкуснятиной. – Он наклонился к Джейку, поднял брови, растянул рот в, как он надеялся, злобной ухмылке. – Отравила всю свою семью, и они умерли в АГОНИИ!

Эдди свалился с бревна, на котором сидел, и начал кататься по иголкам и опавшей листве, корча страшные рожи и издавая жуткие звуки. Ыш в испуге бегал вокруг него, раз за разом пронзительно выгавкивая его имя.

– Прекрати, – сказал Роланд. – Где ты это взял, Джейк?

– Вон там. – Джейк указал в ту сторону, откуда они пришли. – На прогалине, которую увидел с дороги. Там этих шаров полным-полно. Опять же, если вам хочется мяса... Мне вот хочется... так туда приходит всякое зверье. Много следов и свежий помет. – Его глаза не отрывались от лица Роланда. – Очень... свежий... – говорил он как человек, который еще плохо владеет языком.

Легкая улыбка искривила уголки рта Роланда.

– Говори спокойно и просто. Что тебя тревожит, Джейк? Джейк ответил, едва шевеля губами:

– Пока я собирал сдобные шары, за мной наблюдали люди. – Он помолчал, потом добавил: – Они и сейчас наблюдают за нами.

Сюзанна взяла очередной сдобный шар, с восхищением оглядела его, поднесла к лицу, чтобы понюхать, как цветок.

– В той стороне, откуда мы пришли? Справа от дороги?

– Да, – ответил Джейк.

Эдди поднес руку ко рту, словно хотел приглушить кашель.

– Сколько?

– Думаю, четверо, – ответил Джейк.

– Пятеро, – поправил его Роланд. – Возможно, шестеро.

Одна женщина. И мальчик чуть старше тебя, Джейк.

Джейк вытаращился на него:

– И как давно они следят за нами?

– Со вчерашнего дня. Пристроились сзади и идут следом.

– И ты нам не сказал? – строго спросила его Сюзанна, на этот раз даже не потрудившись прикрыть рот.

Роланд посмотрел на нее, в глазах блеснула насмешливая искорка.

– Мне хотелось узнать, кто из вас первым учует их. Откровенно говоря, я ставил на тебя, Сюзанна.

Она холодно глянула на него и промолчала. Эдди подумал, что в этом взгляде проклюнулась Детта Уокер, и порадовался, что достался он не ему.

– И что мы будем с ними делать? – спросил Джейк.

– Пока ничего, – ответил стрелок.

– А если это ка-тет Тик-Така? Гашер и компания?

– Это не они.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что уже давно напали бы на нас и превратились в пищу для мух.

Достойного ответа на его реплику у них не нашлось, и они двинулись дальше. Дорога пряталась в глубоких тенях, петляла между деревьями, возраст которых исчислялся многими сотнями лет. Не прошло и двадцати минут, как Эдди уже отчетливо слышал звуки, издаваемые их преследователями (или наблюдателями: хруст ломающихся веток, шелест травы, иногда даже тихие голоса. «Пьяные» ноги», по терминологии Роланда). Эдди ругал себя за то, что так долго ничего этого не замечал. Он также задался вопросом: а чем эта компания зарабатывала на жизнь? Если выслеживанием, то на мастеров своего дела они явно не тянули.

Эдди Дин во многих аспектах стал частью Срединного мира, зачастую таких тонких, что он и сам не знал, однако расстояния он по-прежнему мерил милями, а не колесами. Он предположил, что они отшагали миль пятнадцать с того момента, как Джейк принес им сдобные шары и новость, что они в лесу не одни, когда Роланд сказал: на сегодня хватит. Лагерь они разбили посреди дороги, по-другому, с того момента как они вошли в лес, не бывало. При таком раскладе угли от их костра не могли вызвать лесного пожара.

Эдди и Сюзанна собирали хворост, Роланд и Джейк занимались обустройством маленького лагеря, готовили ужин, в этот день состоящий по большей части из сдобных шаров,

найденных Джейком. Сюзанна катила на своем кресле по дернине, нагибалась, чтобы поднять ветку. Эдди шагал неподалеку, что-то напевая себе под нос.

– Посмотри налево, сладенький, – подала голос Сюзанна. Эдди посмотрел, увидел оранжевый блик. Костер.

– На профессионалов они не тянут, не так ли? – спросил он.

– Нет. По правде говоря, мне их немного жаль.

– Как думаешь, что им нужно?

– Понятия не имею, но, видимо, Роланд прав. Они нам скажут, когда решат, что пора. Или подумают, что мы не те, кто им нужен, и отстанут от нас. Пошли, пора возвращаться.

– Одну секунду. – Он поднял ветку, задумался, поднял еще одну. Набрал нужное число. – Пошли.

По пути сосчитал ветки, которые нес, и те, что лежали на коленях Сюзанны. По девятнадцать – и там, и там.

– Сюзи. – Он подождал, пока она посмотрела на него. – Время вновь пошло.

Она даже не спросила, о чем он, только кивнула.

4

Решимость Эдди не есть сдобные шары довольно быстро растаяла как дым. Подходя к лагерю, они слышали скворчание оленьего жира, который Роланд (в запасливости с ним никто сравниться не мог) отыскал в своем старом, потрепан-

ном заплечном мешке. Эдди не отказался от своей порции, выложенной на одну из древних тарелок, найденных в лесу Шардика, и съел все.

– По вкусу не уступают омарам, – прокомментировал он, потом вспомнил чудовищ на берегу, отхвативших Роланду пальцы. – То есть не уступают по вкусу хот-догам, которые готовят в «Натанс». Извини, Джейк, зря я к тебе прицепился.

– Вот о чем вы все должны знать. – Роланд улыбался, в эти дни он улыбался чаще, гораздо чаще, но глаза оставались серьезными. – Вы все, сдобные шары иной раз вызывают очень живые сны.

– Ты хочешь сказать, съесть их, все равно что обкуриться? – спросил Джейк, которому сразу стало как-то не по себе. Он думал о своем отце. Элмер Чемберз много чего перепробовал за свою жизнь.

– Обкуриться? Не уверен...

– Закинуться. Ширнуться. Увидеть то, чего нет. Как ты вот принял мескалин и вошел в каменный круг, где этот демон едва... ты знаешь, едва не причинил мне вред.

Роланд задумался, вспоминая. Суккуба, заточенная в том каменном круге, если б ей не помешали, лишила бы Джейка Чемберза девственности, а потом затрахала бы до смерти. Так уж вышло, что Роланд заставил суккубу заговорить. В отместку, чтобы наказать его, она послала ему образ Сюзан Дельгадо.

– Роланд? – Джейк с тревогой смотрел на стрелка.

– Не волнуйся, Джейк. Это грибы делают то, о чем ты думаешь, воздействуют на сознание, изменяют его, а не сдобные шары. Это ягоды, приятные на вкус. Если твои сны станут совсем уж живыми, просто напомни себе, что тебе все это снится.

Эдди подумал, что тирада больно уж странная. Во-первых, Роланд никогда не проявлял такой заботы об их психическом здоровье. Во-вторых, никогда не отличался многословием.

«Время пошло, и он тоже это знает, – подумал Эдди. – Чуть-чуть постояло, но теперь побежало вновь. Как говорится, игра началась».

– Будем выставлять часового, Роланд? – спросил Эдди.

– Мне представляется, смысла нет, – ответил стрелок, сворачивая самокрутку.

– Ты действительно думаешь, что они не опасны? – Сюзанна посмотрела на лес. Отдельные деревья уже сливались в надвигающейся вечерней темноте. Маленький блик костра, который они видели ранее, исчез, но люди, следовавшие за ними, остались. Сюзанна их чувствовала. И не удивилась, когда, опустив голову, увидела, что и Ёш смотрит в том же направлении.

– Я думаю, возможно, в этом и заключается их проблема, – ответил Роланд.

– И что сие должно означать? – любопытствовал Эдди, но Роланд не ответил. Лежал на спине, подложив под голову

свернутую оленью шкуру, смотрел в темное небо и курил.

Позже ка-тет Роланда уснул. Они не выставили часового, и никто не потревожил их сон.

5

Сны, когда они пришли, были вовсе не снами. Они все это знали, за исключением, возможно, Сюзанны, которой в реальности той ночью там не было.

«Господи, я снова в Нью-Йорке, – подумал Эдди. И тут же пришла новая мысль: – Действительно вернулся в Нью-Йорк. Это и впрямь произошло».

Произошло. Он оказался в Нью-Йорке. На Второй авеню.

И в тот же самый момент Джейк и Ыш вышли на Вторую авеню с Пятьдесят четвертой улицы.

– Привет, Эдди. – Джейк улыбался. – Добро пожаловать домой.

«Игра началась, – подумал Эдди. – Игра началась».

Глава 2

1

Джейк заснул, глядя в чернильную тьму: ни луны, ни звезд на облачном ночном небе. Засыпая, почувствовал, будто куда-то падает. Он узнал это чувство: когда был так называемым нормальным ребенком, ему частенько снилось, что он падает, особенно перед экзаменами, но сны эти как отрезало после того, словно он заново родился в Срединном мире.

А потом ощущение, будто он куда-то падает, исчезло. Он услышал какую-то мелодичную музыку, слишком уж расчудесную: три ноты, и ты хочешь, чтобы она смолкла, двенадцать, и тебе кажется, что она убьет тебя, если не смолкнет. От каждой ноты, казалось, вибрировали все кости. «Что-то гавайское, кажется?» – подумал он, и хотя мелодия эта ничем не напоминала дребезжание червоточины, что-то общее у них точно было.

Было, и все тут.

А потом, когда он уже понял, что больше не выдержит этих ужасных и прекрасных звуков, они стихли. И темнота под его опущенными веками вдруг окрасилась ярким багрянцем.

Он осторожно приоткрыл глаза навстречу сильному сол-

нечному свету.

И у него отпала челюсть.

В Нью-Йорке.

Мимо пролетали такси, поблескивая желтизной под солнечными лучами. Мимо Джейка прошел высокий молодой чернокожий мужчина в наушниках, от которых проводки тянулись к плееру; он подпрыгивал в такт музыки, напевая себе под нос: «Ча-да-ба, ча-да-бау!» Барабанные перепонки Джейка чуть не разорвал грохот отбойного молотка. Куски бетона падали в кузов самосвала, каждый удар эхом отдавался от фасадов домов. Этот мир просто переполнял шум. А он, даже не осознавая этого, привык к безмолвию Среднего мира. Да что там привык. Полюбил. Однако у шума и суеты тоже были свои плюсы, и Джейк не мог этого отрицать. Он вернулся в нью-йоркское мельтешение. Почувствовал, как легкая улыбка растягивает губы.

– Снись! Снись! – печально прокричали у его ноги.

Джейк посмотрел вниз и увидел Ыша, который сидел на тротуаре, поджав хвост. Ушастик-путаник был без красных башмачков, Джейк – без красных полуботинок (слава Богу), и все это напоминало визит в Гилеад Роланда, который они совершили с помощью розового Магического кристалла. Хрустального шара, принесшего столько горя и бед.

На этот раз он обошелся без кристалла... всего лишь заснул. Но все это никак не могло ему присниться. Реальностью происходящее с ним превосходило любой другой его

сон. К тому же...

К тому же люди продолжали обходить его и Ыша, стоявших в центре города, слева от салуна «Канзасская хандра». Аккурат в тот момент, когда он думал об этом, какая-то женщина перешагнула через Ыша, для чего ей пришлось задрать прямую черную юбку повыше колена. Выражение ее сосредоточенного лица (Джейк истолковал его как «Я всего лишь одна из жителей Нью-Йорка, занятая своими делами, так что отвалите от меня») ни на йоту не изменилось.

Они нас не видят, но каким-то образом чувствуют. А если они ощущают наше присутствие, значит, мы действительно здесь.

Над первым логичным вопросом «Почему?» Джейк подумал разве что пару секунд, а потом отставил в сторону. Пришел к выводу, что со временем наверняка получит ответ. А пока почему не понаслаждаться Нью-Йорком, раз уж довелось вернуться в него?

– Пошли, Ыш, – позвал он зверька и обогнул угол. Ушастик-путаник, определенно не городской житель, держался так близко к ноге Джейка, что тот ощущал лодыжкой его дыхание.

«Вторая авеню, – подумал он. И тут же: – Господи...»

Потому что в этот самый момент увидел Эдди Дина, стоявшего перед магазином «Барселонские чемоданы», ошеломленного и одетого определенно не по последней моде, в старых джинсах, рубашке и мокасинах из оленьей кожи. Во-

лосы, пусть и чистые, доходили до плеч, чувствовалось, что рука профессионала их давно не касалась. Джейк понял, что и сам он выглядит не лучше, в рубашке из той же оленьей кожи и практически превратившихся в лохмотья тех самых джинсах, в которых он навсегда покинул дом, отправившись в Бруклин, на Голландский холм и в другой мир.

«Слава Богу, нас никто не может увидеть», – подумал Джейк, а потом решил, что, может, и зря. Если бы люди их видели, то к полудню они разбогатели на поданной милостыни. Он улыбнулся этой мысли. Воскликнул: «Привет, Эдди. Добро пожаловать домой».

Эдди кивнул, но изумление не сходило с лица.

– Вижу, ты прихватил с собой своего дружка.

Джейк наклонился, потрепал Ыша по голове.

– Он для меня, что кредитная карточка «Америкэн экспресс». Без него я никуда не хожу.

Джейк уже собрался продолжить, в голове кишмя кишели остроумные фразы, когда из-за угла вышел какой-то человек и прошел мимо, не обратив на них, как и все остальные, никакого внимания. Однако его появление разом все изменило. То был подросток в джинсах, которые выглядели совсем как джинсы Джейка, потому что действительно принадлежали ему. Не те, что сейчас были на нем, а другие. Так же, как и кроссовки. Те самые, которых Джейк лишился на Голландском холме. Страж-привратник двери между мирами сорвал их с его ног.

Подростком, который мгновением раньше прошел мимо них, был Джон Чемберз, то есть он сам, только этот Чемберз выглядел больно уж мягким, наивным и на удивление юным. «Как ты выжил? – спросил Джейк свою собственную удаляющуюся спину. – Как пережил психологический стресс, вызванный потерей рассудка, уход из дома и происшествие в том ужасном доме в Бруклине? А главное, как тебе удалось вырваться из когтей этого чудовища, стража-привратника? Должно быть, характер у тебя крепче, чем я думал».

У Эдди глаза буквально разбежались в стороны, и выглядело это так смешно, что Джейк рассмеялся, хоть еще не пришел в себя от изумления. Ему сразу вспомнились комиксы, где Арчи⁹ или Твердый Лоб¹⁰ пытались смотреть сразу в обе стороны. Он опустил голову и увидел, что то же самое происходит и с Ышем. И развеселился еще больше.

– Какого хера? – вырвалось у Эдди.

– Мгновенный повтор, – сквозь смех выдавил из себя Джейк. Ответ получился глупый, но его это как-то не волновало. Ну, глупый, и что такого? – Та же ситуация, как и с Роландом, когда мы видели его в Гилеаде, только теперь мы в Нью-Йорке, 31 мая 1977 года! Именно в тот день я взял французскую увольнительную у Пайпера. Мгновенный по-

⁹ Арчи – персонаж комиксов (впервые появился в 1941 г.), популярный среди детей, рыжий мальчишка-школьник, участвующий со своими друзьями в многочисленных шалостях и проказах. Автор – художник Боб Монтана.

¹⁰ Твердый Лоб – прозвище Форсайта П. Джонса, лучшего друга Арчи.

втор, беби!

– Французскую... – начал Эдди, но Джейк не дал ему закончить. Потому что в голове сверкнула другая мысль. Нет, сверкнула – мягко сказано. Накрыла его, как приливная волна вдруг накрывает человека, в этот самый момент оказавшегося на берегу. Его лицо так густо покраснело от прилива крови, что Эдди даже отступил на шаг.

– Роза! – прошептал Джейк. Из легких вышел весь воздух, он просто не мог говорить громче, а в горле пересохло, словно он попал в песчаную бурю. – Эдди, роза!

– При чем тут она?

– Именно в тот день я ее увидел! – Он протянул руку, трясущимися пальцами коснулся предплечья Эдди. – Я иду к книжному магазину... потом к пустырю. Думаю, раньше там был магазин деликатесов...

Эдди кивал, на лице проявились признаки волнения.

– Магазин деликатесов «Том и Джерри», на углу Второй авеню и Сорок шестой...

– Магазин сломали, но роза там! Это я иду по улице, чтобы увидеть ее, а значит, мы тоже можем ее увидеть!

Вот тут глаза Эдди сверкнули.

– Тогда пошли. Мы же не хотим потерять тебя в толпе. Его. Черт, какая разница?

– Не волнуйся, – успокоил его Джейк. – Я знаю, куда он идет.

Джейк-двойник шел впереди них, нью-йоркский Джейк, Джейк весны 1977 года, шел медленно, смотрел по сторонам, явно убивал время. Джейк из Срединного мира отлично знал, что сейчас испытывает этот мальчик: безмерное облегчение, потому что спорящие голоса в его голове

(Я умер!)

(Я не умер)

наконец-то закончили свою перебранку. Случилось это у дощатого забора, где два бизнесмена играли в «крестики-нолики», расчертив на нем поле дорогой ручкой «Марк Кросс». И, разумеется, потому, что он удрал и от школы Пайпера, и от безумия экзаменационного сочинения по литературе для мисс Эйвери. Экзаменационное сочинение прибавляло четверть балла к годовой оценке, миссис Эйвери не раз об этом говорила, а Джейк написал какую-то галиматью. И тот факт, что учительница поставила ему $A+^{11}$, ничего не менял, только яснее ясного доказывал: что-то неладное творится не только с ним, но и со всем миром. И как-то это завязано на числе девятнадцать.

А до чего же приятно выскочить из-под такого пресса, хотя бы на время. Так что он готовился насладиться этим днем...

¹¹ То есть пять с плюсом.

«Только день какой-то не такой, – думал Джейк... Джейк, который шагал позади своего двойника. – Что-то в нем...»

Он огляделся, но не смог ничего понять. Конец мая, яркое, уже летнее солнце, на Второй авеню множество празднующихся и глазеющих на витрины, полно такси, иной раз встречались и длинные черные лимузины... вроде бы все как всегда.

Да только что-то было не так, как всегда.

Совсем не так.

3

Эдди почувствовал, как мальчик дернул его за рукав.

– Что здесь не так? – спросил Джейк.

Эдди огляделся. Несмотря на свои проблемы с приспособлением к окружающему миру (все-таки он вернулся не в свой, а в более ранний Нью-Йорк), он понимал, о чем толкует Джейк. Что-то было не так.

Он посмотрел на тротуар – убедиться, что они отбрасывают тени. Не потеряли их, как дети в одной из историй... в одной из девятнадцати волшебных сказок... а может, в одной из более поздних, таких как «Лев, колдунья и платяной шкаф» или «Питер Пэн». Одной из тех, которые можно назвать «Девятнадцать современных сказок»?

Впрочем, значения это не имело, потому что тени были.

«А ведь не должны, – подумал Эдди. – Не должны мы ви-

деть свои тени, когда так темно».

Глупая мысль. Темноты не было и в помине. На дворе-то утро, ясное майское утро, солнечный свет отбрасывал такие яркие «зайчики» от хромированных частей проезжающих автомобилей и окон домов на восточной стороне Второй авеню, что приходилось щуриться. Тем не менее у Эдди сложилось ощущение, что все это лишь видимость, хрупкая оболочка, вроде парусинового задника на сцене. Занавес поднимается, и мы видим Арденнский лес. Или замок в Дании. Или кухню в доме Уилли Ломана. А в данном конкретном случае – Вторую авеню, центр Нью-Йорка.

Да, что-то в этом роде. Только за этим задником вы найдете не мастерские или кладовую театра, а огромную выпотрошенную черноту. Мертвую вселенную, в которой Башня Роланда уже рухнула.

«Как же хочется, чтобы я ошибся, – подумал Эдди. – И причина всего – культурный шок или страх».

Но он чувствовал, это лишь отговорка, попытка зарыться головой в песок.

– Как мы сюда попали? – спросил он Джейка. – Двери-то не было... – Он замолчал, потом добавил с надеждой: – Может, это сон?

– Нет, – ответил Джейк. – Больше напоминает наше путешествие в Магическом кристалле. Только на этот раз Кристалла не было. – Тут его осенило: – Ты слышал музыку? Прекрасную мелодию? Аккурат перед тем, как попасть сю-

да?

Эдди кивнул.

– Настолько прекрасную, что у меня на глаза навернулись слезы.

– Точно. Именно так.

Ыш обнюхал пожарный гидрант. Эдди и Джейк подождали, пока их маленький дружок поднимет лапу и добавит свою запись к множеству имеющихся на этой доске объявлений. А впереди другой Джейк, Подросток-77, продолжал медленно идти и глазеть по сторонам. Эдди он напоминал туриста из Мичигана. Даже закинул голову, чтобы разглядеть верхние этажи зданий, и Эдди пришел к выводу, что нью-йоркский совет по цинизму, застигнув Джейка за таким вот занятием, лишил бы его дисконтной карты в «Блумингейле». Впрочем, лично он, Эдди, не жаловался: такое поведение парня облегчало им преследование.

И стоило Эдди обо всем этом подумать, как Подросток-77 исчез.

– Куда ты подевался? Господи, куда ты подевался?

– Расслабься, – ответил Джейк (у его лодыжки Ыш ввернул свое: «Абься»). Он улыбался. – Я просто вошел в книжный магазин. Э... «Манхэттенский ресторан для ума», вот как он назывался.

– Где ты купил «Чарли Чу-Чу» и книгу загадок?

– Истину говоришь.

Эдди понравилась эта таинственная, изумленная улыбка,

прилепившаяся к Джейку. Она словно подсвечивала его лицо. «Помнишь, как встрепенулся Роланд, когда я назвал ему фамилию владельца?»

Эдди кивнул. Владельца «Манхэттенского ресторана для ума» звали Келвин Тауэр.

– Поспешим, – добавил Джейк. – Я хочу посмотреть.

Эдди не заставил просить себя дважды. Он тоже хотел посмотреть.

4

Джейк остановился у двери в магазин. Улыбка не исчезла с его лица, но как-то поблекла.

– В чем дело? – спросил Эдди. – Что не так?

– Не знаю. Но, думаю, что-то изменилось. А может... очень уж многое случилось после того, как я здесь побывал...

Он смотрел на черную доску в окне – на таких в маленьких ресторанах и кафешках пишут меню. Эдди подумал, что это неплохой способ заманивания покупателей. Только здесь в меню значились не закуски, первые и вторые блюда, а книги.

ОСОБЫЕ БЛЮДА ДНЯ

Из Миссисипи! Уильям Фолкнер,

зажаренный на сковороде

В переплете – цена договорная

*В тонкой обложке, «Винтейдж
лайбрери» – 75 центов за штуку.*

Из Мэна! Охлажденный Стивен Кинг

В переплете – цена договорная

Скидки «Книжного клуба»

В тонкой обложке – 75 центов за штуку.

Эдди заглянул за черную доску и увидел другого Джейка, незагорелого и без твердого ясного взгляда, Джейка, стоявшего у столика с книгами. Детскими книгами. На котором, возможно, лежали и девятнадцать волшебных сказок, и девятнадцать современных сказок.

«Прекрати, – сказал он себе. – Это же невроз навязчивости, и ты это знаешь».

Возможно, но старина Джейк собирался сделать покупку, взяв с этого стола книги, которым предстояло не просто изменить, но скорее всего спасти им жизнь. В общем, Эдди решил, что еще успеет поразмышлять о числе девятнадцать. Или не будет думать вообще, если избавится от этой навязчивости.

– Пошли в магазин, – сказал он Джейку.

Но мальчик застыл на месте.

– В чем дело? – спросил Эдди. – Тауэр не сможет нас увидеть, если тебя это тревожит.

– Тауэр-то не сможет, – согласился Джейк, – а как насчет него? – Он указал на своего двойника, который еще не встречался с Гашером, Тик-Таксом, стариками Речного Перекрестка. Который еще не ездил на Блейне Моно и ничего не знал о Риа с Кооса. – Джейк вскинул глаза на Эдди. – Что, если я увижу себя?

Эдди пришел к выводу, что такое могло случиться. Черт, да случиться могло что угодно. Но это не заставило его внести какие-то коррективы в принятое решение.

- Думаю, мы должны войти в магазин, Джейк.
– Да, – выдохнул тот. – Похоже, что должны.

5

Они вошли, их не увидели, и у Эдди отлегло от сердца, когда на столике, который привлек внимание мальчика, он насчитал двадцать одну книгу. Да только после того, как Джейк взял две, «Чарли Чу-Чу» и книгу загадок, их осталось девятнадцать.

– Нашел что-нибудь для себя, сынок? – спросил тихий голос. Принадлежал он толстячку в белой рубашке с отложным воротничком. За его спиной, у стойки, какая могла стоять в кафе начала века, трое старичков пили кофе и маленькими кусочками ели пирожные. Тут же стояла шахматная доска с расставленными фигурами: партию прервало появление Джейка-77.

– Мужчина, сидящий у доски, Эрон Дипно, – прошептал Джейк. – Он объяснит мне загадку про Самсона.

– Ш-ш-ш! – шикнул на него Эдди. Он хотел послушать разговор между Келвином Тауэром и Подростком-77. Внезапно пришло осознание, что разговор этот очень важен... да только какого хера здесь так темно?

«Но ведь совсем и не темно. В этот час солнце ярко освещает восточную часть улицы, дверь открыта, так что света в магазин проникает достаточно. Как ты можешь говорить,

что здесь темно?»

Потому что каким-то образом было темно. Магазин заливал не только солнечный свет, но и альтернатива солнечного света. Однако темнота эта глазам не давалась. И вот тут Эдди осенило: всем этим людям грозит опасность. Тауэру, Дипно, Подростку-77. Возможно, ему, Джейку из Срединного мира и Ёшу. Им всем.

6

Джейк наблюдал, как его двойник, более молодой, отступил на шаг от владельца магазина, его глаза изумленно раскрылись. «Потому что его фамилия Тауэр, – подумал Джейк. – Вот что меня изумило. И причина – не Башня Роланда, тогда я не имел о ней ни малейшего понятия, а картинка, которой я украсил последнюю страницу своего сочинения».

Вырезка из журнала, фотоснимок падающей Пизанской башни, сплошь заштрихованной черным карандашом.

Тауэр спросил, как его зовут. Джейк-77 ответил, и Тауэр немного поиронизировал над его фамилией. Поиронизировал по-доброму, как случается, если взрослые действительно любят детей.

– Хорошее имя, дружище, – говорил Тауэр. – Почти как у того бравого парня, героя вестерна... он еще врывается в городок Черные Вилы, что в Аризоне, очищает его от всех

бандюганов, а потом едет дальше. Вроде бы написал тот вестерн Уэйн Д. Оуверхолсер¹²...

Джейк шагнул к своему двойнику (мелькнула мысль: а ведь отличный сюжетец для телешоу «Субботним вечером в прямом эфире») и его глаза чуть раскрылись.

– Эдди! – Он по-прежнему шептал, хотя и знал, что люди в книжном магазине не могут его услышать...

Хотя на каком-то уровне, возможно, могли. Он вспомнил женщину на Пятьдесят четвертой улице, которая приподняла юбку, чтобы переступить через Ыша. Вот и теперь взгляд Келвина Тауэра скользнул в его направлении, прежде чем вернуться к Джейку-77.

– Лучше бы не привлекать ненужного внимания, – прошептал Эдди ему на ухо.

– Знаю, – ответил Джейк, – но посмотри на книгу «Чарли Чу-Чу», Эдди!

Эдди посмотрел, поначалу ничего не увидел, за исключением самого Чарли, с включенным прожектором и не слишком уж доверительной, скорее хитрой улыбкой. А потом брови Эдди взлетели вверх.

– Я думал, что «Чарли Чу-Чу» написала Берил Эванз¹³.

Джейк кивнул – «Я тоже».

¹² Оуверхолсер Уэйн (1906–1996) – американский писатель, известный своими вестернами, как романами, так и рассказами.

¹³ Эванз Берил – детская писательница и художница, рожденная воображением С. Кинга.

– Тогда кто... – Эдди вновь бросил взгляд на обложку. – Кто такая Клаудия-и-Инесс Бахман¹⁴?

– Понятия не имею, – ответил Джейк. – Никогда о ней не слышал.

7

Один из старичков, сидевших у стойки, направился к ним. Эдди и Джейк попятились. По спине Эдди пробежал холодок, Джейк побледнел как полотно, а Ыш начал тихонько подвывать. Что-то тут было не так, все точно. В каком-то смысле они потеряли свои тени. Эдди только не мог понять, как это произошло.

Подросток-77 тем временем уже достал кошелек и расплачивался за обе книги. Разговор с Келвином какое-то время продолжался, иногда прерываемый добродушным смехом, а потом нью-йоркский Джейк направился к двери. Эдди двинулся было следом, но Джейк из Срединного мира удержал его за руку: «Нет, еще не пора... я должен вернуться».

– Мне это до лампочки, – фыркнул Эдди. – Давай подождем на тротуаре.

Джейк задумался, потом кивнул. Но у двери им пришлось

¹⁴ Бахман Клаудия-и-Инесс – вдова безвременно, в 1985 г., умершего от рака писателя Ричарда Бахмана, которая обнаружила в архиве писателя рукопись романа «Регуляторы». В 1996 г. роман был опубликован, потом переведен на многие языки (на русском вышел в 1997 г. в издательстве «АСТ») и получил высокую оценку читателей.

остановиться и отойти в сторону: другой Джейк возвращался. С раскрытой книгой загадок. Келвин Тауэр навис над шахматной доской, стоящей на стойке. Поднял голову, увидел вернувшегося Джейка, улыбнулся.

– Передумал насчет чашечки кофе, о Гиборин-Скиталец?

– Нет, просто хотел спросить...

– Дальше пойдет речь о загадке Самсона, – прошептал Джейк из Срединного мира. – Не думаю, что это важно. Хотя этот Дипно споет очень неплохую песню. Хочешь послушать?

– Обойдусь, – ответил Эдди. – Пошли.

Они покинули магазин, и хотя ситуация на Второй авеню не улучшилась, бесконечная тьма по-прежнему ощущалась за фасадами зданий, за самим небом, на улице было куда лучше, чем в «Манхэттенском ресторане для ума». По крайней мере они дышали свежим воздухом.

– Вот что я тебе скажу. – Джейк повернулся к Эдди. – Пойдем-ка на угол Второй авеню и Сорок шестой улицы. – Он прислушался: Эрон Дипно уже пел. – Я вас догоню.

Эдди обдумал его предложение, покачал головой.

Джейк погрустнел.

– Ты не хочешь увидеть розу?

– Будь уверен, хочу, – ответил Эдди. – Безумно хочу.

– Тогда...

– Но я чувствую, что рано нам уходить. Не знаю почему, но рано.

Джейк, двойник из семьдесят седьмого года, оставил дверь открытой, когда вошел в магазин, и Эдди шагнул к дверному проему. Эрон Дипно загадывал Джейку загадку, потом они ее загадали Блейну Моно: «Нету ног, но на месте она не стоит... нету рта, но она никогда не молчит». Джейк из Срединного мира тем временем вновь смотрел на черную доску, выставленную в витрине, с зажаренным на сковороде Уильямом Фолкнером, Рэймондом Чандлером вкрутую. Он хмурился, на лице читались сомнения и тревога.

– И меню другое, знаешь ли.

– В какой части?

– Не помню.

– Это важно?

Джейк повернулся к нему. В глазах под сдвинутыми бровями была боль.

– Не знаю. Это еще одна загадка. Я ненавижу загадки!

Эдди мог ему только посочувствовать. «Когда Берил – не Берил?»

– Когда она Клаудия, – сам загадал загадку, сам и ответил.

– Что?

– Не важно. Лучше отойди в сторону, Джейк, а не то столкнешься с самим собой.

Джейк из Срединного мира вскинул глаза на надвигающегося на него нью-йоркского Джейка и последовал совету Эдди. А когда Подросток-77 зашагал по Второй авеню с приобретенными книгами в левой руке, устало улыбнулся Эдди.

– Знаешь, что мне хорошо запомнилось? Из этого магазина я уходил в полной уверенности, что никогда больше сюда не вернусь. Но вернулся.

– Учитывая, что мы сейчас призраки, а не люди, я бы сказал, это довольно-таки спорное утверждение. – Эдди по-дружески хлопнул Джейка по плечу. – А если ты забыл что-то важное, Роланд поможет тебе вспомнить. Это он умеет.

Джейк улыбнулся, на лице отразилось облегчение. По собственному опыту он знал, что стрелок действительно умеет помочь людям вспомнить. Друг Роланда, Ален, возможно, обладал способностью контактировать с разумом других, его второму другу – Катберту – досталось все чувство юмора того ка-тета, но и Роланд с годами превратился в гипнотизера экстра-класса. В Лас-Вегасе он бы мог без труда сделать целое состояние.

– Теперь мы можем идти за мной? – спросил Джейк. – Проверить розу? – Он посмотрел вдоль Второй авеню, ярко освещенной солнцем и одновременно темной, направо, потом налево. В глазах читалось замешательство. – Возможно, здесь ситуация получше. Роза тому способствует.

Эдди уже хотел двинуться с места, когда перед книжным магазином Келвина Тауэра остановился большой серый «линкольн таун-кар». Притерся к желтому бордюрному камню, передним бампером едва не снес пожарный гидрант. Передние дверцы открылись, и Эдди, увидев, кто вылезает из-за руля, схватил Джейка за плечо.

– Ой! – воскликнул Джейк. – Больно, однако!

Эдди не обратил внимания на его слова. Более того, его рука еще сильнее сжала плечо подростка.

– Господи Иисусе, – прошептал Эдди. – Господи Иисусе, что же это? Что же, черт побери, это такое?

8

Джейк наблюдал, как лицо Эдди из бледного становится землисто-серым. Глаза выкатились из орбит. Не без труда Джейк оторвал закаменевшую руку от своего плеча. Эдди хотел поднять ее, указать на водителя, но на это ему не достало сил. Рука упала, как плеть, шлепнулась о ногу.

Мужчина, который вылез с пассажирской стороны «тан-кар», прохаживался по тротуару, дожидаясь, пока водитель откроет заднюю дверцу. Даже Джейку показалось, что их действия отработаны до автоматизма, как па у профессиональных танцоров. С заднего сиденья вылез мужчина в дорогом костюме, который, однако, не мог скрыть, что его хозяин, мягко говоря, невысок ростом и отрастил приличный животик. Черные волосы коротышки заметно поседели на висках. Судя по плечам костюма, хватало в этих волосах и перхоти.

Джейк внезапно почувствовал, что стало гораздо темнее. Поднял голову посмотреть, не закрыло ли облако солнце. Нет, не закрыло, но вокруг яркого диска образовалась чер-

ная корона, словно кольцо туши вокруг широко раскрытого глаза.

В полуквартале от них его двойник, Подросток-77, смотрел на витрину китайского ресторана, и Джейк вспомнил его название: «Чав-чав». А чуть дальше находился музыкальный магазин «Башня выдающихся записей», поравнявшись с которым ему предстояло подумать: «Похоже, сегодня у нас распродажа башен». Если бы его двойник обернулся, то увидел бы серый «таун-кар»... но он не обернулся. Мыслями Подросток-77 целиком и полностью ушел в будущее.

– Это Балазар, – просипел Эдди.

– Кто?

Эдди указывал на коротышку, который на мгновение остановился, чтобы поправить дорогой итальянский шелковый галстук. Остальные мужчины пристроились по бокам. Настороженно глядя по сторонам.

– Энрико Балазар. И выглядит он гораздо моложе. Господи, прямо-таки мужчина средних лет.

– Это 1977 год, – напомнил ему Джейк. И тут до него дошло: «Тот парень, которого ты и Роланд убили?» В свое время Эдди рассказал Джейку историю о перестрелке в клубе Балазара в 1987 году, опустив самые уж кровавые подробности. Скажем, эпизод, когда Кевин Блейк принес голову брата Эдди в кабинет Балазара, с тем чтобы выманить Роланда и Эдди под пули. Генри Дина, великого мудреца и конченого наркомана.

– Да, – кивнул Эдди. – Тот парень, которого мы с Роландом убили. И того, кто сидел за рулем, – это Джек Андолини. Люди называли его Старина Двойной Уродец, разумеется, не в глаза. Вместе со мной он прошел через одну из дверей, перед тем как началась стрельба.

– Роланд убил и его. Не так ли?

Эдди кивнул. Все проще, чем объяснять, что Джек Андолини умер, ослепленный и с превращенным в кровавое месиво лицом в клешнях и челюстях омароподобных чудовищ.

– Второй телохранитель – Джордж Бьонди. Большой Нос. Я убил его сам. Убью. Через десять лет. – Эдди выглядел так, словно вот-вот грохнется в обморок.

– Эдди, ты в порядке?

– Скорее да, чем нет. То есть должен быть в порядке. – Они все дальше отходили от двери в магазин. Ыш терся у лодыжки Джейка. А его двойник, уходивший по Второй авеню, исчез. «Я уже бегу, – думал Джейк. – Может, перепрыгну через тележку с картонными коробками, которую катил мужчина в форме «Ю-пи-эс»¹⁵. Со всех ног мчусь к магазину деликатесов, потому что уверен: там мне откроется путь в Срединный мир. Путь к себе».

Балазар посмотрел на свое отражение в витрине, рядом с черной доской с надписью «БЛЮДА ДНЯ», пригладил волосы над ушами, отчего на плечи полетели новые белые чешуйки, прошел в открытую дверь. Андолини и Бьонди по-

¹⁵ «Ю-пи-эс» – «Юнайтед парсел сервис», частная служба доставки посылок.

следовали за ним.

– Крутые парни, – заметил Джейк.

– Более чем, – согласился Эдди.

– Из Бруклина.

– Вот-вот.

– А с чего это крутым парням из Бруклина заходить в букинистический магазин на Манхэттене?

– Думаю, мы здесь именно для того, чтобы это выяснить. Джейк, плечо болит?

– Все нормально. Но совершенно не хочется возвращаться в магазин.

– Мне тоже. Так что пошли.

И они вновь переступили порог «Манхэттенского ресторана для ума».

9

Ыш все не отрывался от ноги Джейка и продолжал подвывать. Джейку это вытье не нравилось, но он понимал своего четвероногого друга. Потому что в книжном магазине физически ощущался запах страха. Дипно сидел за шахматной доской, тоскливо глядя на Келвина Тауэра и вошедшую в магазин троицу. Эти люди ничем не напоминали библиофилов, мотающихся по букинистическим магазинам в поисках редкого первого издания с автографом. Другие два старичка у стойки торопливо допивали кофе. По их лицам чув-

ствовалось, что они вдруг вспомнили о важных встречах, на которые могут опоздать, если сейчас же не покинут магазин.

«Трусы, – с презрением, знакомым ему и по прежней жизни, подумал Джейк. – Небось уже в штаны наложили. Старость, конечно, частично вас извиняет, но полностью не оправдывает».

– Мы хотим кое-что с вами обсудить, мистер Торен, – говорил Балазар тихо, спокойно, в голосе не слышалось и намека на акцент. – Не могли бы мы пройти в ваш кабинет...

– Нечего нам обсуждать, – ответил Тауэр. Взгляд его переключился на Андолини. Почему, тайны для Джейка не составило. Лицом Джек Андолини напоминал вырубленного топором психа из какого-нибудь фильма ужасов. – Приходите 15 июля, тогда у нас, возможно, появится тема для обсуждения. Возможно. Впрочем, поговорить мы сможем после Четвертого июля. Как мне кажется. Если будет на то у вас желание. – Он улыбнулся, показывая, что честно пытается учесть не только свои интересы. – Но сейчас? Я просто не вижу в этом смысла. Еще и июнь-то не начался. И, к вашему сведению, моя фамилия...

– Он не понимает, – вздохнул Балазар. Посмотрел на Андолини, на второго своего телохранителя – с большим носом, поднял руки на уровень плеч, уронил вниз. «Что же не так с нашим миром?» – вопрошал этот жест. – Джек? Джордж? Этот мужчина взял у меня чек на приличную сумму, единицу с пятью последующими нулями, а теперь говорит, что не

видит смысла в разговоре со мной.

– Невероятно, – откликнулся Бьонди. Андолини промолчал. Просто смотрел на Келвина Тауэра, мутно-карие глаза выглядывали из-под мощных надбровных дуг и плоского лба, словно маленькие зверьки – из пещеры. С таким лицом, отметил Джейк, нет нужды в словах. Человек и так все поймет.

– Я хочу поговорить с вами, – все тот же ровный, спокойный голос, но теперь взгляд Балазара буквально впился в лицо Тауэра. – Почему? Потому что мои работодатели хотят, чтобы я с вами поговорил. И для меня это веская причина. И знаете, что я вам скажу? Думаю, получив от меня сто «штук», вы можете уделить мне пять минут для непридуманной беседы. Не правда ли?

– Тех ста тысяч уже нет, – сухо ответил Тауэр. – И я уверен, что вы и те, кто вас нанял, должны это знать.

– Меня это не волнует, – пожал плечами Балазар. – Какое мне до этого дело? Деньги-то ваши. Меня волнует другое, собираетесь вы выполнять нашу договоренность или нет? Если нет, боюсь, нам придется поговорить прямо здесь, перед всем миром.

Весь мир состоял из Эрона Дипно, одного ушастика-путаника и пары ньюйоркцев из другого мира, которых никто не мог видеть. Старики, сидевшие за стойкой, трусливо ретировались.

Тауэр предпринял еще одну попытку.

– Я не могу оставить магазин. Близится перерыв на ленч, и в это время к нам частенько заходят...

– Магазин не приносит и пятидесяти баксов в день, – ответил ему Андолини, – и мы все это знаем, мистер Торен. Но если вы боитесь упустить щедрого клиента, пусть он посидит несколько минут за кассовым аппаратом.

На какое-то ужасное мгновение Джейк подумал, что тот, кого Эдди назвал Старинной Двойным Уродцем, говорит про него, Джона «Джейка» Чемберза. Потом до него дошло: Андолини указывал на Дипно.

Тауэр сдался. Или Торен.

– Эрон? – спросил он. – Ты не против?

– Нет, если ты согласен. – На лице Дипно читалась тревога. – Ты действительно хочешь поговорить с этими парнями?

Бьонди одарил его тяжелым взглядом, под которым Дипно, по мнению Джейка, совсем не стушевался. Старик оказался крепким орешком. Джейк почувствовал, что гордится им.

– Да, – кивнул Тауэр. – Отчего не поговорить?

– Не волнуйся, из-за твоего согласия его задница не лишится девственности, – загоготал Бьонди.

– Выбирай выражения, ты в храме словесности, – одернул его Балазар, но Джейк заметил, что он чуть улыбнулся. – Пошли, Торен. Перекинемся парой слов, ничего больше.

– Это не моя фамилия! Я официально изменил ее на...

– Как скажете, – добродушно согласился Балазар. Прак-

тически похлопал Тауэра по руке. Джейк все еще пытался привыкнуть к тому, что все это... вся эта мелодрама... имела место быть после того, как он вышел из магазина с новыми книгами (новыми для него) и продолжил свой путь. Все произошло у него за спиной.

– Скандинав всегда останется скандинавом, не так ли, босс? – весело спросил Бьонди. – Как и голландец. Не важно, как он себя называет.

– Если я захочу, чтобы ты говорил, Джордж, я сам скажу, что желаю от тебя услышать, – глянул на него Балазар. – Ты понял?

– Само собой, – ответил Бьонди, потом подумал, голосу недостает энтузиазма. – Да! Конечно!

– Хорошо. – Балазар уже держал Тауэра за руку, по которой только что похлопал, и вел в дальний угол магазина. Книги лежали там навалом, в воздухе стоял запах миллионов пыльных страниц. Они подошли к двери с табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». Тауэр достал ключи, которые позвякивали, пока он искал нужный.

– У него дрожат руки, – пробормотал Джейк.

Эдди кивнул. «И у меня дрожали бы».

Тауэр отыскал нужный ключ, вставил в замок, повернул, открыл дверь. Еще раз взглянул на троих мужчин, приехавших повидаться с ним, трех крутых парней из Бруклина, а потом первым переступил порог. Бруклинцы последовали за ним. Дверь закрылась, Джейк услышал звук задвигаемого за-

сова. Усомнился в том, что это сделал сам Тауэр.

Джейк посмотрел на выгнутое зеркало в углу магазина, средство борьбы с воришками, увидел, как Дипно снял трубку с телефонного аппарата, стоявшего рядом с кассовым, несколько мгновений подержал в руке, снова положил на рычаг.

– А что делать нам? – спросил Джейк Эдди.

– Я хочу попробовать одну штуку. Однажды видел в кино. – Он остановился перед закрытой дверью, подмигнул Джейку. – Смотри. Если заработаю только шишку на лбу, имеешь право назвать меня кретином.

И прежде чем Джейк успел спросить, о чем он, собственно, говорит, Эдди прошел сквозь дверь. Джейк заметил, что глаза у него закрыты, а губы плотно сжаты. Он напоминал человека, ожидающего сильного удара.

Но никакого удара не последовало. Эдди просто прошел сквозь дверь. На мгновение от него остался только задник мокасины, потом исчез и он. Послышался легкий треск, словно кто-то вел рукой по шершавому дереву. Джейк наклонился и поднял Ыша. Сказал ему: «Закрой глаза».

– Глаза, – повторил путаник, продолжая с обожанием смотреть на Джейка. Джейк сам зажмурился, потом чуть приоткрыл глаза, увидел, что Ыш в точности копирует его. Не теряя больше времени, шагнул в дверь с табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». На мгновение все потемнело, в нос ударил запах дерева, он услышал пару знако-

мых будоражащих нот. И дверь осталась за спиной.

10

Подсобка оказалась гораздо просторнее, чем ожидал Джейк, размерами она напоминала большой склад, и везде лежали книги. Стопки книг, зажатых между вертикальными стойками, иной раз достигали высотой и четырнадцати, и шестнадцати футов. В проходах между ними заметил пару лесенок на колесиках, конструкцией напоминавших трапы, используемые в маленьких аэропортах. Как и в магазине, в подсобке пахло старыми книгами, только здесь запах многократно усиливался, забивал все остальные. Редкие, развешанные под потолком лампы давали желтоватый, неровный свет. Тени Тауэра, Балазара и двух его телохранителей, причудливо изогнутые, падали на левую стену. Тауэр вел гостей в угол, видимо, заменявший ему кабинет. Там стоял стол с пишущей машинкой и калькулятором, три бюро. Стены оклеены обоями, на одной – календарь. Майскую страничку украшал портрет какого-то господина из девятнадцатого века. Поначалу Джейк не понял, кто это... потом узнал. Роберт Браунинг. Джейк цитировал его в своем экзаменационном сочинении.

Тауэр сел за стол и, похоже, сразу же об этом пожалел. Джейк мог ему только посочувствовать. Оставшаяся троица хищно нависла над ним, что едва ли вызывало положитель-

ные эмоции. Их тени, прыгающие на стене за его спиной, напоминали тени горгулий.

Балазар сунул руку во внутренний карман пиджака, достал сложенный лист бумаги. Развернул и положил на стол перед Тауэром.

– Узнаете?

Эдди двинулся к столу. Джейк схватил его за руку. «Не подходи близко! Они тебя засекут!»

– Плевать, – отмахнулся Эдди. – Я должен увидеть, что это за бумага.

Джейк пошел следом. А что еще он мог сделать? Ыш вертелся у него на руках и скулил. Джейк шикнул на него. Ыш моргнул. «Извини, дружище, – сказал ему Джейк, – но тебе придется сидеть тихо».

Его двойник из 1977 года уже добрался до пустыря? Попав туда, тот Джейк на чем-то поскользнулся, обо что-то ударился и потерял сознание. Это уже произошло? Гадать смысла не имело. Эдди был прав. Джейку это не нравилось, но и ему пришлось признать: их место здесь, а не там, в Нью-Йорк 1977 года они попали, чтобы увидеть не розу, а ту самую бумагу, которую Балазар сейчас показывал Келвину Тауэру.

11

Эдди успел прочитать две первые строчки, когда Джек Андолини подал голос: «Босс, мне это не нравится. Что-то

здесь не так».

Балазар кивнул.

– Согласен. Мистер Торен, в подсобке, кроме нас, кто-нибудь есть? – Голос по-прежнему звучал спокойно и вежливо, но глаза уже бегали по сторонам: если кому-то захотелось бы тут спрятаться, укромных местечек хватало.

– Нет, – ответил Тауэр. – Разве что Серджио, магазинный кот. Полагаю, он где-нибудь спит...

– Это не магазин, – фыркнул Бьонди. – Эта дыра, куда вы выбрасываете ваши деньги. Разве нужна обычному книжному магазину такая вот подсобка? Небось архитектору пришлось поломать голову, чтобы при сооружении крыши обойтись без поддерживающих колонн. Кому вы дуриете голову?

«Себе, кому же еще, – подумал Эдди. – Он дурил голову себе».

И, словно мысль эта послужила толчком, вдруг зазвучала ужасная и прекрасная мелодия. Бандиты, сгрудившиеся у стола Тауэра, ее не слышали, а Джейк и Ыш – да. Эдди увидел это по тому, как они напряглись. А в подсобке, где и так не хватало света, вдруг стало еще темнее.

«Мы возвращаемся назад, – подумал Эдди. – Господи, мы возвращаемся назад. Но сначала...»

Просунулся между Андолини и Балазаром, отдавая себе отчет, что оба чувствуют его присутствие и настороженно стреляют глазами по сторонам. Его это не волновало. Он хотел увидеть бумагу. Кто-то нанял Балазара, чтобы тот сначала

ла подписал ее (возможно), а потом, когда придет срок, сунул под нос Тауэру/Торену (наверняка). В большинстве подобных случаев П Roche¹⁶ ограничивался тем, что посылал пару своих громил, или «джентльменов», как он их называл. Но визиту к Тауэру придавалось столь важное значение, что он поехал сам. Эдди хотелось знать почему.

СОГЛАШЕНИЕ

Этот документ представляет собой Соглашение между мистером *Келвином Тауэром*, жителем штата Нью-Йорк, владельцем недвижимости, которая представляет собой *незастроенную территорию, обозначенную как участок № 298 в квартале № 19, расположенную...*

Мелодия в голове зазвучала вновь, отдавшись дрожью во всем теле. На этот раз громче. И тени сгустились, полностью скрыв стены. Темнота, которую Эдди чувствовал на улице, рвалась внутрь. Их могло унести в любой момент, и это было плохо. Темнота могла поглотить их, и это было еще хуже, естественно, хуже, это же ужасно, утонуть в темноте.

А ведь там могли таиться всякие твари. Голодные твари вроде стража-привратника.

«Они и таятся». Голос Генри. Впервые за почти что два месяца. Такое Эдди мог легко представить себе: Генри стоит

¹⁶ П Roche – Утес (фр.).

за спиной с тупой улыбкой наркомана. С налитыми кровью глазами и желтыми, не знающими ухода зубами. «Ты знаешь, они и таятся. Но, когда ты слышишь эту мелодию, эти колокольца, то должен идти, братец; полагаю, ты и сам знаешь».

– Эдди! – крикнул Джейк. – Опять эта музыка! Ты слышишь?

– Схватись за мой ремень, – ответил Эдди. Его глаза бегали по бумаге, которую Тауэр держал пухлыми пальцами. Баллард, Андолини и Большой Нос продолжали оглядываться. Бьонди даже вытащил пистолет.

– Твой...

– Может, мы не расцепимся. – Музыка зазвучала еще громче, он застонал. Текст «Соглашения» расплывался перед глазами. Эдди прищурился, слова вновь обрели четкость:

...обозначенную как участок № 298 в квартале № 19, расположенную на Манхэттене, Нью-Йорк-Сити, на 46-й улице и 2-й авеню, и «Сомбра корпорейшин», корпорацией, зарегистрированной и занимающейся бизнесом в штате Нью-Йорк.

В этот день, 15 июля 1976 г., «Сомбра» выплачивает невозвращаемую сумму в размере ста тысяч (100 000) долларов Келвину Тауэру как владельцу вышеуказанной недвижимости. Принимая эти деньги, Келвин Тауэр соглашается не...

15 июля 1976 г. Почти год назад.

Эдди чувствовал, как темнота окутывает их, и, напрягая зрение, пытался ухватить остальной текст как глазами, так и разумом: хотя бы большую часть, достаточную, чтобы понять, о чем, собственно, речь. Если бы это удалось, они по крайней мере на шаг приблизились к ответу на вопрос: а как все это связано с ними?

Если эта музыка, эти колокольца не сведут меня с ума. Если твари, таящиеся в темноте, не сожрут нас на обратном пути.

– Эдди! – крикнул Джейк. Голос переполнял ужас. Эдди не отреагировал.

...Келвин Тауэр соглашается не продавать, не сдавать в аренду, никоим образом не использовать вышеуказанную недвижимость в течение одного года, начинающегося с ранее указанной даты и заканчивающегося 15 июля 1977 г. Обе стороны исходят из того, что «Сомбра корпорейшин» первой получает право на покупку вышеозначенной недвижимости, на условиях, приведенных ниже.

В этот период Келвин Тауэр в полной мере учитывает и защищает заявленные интересы «Сомбра корпорейшин» в приобретении вышеозначенной собственности, не отдает ее в залог и не допускает никаких посягательств на нее третьих лиц...

На том текст не заканчивался, но мелодия, звучащая в го-

лове, просто разрывала ее на куски. И тут Эдди понял, более того, на мгновение увидел, каким тонким стал этот мир. А может, и все миры. Тонким и выношенным, как ткань его джинсов. Его взгляд выхватил последнюю фразу соглашения: *«...при выполнении всех этих условий получает право продать или передать иным способом вышеозначенную недвижимость «Сомбра корпорейшин» или любой третьей стороне»*. А потом слова исчезли, все исчезло, завертевшись смерчем в черной воронке. Джейк одной рукой держался за ремень Эдди, второй – прижимал к себе Ыша. Зверек отчаянно тявкал, а перед глазами Эдди опять мелькнула Дороти, уносимая ураганом в страну Оз.

В темноте действительно обитали какие-то твари, громадные, бесформенные, с фосфоресцирующими глазами, таких иной раз можно увидеть в фильмах об исследованиях расщелин на океанском дне. Только в фильмах исследователи всегда находились за крепкими стенками батискафа, тогда как они с Джейком...

Музыка, этот колокольный звон, эти удары рвали барабанные перепонки. Казалось, головой его засунули в часы Биг-Бен, в тот самый момент, когда они отбивали полночь. Он кричал, не слыша себя. А потом оборвались вообще все звуки, он больше не видел ни Джейка, ни Ыша, ни Срединного мира, парил где-то за звездами и галактиками.

«Сюзанна! – закричал он. – Где ты, Сюззи?»

Нет ответа. Только тьма.

Глава 3

1

Давным давно, где-то в шестидесятых (до того, как мир сдвинулся), жила-была женщина по имени Одетта Холмс, милая, осознающая ответственность перед обществом, молодая, богатая, симпатичная, жаждущая встретить достойного парня (или девушку). Сама того не осознавая, эта женщина делила тело с куда менее приятной особой, Деттой Уокер. Детта плевать хотела на достойного парня (или девушку). Риа с Кооса раскрыла бы Детте объятия, признав в ней свою сестру. Роланд из Гилеада, последний стрелок, «извлек» эту «раздвоенную» женщину в Срединный мир и создал третью, которая оказалась куда лучше, куда сильнее, чем две первые. В эту третью женщину и влюбился Эдди Дин. Она назвала его мужем, взяла его фамилию. Не будучи знакомой с воинствующим феминизмом последующих десятилетий, сделала это с радостью. И не только бы радовалась, но и гордилась, называя себя Сюзанной Дин, если б в голове не засело поучение матери: гордыня ведет к падению.

Теперь она стала четвертой женщиной. Которая родилась на новом этапе напряженности и перемен. Которая плевать хотела на Одетту, Детту или Сюзанну; плевать хотела на

всех, за исключением еще не появившегося на свет нового человечка, которого ласково называла малым. Малому требовалась еда. Банкетный зал находился рядом. Только это и имело значение, все остальное – нет.

Эта четвертая женщина, по-своему столь же опасная, как Детта Уокер, звалась Миа. Фамилии у нее не было, поскольку никого в мире она не могла считать своим отцом, а слово это на Высоком Слоге имело только одно значение: мать¹⁷.

2

Она медленно шагала по длинным каменным коридорам к тому месту, где ее ожидало роскошное угощение, мимо пустых нефов и ниш, мимо заброшенных анфилад, мимо покоев, где давно уже никто не жил. В этом замке где-то стоял старый трон, в запекшейся древней крови. Где-то лестницы вели к устланным костями тоннелям, уходившим в неизвестные глубины. И однако в замке была жизнь; жизнь и еда, сытная, вкусная еда. Миа точно это знала, как знала и то, что идет на собственных ногах, о которые при каждом шаге трутся тяжелые юбки. Насыщающая еда. Жизнь для тебя и твоего будущего ребенка. А она здорово проголодалась. Понятное дело! Ей же приходилось кормить двоих.

Она подошла к широкой лестнице. До ушей донеслось ед-

¹⁷ В романе «Бесплодные земли» давалось другое значение имени Миа, правда, на языке древних людей – «мир под покровом другого мира».

ва слышное, но мощное гудение: работали двигатели, смонтированные в недрах земли, под самыми глубокими тоннелями. Миа не было дела ни до двигателей, ни до компании «Северный центр позитроники», которая построила их и запустила в работу десятки тысяч лет назад. Не было ей дела ни до дипольных компьютеров, ни до дверей-порталов, ни до Лучей, ни до Темной Башни, стоявшей в центре всего.

Что ее заботило, так это запахи. Они наплывали на нее, густые, дразнящие, восхитительные. Курица, жаркое, жирные свиные отбивные с хрустящей корочкой. Сочащиеся каплями крови бифштексы, разнообразные сыры, большущие креветки, розовое мясо которых так и просилось в рот. Фаршированные рыбины, дымящийся плов. А еще разные фрукты, множество сладостей. И это только начало! На закуску! Чтобы только заморить червячка!

Миа быстро сбежала по центральной лестнице, ладонь плавно скользила по полированным перилам, маленькие ступни так и порхали по ступенькам. Однажды ей приснился сон, будто какой-то ужасный человек столкнул ее под колеса подземного поезда, и ей отрезало обе ноги по колено. Но сны всегда такие глупые. Ступни при ней, а над ними – ноги, не так ли? Да! Как и ребенок в животе. Малой, который ждал, что его накормят. Он проголодался, как и она.

От подножия лестницы широкий коридор, выложенный черным мрамором, длиной в девяносто шагов, вел к высоким двойным дверям. Миа направилась к ним. Видела, как рядом с ней плывет и ее отражение. В глубине мраморных стен горели электрические фонари, напоминая подводные факелы. Она не замечала мужчины, который следом за ней спускался по лестнице, не в нарядных туфлях, а в старых, ободранных сапогах. И его вылинявшие джинсы и синяя рубашка из шамбре¹⁸ никак не тянули на наряд придворного. У левого бедра висела кобура, из которой торчала отделанная сандаловым деревом рукоятка револьвера. На загорелом, иссеченном ветром лице мужчины хватало морщин. В его черных волосах кое-где уже пробивалась седина. Но внимание прежде всего привлекали глаза. Синие, холодные, с твердым взглядом. Детта Уокер не боялась мужчин, даже этого, однако вот эти глаза стрелка нагоняли на нее страх.

Перед двойными дверями коридор вливался в небольшое фойе. На полу черные квадратные плиты чередовались с красными. Деревянные панели стен украшали выцветшие портреты прежних хозяев и их жен. В центре стояла статуя из розового мрамора и хрома. Восседающий на коне рыцарь поднимал над головой то ли шестизарядный револьвер, то ли

¹⁸ Шамбре – плательная и рубашечная ткань.

короткий меч. И хотя лицо оставалось гладким, скульптор лишь наметил черты, Миа знала, кто перед ней. Во всяком случае, догадывалась.

– Я приветствую тебя, Артур из Эльда. – Она сделала реверанс. – Пожалуйста, благослови еду, которую я собираюсь взять и съесть. Чтобы накормить меня и моего малого. Доброго тебе вечера. – Она не могла пожелать ему долгих дней на земле, потому что отсчет и его дней, и дней большинства таких же, как он, оборвался в незапамятные времена. Поэтому она лишь коснулась кончиками пальцев своих улыбающихся губ и послала ему воздушный поцелуй. Отдав долг вежливости, прошла в обеденный зал.

Огромный, шириной в сорок ярдов и длиной в семьдесят. Яркие электрические лампы в хрустальных плафонах горели вдоль стен. Сотни стульев стояли у огромного, из железного дерева, стола, уставленного блюдами с холодными и горячими деликатесами. Перед каждым стулом стояла большая белая тарелка с голубой каемкой. Но на стульях никто не сидел, на тарелках не лежала еда, были пусты и стаканы для вина, хотя в последнем тоже не было недостатка. Оно стояло в золотых кувшинах, охлажденное, готовое к употреблению. Все было как она и ожидала, как видела в своих грезах, четких и ясных; она вновь и вновь приходила в этот зал и знала – будет приходить и дальше, пока ей (и малому) требовалось то, что она могла здесь найти. Куда бы ни заносила ее судьба, замок всегда высился неподалеку. А если в нем пахло сыростью и

гнилью, что с того? Если из-под стола доносилось какое-то шебуршание, может, там возились крысы или мыши, что ей до этого? Ведь то, что ей требовалось, в изобилии стояло на столе. А тени под столом... пусть живут своей жизнью. Не ее это дело, совершенно не ее.

– Вот идет Миа, дочь, не знающая отца! – радостно крикнула она огромному молчаливому залу, заполненному сотнями ароматов закусок, горячих блюд, соусов, фруктов. – Я голодна и я собираюсь наесться! И накормить моего малого! Если кто-то возражает, пусть выступит вперед! Чтобы я лучше рассмотрела его, а он – меня!

Никто, разумеется, не выступил. Те, кто пировал здесь, давно уже ушли в небытие. И тишину нарушало лишь далекое гудение двигателей под дворцом да неприятное шебуршание из-под стола. За ее спиной спокойно стоял стрелок, наблюдая за ней. И не в первый раз. Он не видел замка, но видел ее; видел ее очень хорошо.

– Молчание – знак согласия! – воскликнула она. Прижала руку к животу, который уже начал выдаваться вперед. Округляться. – Вот славненько! Миа пришла, чтобы попировать вволю! Пусть эти яства хорошо послужат и ей, и малому, который растет в ее животе! Пусть хорошо им послужат!

И она начала пировать, пусть и не села на стул, и не воспользовалась большой белой тарелкой с голубой каемкой. Тарелок она терпеть не могла. Не знала почему и не хотела знать. Ее интересовала только еда. Она шла вокруг стола, бра-

ла еду пальцами, отправляла в рот, срывала мясо с костей, бросая последние на блюда. Иногда промахивалась – кости падали на белую скатерть. Одна перевернула пиалу с соусом, вторая разбила хрустальную чашу с клюквенным желе, третья скатилась на пол, и Миа услышала, как кто-то уволок ее под стол. Оттуда донеслись звуки борьбы, потом вопль боли, словно одна тварь вогнула свои зубы в другую. И наступила тишина. Длилась, правда, недолго, взорванная смехом Миа. Она вытерла жирные пальцы о грудь, медленно, с толком. Нравилось ей смотреть, как пятна жира и соуса расплзаются по дороговому шелку. Нравилось ощущать налившуюся грудь, чувствовать, как от прикосновений твердеют и встают торчком соски.

Она продолжила путь вокруг стола, разговаривая сама с собой на разные голоса, прямо-таки пациентка дурдома.

Как они тебе, сладенькая?

Высший класс, спасибо, что спросила, Миа.

Ты действительно веришь, что Освальд в одиночку убил Кеннеди?

Ни в коем разе, дорогая... само собой, к этому приложило руку ЦРУ. Они и эти чертовы миллионеры из Алабамского стального полумесяца.

Из Бомбингхэма, штат Алабама, сладенькая, не правда ли?

Ты слышала последний альбом Джоан Баэз?

Господи, конечно, она поет, как ангел, да? Мне говорили,

что она и Боб Дилан собираются пожениться...

И так далее, и так далее, о чем угодно и ни о чем. Роланд слышал и культурный голос Одетты, и грубый, сыплющий ругательства – Детты. Он слышал голос Сюзанны и много, много других голосов. Сколько же женщин жили в ее голове? Сколько личностей, уже сформировавшихся и еще только формирующихся? Он наблюдал, как она перегибалась через пустые тарелки, которых не было, и пустые стаканы (которые также отсутствовали), ела прямо с блюд, жадно жевала, лицо все сильнее блестело от жира, а лиф платья (он его не видел, но чувствовал) темнел по мере того, как она раз за разом вытирала об него пальцы, не забывая при этом поглаживать груди и пощипывать соски (движения ее рук трактовались однозначно). И на каждой остановке, перед тем как двинуться дальше, она хватала воздух перед собой и бросала воображаемую тарелку или на пол к своим ногам, или через стол в стену, которая, должно быть, тоже существовала в ее воображении.

– Вот тебе! – кричала она воинственным голосом Детты Уокер. *– Вот тебе, мерзкая старая Синяя тетка. Я опять разбила твою гребаную тарелку! И как тебе это нравится? Говори, как тебе это нравится?*

Потом, пройдя пару шагов, она могла радостно рассмеяться и спросить у воображаемой собеседницы, как идут дела у ее мальчика, как он привыкает к новой частной школе, воскликнуть, ну до чего же хорошо, что теперь цветные

могут отправлять детей в такие прекрасные школы... очень здорово, просто великолепно! И как самочувствие твоей мамы, дорогая? Да, я так огорчилась, узнав об этом. Мы все молимся о ее скорейшем выздоровлении.

Перегнувшись через еще одну пустую тарелку, она взяла вазочку с черной икрой. Уткнулась в нее лицом, начала жрать, как свинья из корыта. Вновь подняла голову, нежно улыбнулась блеску электрических ламп, рыбы яйца, словно капельки черного пота, выступившего на коричневой коже, прилепились к ее щекам и носу, забили ноздри, будто запекшиеся кровавые корки... *О да, я думаю, мы добились впечатляющих успехов, люди вроде Булла Коннора доживают последние годы, у них, можно сказать, закат жизни, и лучшая месть для них, что они об этом знают. Они видят, как...* И тут она бросила вазочку через голову, словно волейбольный мяч, часть икринок высыпалась на волосы (Роланд буквально это видел), вазочка вдребезги разбилась о камень, а вежливая улыбка на лице сменилась злобным оскалом Детты Уокер, с губ сорвался дикий вопль: «Получай, старая мерзкая Синяя тетка, как тебе это нравится? Хочешь засунуть эту черную икру в свою сухую манду? Нет проблем, собирай с пола и засовывай! У тебя все получится! Берись за дело, сраная коза!»

И она переходила к следующему стулу. И к следующему. И к следующему. Пировала в огромном банкетном зале. Ела сама и кормила своего малого. Ни разу не повернулась,

чтобы посмотреть на Роланда. Не осознавая, что зала этого, строго говоря, не существует.

4

В этот вечер, когда они улеглись спать, наевшись жареных сдобных шаров, из всех четверых (пяти, если считать Ыша) Эдди и Джейк в наименьшей степени занимали мысли Роланда. Больше всего его тревожила Сюзанна. Стрелок не сомневался, что она уйдет от костра и в эту ночь, а ему придется следовать за ней. Не для того чтобы посмотреть, что она будет делать: он и так это знал.

Нет, чтобы охранять ее.

Еще до заката солнца, примерно в то время, когда Джейк принес сдобные шары, Сюзанна начала выказывать уже знакомые Роланду признаки: речь стала отрывистой, фразы – короткими, движения – резкими. Она рассеянно потирала висок или лоб над левой бровью, словно у нее там что-то болело. «Неужто Эдди не замечает всех этих признаков?» – спрашивал себя Роланд. Действительно, когда они встретились, с наблюдательностью у Эдди было хуже некуда, но с тех пор произошли разительные изменения в лучшую сторону, и...

И ведь он любил ее. *Любил*. Как же он мог не видеть того, что видел Роланд? Конечно, признаки эти были не столь очевидными, как на берегу Западного моря, когда Детта го-

товилась к решающему удару, чтобы перехватить контроль над телом у Одетты, но ведь они были, да и отличались не очень.

С другой стороны, он помнил слова матери: «От любви глупеют». Может, Эдди очень уж сблизился с ней, чтобы что-либо замечать. «Или не хочет замечать, – подумал Роланд. – Просто отгоняет саму мысль, что нам грозит повторение пройденного. Как в тот раз, когда мы заставили ее увидеть себя и свою раздвоенную личность».

Да только теперь дело было не в ней. Роланд давно это подозревал, собственно, первые подозрения возникли еще до их долгой беседы со стариками Речного Перекрестка, а теперь знал наверняка. Нет, дело не в ней.

Вот он и лежал, прислушиваясь к их сонному дыханию. Они заснули один за другим: сначала Ыш, потом Джейк, Сюзанна. Последним – Эдди.

Ну... не совсем последним. Роланд мог уловить едва слышный шепоток людей по другую сторону холма к югу от них, тех самых, что шли следом и наблюдали за ними. Скорее всего они не решались приблизиться и обнаружить свое присутствие. Слух у Роланда был очень острым, но люди эти находились слишком далеко, чтобы он мог разобрать слова. До него донеслось с десятков реплик, потом кто-то громко икнул. И воцарилась тишина, если не считать легкого шороха ветра в кронах деревьев. Роланд лежал тихо, вглядываясь в темное небо, на котором не светилось ни одной звезды, ожи-

дая, когда встанет Сюзанна. Она и встала.

Но еще раньше Джейк, Эдди и Ыш ушли в Прыжок.

5

Роланд и его друзья узнали о Прыжке (а узнать могли очень немного) от Ванни, придворного учителя, в те далекие времена, когда были молодыми. Поначалу они составляли квинтет: Роланд, Ален, Катберт, Джейми и Уоллес, сын Ванни. Уоллес, невероятно умный, но еще более больной, вскоре умер от болезни, которую иногда называли королевской¹⁹. Они остались вчетвером, образовав классический катет. Ванни это прекрасно понимал, и понимание это только усиливало его горе.

Корт учил их ориентироваться по солнцу и звездам, Ванни объяснял устройство компаса, квадранта, секстанта, учил основам математики, без которой практическое использование этих инструментов не представлялось возможным. Корт учил их сражаться. Ванни, на примере истории, логики и, по его терминологии, «универсальных истин», – как иной раз можно этого избежать. Корт учил их убивать, если возникнет такая необходимость. Ванни, хромой, с доброй, но рассеянной улыбкой, разъяснял, что насилие чаще завязывает проблемы в более тугий узел, чем разрешает. Он сравнивал

¹⁹ В нашей реальности «королевской болезнью» называют гемофилию, несвертываемость крови.

насилие с большим пустующим помещением, где эхо искажает истинные звуки.

Он учил их физике, той физике, что оставалась. Он учил их химии, тому, что осталось от химии. Он учил их заканчивать такие предложения, как: «Это дерево похоже на...» и «Когда я бегу, то чувствую себя таким же счастливым, как...» и «Мы не могли не рассмеяться, потому что...» Роланд ненавидел эти упражнения, но Ванни не позволял ему уваливать от них. «Твое воображение оставляет желать лучшего, Роланд, – как-то сказал он своему ученику... Роланду тогда было лет одиннадцать. – Я не могу держать его на голодном пайке. Оно станет только хуже».

Он учил их Семи кругам магии, отказываясь признать, что не верит в них, и Роланд подумал, что на одном из этих уроков Ванни и упомянул про Прыжок. Полной уверенности у Роланда, конечно, быть не могло. Но он помнил, что Ванни говорил о секте Мэнни, людях, которые могли путешествовать между мирами. А говорил ли он про Радугу Мэрлина?

Роланд склонялся к тому, что да, но, хотя он дважды держал в руках розовый Магический кристалл, однажды – юношей, второй раз – мужчиной, и дважды с его помощью отправлялся в те самые путешествия, второй раз с друзьями, мгновенно преодолевая время и пространство, Кристалл не отправлял его в Прыжок.

«Но откуда ты это знаешь? – спросил он себя. – Как ты можешь знать, Роланд, находясь в этом состоянии?»

Потому что Катберт и Ален сказали бы ему об этом, вот откуда.

Ты уверен?

Ответом стало возникшее в груди странное, неопределенное чувство. Негодование? Ужас? Ощущение, что его предали? И он вдруг осознал, что нет, совсем даже и не уверен. Точно он знал лишь одно: хрустальный шар засосал его внутрь, и ему повезло, что в конце концов выплюнул наружу.

«Но здесь никакого шара не было», – подумал он и вновь услышал другой голос, сухой, бесстрастный голос своего старого хромого учителя, так и не переставшего горевать о единственном безвременно умершем сыне. Голос этот произнес все те же слова:

Ты уверен?

Стрелок, ты уверен?

6

Все началось с тихого потрескивания. Роланд первым делом подумал про костер: кто-то из них бросил в него ветку с зелеными иголками, огонь наконец-то добрался до них, вот иголки, загораясь, и затрещали. Но...

Звук усиливался, уже более напоминая треск электрических разрядов. Роланд сел, посмотрел на свой катет – по другую сторону костра. Глаза его округлились, сердце забилось сильнее.

Сюзанна отвернулась от Эдди, чуть отодвинулась. Эдди тянулся к Джейку, Джейк – к Эдди. Их руки соприкоснулись. И прямо на глазах Роланда, резкими рывками, они начали то исчезать, то появляться. То же самое проделывал и Ыш. Когда они исчезали, тусклое серое мерцание, формой повторяющее тела всей троицы, резервировало их место в этой реальности. Всякий раз возвращение сопровождалось треском. Роланд видел, как рябь пробегает по закрытым векам: под ними перекатывались глазные яблоки.

Они, конечно, спали. Но не просто спали. Они перешли в состояние, которое позволяло путешествовать между мирами. Вроде бы Мэнни умели это делать. И шары Радуги Мэрлина, судя по всему, могли заставить человека отправиться в такое путешествие, хотел он того или нет. Один шар точно мог.

«Они могут застрять между мирами и погибнуть, – подумал Роланд. – Ванни говорил и об этом. Предупреждал, Прыжки – опасное дело».

Что еще он говорил? Но на копание в памяти времени у Роланда не осталось, потому что в этот момент Сюзанна села, натянула чехлы из мягкой кожи, которые он ей сшил, на свои культы, забралась в коляску. А мгновение спустя уже катила к деревьям на северной стороне дороги. К счастью, в сторону, противоположную той, где расположились лагерем люди, наблюдавшие за ними.

Роланд застыл, не зная, как поступить. Но быстро принял

очевидное решение. Он не мог разбудить Эдди и Джейка во время Прыжка, слишком велик был риск. А вот за Сюзанной пойти мог, он это уже не раз проделывал, идти и надеяться, что она не попадет в беду.

«Ты также можешь и поразмыслить, что вскорости произойдет, – услышал он сухой, лекторский голос Ванни. Вернувшись, старый учитель решил какое-то время побыть с учеником. – Рассудительность никогда не была твоей сильной стороной, но тем не менее ты должен прикинуть, что к чему. Ты, разумеется, захочешь подождать, пока твои преследователи сами не дадут о себе знать, пока ты не поймешь, что им нужно, но в конце концов, Роланд, тебе придется действовать. Так что хорошенько подумай. Ведь лучше раньше, чем позже».

Да уж, раньше всегда лучше, чем позже.

Треск – резкий, громкий. Эдди и Джейк вернулись, Джейк лежал, обняв Ыша, и тут же исчезли вновь, оставив после себя едва заметное мерцание. Ну и ладно. Его дело – приглядывать за Сюзанной. Что же касается Эдди и Джейка, все в руках Божьих.

Допустим, ты вернешься, а их не будет? Такое случается, Ванни об этом говорил. И что ты скажешь ей, когда она проснется и увидит, что они исчезли, ее муж и приемный сын?

Ответы на эти вопросы он мог поискать и потом. На тот момент его больше всего занимала Сюзанна, безопасность

На северной стороне дороги огромные многовековые деревья росли на достаточно большом расстоянии друг от друга. Их ветви зачастую переплетались, но на земле места для проезда кресла-каталки хватало с лихвой, и Сюзанна развила приличную скорость, лавируя между неохватными стволами, катясь вниз по склону по пружинящему ковру из опавшей листвы и хвои.

Не Сюзанна. Не Детта или Одетта. Эта женщина называет себя Миа.

Роланд не стал бы возражать, назови она себя и Королевой Зеленых Дней, при условии, что она вернулась целой и невредимой, а те двое, оставшиеся у костра, никуда не делись.

Роланд уловил запах более свежей зелени, камышей и водорослей. Вместе с ним пришел запах тины, кваканье лягушек, уханье совы, плеск воды, словно кто-то в нее прыгнул. За плеском последовал пронзительный предсмертный крик. Кто-то умер, то ли прыгун, то ли тот, на кого прыгнули. Появились кусты, сначала единичные, потом заросли. Над головой кроны деревьев слились, отсекая затянутое облаками небо. В воздухе жужжали комары и мошки. Болотные запахи все усиливались.

На ковре из опавшей листвы и хвои колеса кресла-каталки практически не оставляли следов, но по мере появления кустарника Роланд то тут, то там замечал сломанную ветку или сорванный лист. Земля становилась все мягче, и колеса уже продавливали в ней колею. Еще через двадцать шагов колея начала заполняться водой. Но Миа все замечала, определенно не хотела застрять, а потому еще через двадцать шагов он наткнулся на пустую коляску. На сиденье лежали ее штаны и рубашка. В болото она пошла голой, не считая кожаных чехлов, которые закрывали культы.

Над озерцами стоячей воды висели ленты тумана. Над водой поднимались заросшие травой кочки. На одной прикрученное проволокой к стволу мертвого дерева стояло, как поначалу показалось Роланду, древнее соломенное чучело. Однако, подойдя ближе, он увидел, что это человеческий скелет. Лоб проломили внутрь, оставив треугольник черноты между пустыми глазницами. Такую рану могли нанести примитивной боевой дубинкой, а труп (или его мятущуюся душу) оставили на болоте, пометив им границу территории какого-то племени. Племя это, возможно, давно вымерло или переселилось в другие места, но Роланд понимал, что осторожность не повредит. Поэтому вытащил из кобуры револьвер и продолжал идти следом за женщиной, перепрыгивая с кочки на кочку, иногда морщась от боли в правом бедре. Ему приходилось прилагать немало усилий, чтобы не отстать. Частично потому, что ее в отличие от Роланда не зани-

мали мысли, как бы сохранить одежду сухой. Обнаженная, как русалка, она и вела себя соответственно, чувствуя себя как дома и в грязи, и в болотной жиже, и на сухой земле. Она переползала через большие кочки, скользила по воде между ними, изредка останавливаясь, чтобы сбросить с себя пиявку. В кромешной тьме своими движениями она напоминала большую рептилию.

В болото, которое становилось все более топким, она углубилась где-то на четверть мили. Стрелок по-прежнему следовал за ней. Старался не шуметь, хотя и сомневался, что в этом есть необходимость. Он полагал, что та ее часть, которая могла слышать, чувствовать, думать, находилась далеко отсюда.

Наконец женщина остановилась, поднялась на култышках, ухватившись руками за ветки, чтобы сохранить равновесие. Уставилась на черную поверхность открытой воды, вскинула голову, замерла. Стрелок не мог сказать, большое это озерцо или маленькое: края тонули в тумане. Однако какой-то свет на болоте был, слабое, рассеянное сияние, источник которого словно находился под водой, возможно, им служили затопленные и медленно гниющие стволы деревьев.

Она стояла, оглядывая озерцо и влажную грязь его берегов, как королева могла оглядывать... что? Что она видела? Банкетный зал? В это ему хотелось верить. Роланд тоже его практически видел. О нем ее мозг нашептывал его мозгу, предположение, что она видела банкетный зал, согласовыва-

лось с ее словами и деяниями. Идея банкетного зала позволяла разуму разделять Сюзанну и Миа, как раньше, пусть и с помощью других средств, он многие годы разделял Одетту и Детту. У Миа могло быть много причин, побуждающих хранить в тайне ее существование, и, конечно, главнейшая напрямую связывалась с жизнью, которую она несла в себе.

Малым, как она его называла.

Потом, столь неожиданно для него, что он всегда вздрагивал (хотя видел это не в первый раз), она начала охотиться, для чего пришлось сначала подойти к самой кромке воды, а потом и ступить в нее. С ужасом и отвращением он наблюдал, как она раздвигает камыши, протискивается между ними. Теперь, отодрав от тела пиявок, она не отшвыривала их в сторону, а бросала в рот, как карамельки. Мускулы на бедрах перекачивались. Коричневая кожа блестела, как мокрый шелк. Когда она повернулась (Роланд отступил за дерево и превратился в одну из теней), он ясно увидел, как набухли ее груди.

Проблема, конечно, не ограничивалась только «малым». Речь шла и об Эдди. «Да что с тобой, Роланд? – Он буквально услышал голос Эдди. – Возможно, это наш ребенок. Я хочу сказать, никогда не знаешь наверняка. Да, да, я знаю, кто-то трахал ее, когда мы «извлекали» Джейка, но это не значит...»

И так далее, и так далее, бла-бла-бла, как мог бы сказать Эдди, а почему? Потому что любил ее и хотел ребенка, ро-

дившегося от их союза. И потому что Эдди Дин был прирожденным спорщиком. В этом он ничем не отличался от Катберта.

А в камышах обнаженная женская рука «выстрелила» и ухватила приличных размеров лягушку. Пальцы сжались, лягушка лопнула, внутренности и яйца потекли по запястью. Она поднесла руку ко рту, жадно все слизала, тогда как зеленовато-белые лапки еще продолжали дергаться. После запястья настал черед покрытых кровью и слизью костяшек пальцев. Остатки лягушки она отбросила и крикнула что-то вроде: «Как тебе это нравится, мерзкая старая Синяя леди?» Низким, хрипловатым голосом, от которого по коже Роланда побежали мурашки. Голосом Детты Уокер. Обезумевшей от злобы.

А охота продолжалась. Следующей ей попалась маленькая рыбка... еще лягушка... и, наконец, царская добыча: водяная крыса, которая билась, извивалась, пыталась укусить. Но женщина переломала ей все кости и засунула в рот, с головой, лапами, когтями, хвостом. А мгновением позже наклонилась и выbleвала лишнее, перекрученную массу меха и костей.

Допустим, я покажу ему вот это, при условии, что он и Джейк вернутся из тех страных мест, где они оказались после Прыжка, со словами: «Я знаю, у женщин, когда они вынашивают ребенка, вкусы становятся очень даже странными, но, Эдди, тебе не кажется, что это уже перебор? По-

смотри на нее, ползает в камышах и болотной жиже, как аллигатор. Посмотри на нее и скажи, что она делает все это для того, чтобы накормить вашего ребенка. Человеческого ребенка.

И все же он будет спорить. Роланд в этом не сомневался. Не знал он другого: как поведет себя Сюзанна, когда он скажет ей, что она вынашивает некое существо, которое глубокой ночью хочет кормиться сырым мясом. Только из-за этого проблем выше крыши, а тут еще этот чертов Прыжок. И незнакомцы, которые следят за ними. Однако незнакомцы являли собой меньшую из его забот. Собственно, их присутствие даже успокаивало. Он не знал, чего конкретно они хотят, но знал в принципе. Он уже встречал таких, как они, много раз. И по большому счету они всегда хотели одно и то же.

8

Теперь женщина, называвшая себя Мией, продолжая охотиться, начала говорить. Роланд не впервые становился свидетелем этой части ритуала, но всякий раз стрелку становилось не по себе. Он смотрел на нее и все-таки ему с трудом верилось, что все эти голоса исторгаются из одного и того же горла. Она спрашивала себя, как она поживает. Она отвечала себе, что все у нее в полном порядке, благодарю вас, все о-очень хорошо. Она говорила о ком-то по имени Билл,

а может, и Булл. Она осведомлялась о чьей-то матери. Она спрашивала о месте, которое называла «Морхауз», а потом отвечала себе густым мужским басом, что не нужно ей идти ни в «Морхауз», ни в какой другой хауз. И весело смеялась, наверное, восприняв последнюю фразу как отменную шутку. Она, как и в другие ночи, всем представлялась Мией, именем, хорошо знакомым Роланду по его прежней жизни в Гилеаде. Там оно почиталось как святое. Дважды она делала реверанс, приподнимая несуществующие, невидимые юбки, отчего у стрелка сжималось сердце: впервые он увидел такой реверанс в Меджисе, куда его, Алена и Катберта отправили их отцы.

Она вернулась на берег озера (к двери зала) мокрая, с блестящей от воды кожей. Постояла, не шевелясь, пять минут, десять. Вновь ухнула сова, и, словно откликнувшись, луна вышла из облаков, чтобы обозреть территорию. Тем самым лишила убежища какого-то маленького зверька. Зверек метнулся к кустам, мимо женщины. Понятное дело, она молнией бросилась на него, схватила, впиалась зубами в живот. Послышался хруст костей, треск разрываемой кожи, сменившиеся удовлетворенным чавканьем. То, что осталось от зверька, она подняла вверх, словно предлагая луне разделить с ней трапезу. Ее и без того темные кисти и запястья еще больше потемнели от крови. Постояв еще несколько мгновений, она резко развела руки, разорвав остатки зверька, отбросила их, рыгнула и вновь вошла в воду. На этот раз про-

сто плюхнулась, начала плескаться, и Роланд понял, что ночной банкет закончен. Она ела даже комаров, без труда отлавливая их на лету. Роланду оставалось лишь надеяться, что ничего из съеденного не приведет к расстройству желудка. Раньше, впрочем, не приводило.

Пока она смывала с себя грязь и кровь, Роланд ретировался тем же путем, каким и пришел, не обращая внимания на боль в правом бедре, стараясь идти максимально быстро. Он уже трижды сопровождал ее в этих ночных походах и знал, насколько в таком состоянии у нее обострены все чувства.

Остановившись у кресла-каталки, он огляделся – убедиться, что не оставил следов. Заметил отпечаток подошвы сапога, разровнял его, бросил сверху несколько листьев. Только несколько, много листьев выдали бы его. Покончив с этим, направился к дороге и лагерю, уже не торопясь. Знал, что она сначала приведет себя в порядок, а уж потом двинется следом. Он задался вопросом: а что видит Миа, когда чистит коляску Сюзанны? Маленький автомобиль? Тележку с паровым двигателем? Значение это не имело. А вот ее ум имел, да еще какое! Если б как-то ночью он не проснулся, чтобы справиться малую нужду, в тот самый момент, когда она отправлялась на одну из своих ночных прогулок, то скорее всего и не узнал бы, какая она удачливая охотница. Такой прокол скорее всего грозил весьма серьезными последствиями.

«Да уж, ты ей не чета, прыщ. – Теперь, словно ему не хватало духа Ванни, явился и Корт. – Она и раньше тебе это до-

казывала, не так ли?»

Все так. Роланд знал, что она обладает умом трех женщин. Теперь к ним добавилась четвертая.

9

Когда Роланд увидел разрыв между деревьями, дорогу, по которой они шли, где разбили лагерь в эту ночь, он остановился и дважды глубоко вдохнул. Чтобы успокоить нервы. Получилось не очень.

«Будет вода, если Бог того захочет, – напомнил он себе. – В таких глобальных вопросах, Роланд, твои желания роли не играют».

Еще один вдох, и он вышел из-под деревьев. Шумно выдохнул, когда увидел, что Эдди и Джейк крепко спят, лежа у потухшего костра. Правая рука Джейка, которая, когда стрелок уходил из лагеря вслед за Сюзанной, сжимала левую руку Эдди, теперь обвилась вокруг Ыша.

Ушастик-путаник приоткрыл один глаз, посмотрел на Роланда. Тут же закрыл его.

Роланд не мог услышать приближения Миа, только почувствовал, что она уже совсем рядом. Быстро лег, перекатился на бок, положил голову на сгиб локтя. Застыв в этой позе, наблюдал, как коляска выезжает из-под деревьев. Она вычистила все быстро, но тщательно. Роланд не увидел ни одного грязного пятна. Спицы блестели в лунном свете.

Она поставила коляску на прежнее место, грациозно соскользнула с нее, двинулась к лежащему на земле Эдди. Роланд с некоторой опаской наблюдал, как она приближается к спящему мужу. Любой, кто встречался с Деттой Уокер, чувствовал бы эту опаску. Потому что женщина, называвшая себя матерью, не так уж сильно отличалась от той самой Детты.

Лежа неподвижно, словно скованный глубоким сном, Роланд приготовился к Прыжку.

Но она лишь отбросила прядь волос со лба Эдди и поцеловала его в висок. Нежность этого жеста сказала стрелку все, что ему нужно было знать. Теперь он мог спокойно заснуть. Сюзанна заняла место Миа. Он закрыл глаза и позволил темноте завладеть собой.

Глава 4

1

Утром Роланд проснулся раньше Сюзанны, но позже Эдди и Джейка. Эдди уже разжег маленький костерок на золе старого. Они с Джейком сидели к нему вплотную, словно сильно замерзли и хотели согреться, и ели «буррито по-стрелецки». На лицах обоих читались волнение и тревога.

– Роланд, думаю, нам надо поговорить, – начал Эдди, едва увидев, что стрелок проснулся. – Этой ночью с нами что-то произошло...

– Знаю, – ответил Роланд. – Я видел. Вы совершили Прыжок.

– Прыжок? – переспросил Джейк. – Это еще что?

Роланд начал было объяснять, но тут же замолчал, покачал головой.

– Если мы хотим поговорить, лучше разбуди Сюзанну. Тогда нам не придется повторять для нее начало нашего разговора. – Он посмотрел на юг. – Надеюсь, наши новые друзья не прервут нас, пока мы не закончим. Они отношения к этому не имеют, – но сам он сомневался в сказанном.

И с неподдельным интересом наблюдал, как Эдди будит Сюзанну. Не было у него стопроцентной уверенности, что

именно Сюзанна откроет глаза. Однако открыла она. Села, потянулась, пробежалась рукой по курчавым волосам.

– В чем дело, сладенький? Я бы могла поспать еще часок-другой.

– Нам надо поговорить, Сюззи, – ответил Эдди.

– Дай только я окончательно проснусь. Господи, все тело затекло.

– Когда спишь на твердой земле, по-другому не бывает, – ответил Эдди.

«Особенно, если перед сном охотиться голой в болоте», – подумал Роланд.

– Плесни мне водички, сладенький. – Она подставила сложенные лодочкой ладони, и Эдди налил в них воды из бурдюка. Сюзанна умылась.

– Холодная, однако!

– Нако, – откликнулся Ыш.

– Тебе-то умываться не надо, – улыбнулась ему Сюзанна. –

Роланд, в твоём Срединном мире знают, что такое кофе?

Роланд кивнул.

– Его выращивали на плантациях Внешней Дуги.

– Если мы будем проходить мимо, позаимствуем пару пригоршней, хорошо? Пообещай мне.

– Обещаю, – ответил Роланд.

Сюзанна тем временем пристально смотрела на Эдди.

– Что-то случилось? Вы, мальчики, неважно выглядите.

– Дурные сны, – ответил Эдди.

– И у меня тоже, – поддакнул Джейк.

– Не сны, – возразил стрелок. – Сюзанна, а ты хорошо спала?

В ее взгляде читалась искренность. А в ответе он не уловил и намека на ложь.

– Как убитая, собственно, я всегда так сплю. Один плюс в этих путешествиях точно есть: нембутал можно выбросить с легкой душой.

– О каком прыжке ты говорил, Роланд? – спросил Джейк.

– Том, что позволяет перенестись в другой мир, – ответил Роланд и выложил все, что знал. Что помнил из уроков Ванны. Его рассказы, как Мэнни долго постились, чтобы прийти в нужное состояние души, как бродили по свету в поисках того редкого места, где они могли совершить этот самый Прыжок. Места, которое определяли с помощью магнитов и отвесов.

– Похоже, эти парни чувствовали бы себя как дома в Игольном парке²⁰.

– Да и в Гринвич-Виллидж, – добавила Сюзанна.

– В этом слове слышится что-то гавайское, – густым басом изрек Джейк, и все рассмеялись. Даже Роланд.

– Прыжок – еще один способ путешествия между мирами, – уточнил Эдди, когда смех смолк. – Как двери. Как хрустальные шары. Я прав?

Роланд уже хотел ответить утвердительно, потом замялся.

²⁰ То есть среди наркоманов.

– Я думаю, все это – вариации одного и того же. И, если верить Ванни, шары, части Радуги Мэрлина, облегчают совершение Прыжка. Иногда даже слишком облегчают.

– Мы действительно зажигались и гасли... как электрические лампочки? Которые ты называешь искрасветами?

– Да... вы появлялись и исчезали. Когда исчезали, вместо вас оставалось лишь слабое мерцание, словно кто-то придерживал вам место.

– Слава Богу, что придерживал! – воскликнул Эдди. – Когда все закончилось... когда вновь зазвучала эта музыка, когда нас вышибло из того мира... по правде говоря, я уже и не верил, что мы вернемся в этот.

– Я тоже, – признался Джейк. Небо вновь густо заволкло облаками – и в утреннем сумраке лицо мальчика казалось белым как мел. – Я тебя потерял.

– Никогда в жизни так не радовался, как этим утром, когда, открыв глаза, увидел знакомую дорогу, – признался Эдди. – И тебя, лежащего рядом. Со своим дружкой. – Он глянул на Ёша, потом на Сюзанну. – С тобой этой ночью ничего такого не происходило, птичка?

– Мы бы ее увидели, – вставил Джейк.

– Нет, если бы, совершая Прыжок, она перенеслась в другое место, – возразил Эдди.

Сюзанна покачала головой, на ее лице промелькнула тревога.

– Я проспала всю ночь. Как и сказала. А ты, Роланд?

– Мне нечего сказать, – ответил Роланд. Как всегда, он предпочитал не делиться известным ему до того момента, пока внутренний голос не говорил, что пора. А потом, по существу он ведь и не солгал, разве что сказал не всю правду. – У нас неприятности, не так ли?

Эдди и Джейк переглянулись, потом посмотрели на Роланда. Эдди вздохнул.

– Да, пожалуй.

– Серьезные? Вы это знаете?

– Не думаю, что знаем. Не так ли, Джейк?

Джейк согласно кивнул.

– Но некоторые идеи у меня есть, – продолжил Эдди, – и, если я прав, неприятностей нам не избежать. Даже очень серьезных. – Он шумно сглотнул слюну. Джейк коснулся его руки, и стрелок встревожился, увидев, как быстро и крепко Эдди ухватился за пальцы мальчика.

Роланд наклонился к Сюзанне, взял ее за руку. Мысленным взором увидел, как эта самая рука хватается лягушку и выдавливает из нее внутренности. Отогнал видение. Женщины, которая это сделала, сейчас не было рядом.

– Расскажите нам, – попросил он Эдди и Джейка. – Расскажите нам все. Мы готовы выслушать вас.

– Каждое слово, – поддержала его Сюзанна. – Ради наших отцов.

Они пересказали все то, что случилось с ними в Нью-Йорке 1977 года. Роланд и Сюзанна слушали затаив дыхание о том, как они последовали за Джейком в магазин, как дождались приезда Балазара и его «джентльменов».

– Ха! – воскликнула Сюзанна. – Все те же плохиши! Прямо как из романа Диккенса!

– Кто такой Диккенс и что такое роман? – спросил Роланд.

– Роман – это длинная история, напечатанная в книге, – ответила она. – Диккенс написал их не меньше десятка. Он, возможно, самый лучший из всех писателей. В его историях люди, жившие в большом городе, назывался он Лондон, встречались с другими людьми, которых знали по другим местам или в далеком прошлом. Один мой преподаватель в колледже терпеть не мог таких сюжетов. Говорил, что в романах Диккенса очень уж большую роль играет случайное стечение обстоятельств.

– Учитель, который ничего не знал о ка или не верил в ка, – вставил Роланд.

Эдди кивнул.

– Да, это ка, все точно. Сомнений быть не может.

– Меня больше интересует женщина, которая написала «Чарли Чу-Чу». – Роланд повернулся к мальчику. – Джейк, тебя не затруднит...

– Я тебя понял. – Джейк уже развязывал рюкзак. Почти с благоговейным трепетом достал из него книжку о приключениях локомотива Чарли и его приятеля, инженера Боба. Все посмотрели на обложку. Надпись на ней свидетельствовала, что автор книги по-прежнему Берил Эванз.

– Ну и дела. – Эдди покачал головой. – Странно, однако. Я, конечно, ничего не хочу сказать, но... это странно. Книгу, которую купил Джейк, Джейк-77, написала Клаудия как-то там Бахман.

– Инесс, – добавил Джейк. А между именами стояло «и». Кто-нибудь знает, что это такое?

Никто не знал, но Роланд вспомнил, что такие имена встречались в Меджисе. «Вроде бы это «и» означало почтение. А что эта буква означает в Нью-Йорке, не имею понятия. Джейк, ты говоришь, и надпись на черной доске в витрине отличалась от прежней. В чем?»

– Не могу вспомнить. Но думаю, если ты меня загипнотируешь, как в прошлый раз, пулей, то вспомню.

– Может, и загипнотизирую, но не сейчас, – ответил Роланд. – Этим утром времени у нас немного.

«Возвращение на круги своя, – подумал Эдди. – Вчера время это практически не существовало, а теперь его у нас немного. Но ведь все это как-то связано со временем, не так ли? Прошлое Роланда, наше прошлое, эти новые дни. Эти опасные новые дни».

– Почему? – спросила Сюзанна.

– Наши друзья. – Роланд мотнул головой в сторону юга. – Я чувствую, что они очень скоро дадут о себе знать.

– А они наши друзья? – спросил Джейк.

– Сейчас это не важно, – ответил Роланд и опять задался вопросом: а так ли это? – Сейчас давайте сосредоточимся на этом «Книжном магазине для ума» или как он там назывался. Вы видели, как посланники из Падающей Башни заседали на владельца, не так ли? Этого Тауэра или Торена.

– Ты хочешь сказать, давили на него? – переспросил Эдди. – Выкручивали ему руки?

– Да.

– Так оно и было, – подтвердил Джейк.

– Было, – внес свою лепту Ыш. – Было.

– Готова спорить, Тауэр и Торен означает одно и то же, только на разных языках, – подала голос Сюзанна. – Наверняка на голландском торен – это башня. – Она увидела, что Роланд собрался заговорить, и подняла руку, останавливая его. – В нашей реальности люди это часто делают, Роланд. Меняют иностранную фамилию на более... ну... американскую.

– Да, – усмехнулся Эдди. – Стемпович становится Стемпером. Яков становится Джейкобом... или...

– Или Берил Эванз становится Клаудией-и-Инесс Бахман! – воскликнул Джейк. Рассмеялся, но его смеху определенно не хватало веселости.

Эдди вытащил из костра обгорелую палку, начал что-то

писать в пыли. Одна за другой появлялись печатные буквы: К... Л... А... У...

– Большой Нос говорил, что Тауэр голландец. Или скандинав. – Он посмотрел на Джейка, который кивнул, подтверждая его слова, потом взял палку и продолжил начатое Эдди: Д... И... Я.

– Если он – голландец, кое-что проясняется, знаешь ли. – Сюзанна смотрела на каракули Эдди и Джейка. – В свое время голландцам принадлежала большая часть Манхэттена.

– Хочешь еще привязку к Диккенсу? – спросил Джейк, написал на пыли букву «И», вскинул глаза на Сюзанну. – Как насчет дома с привидениями, через который я попал в этот мир?

– Особняк, – уловил его мысль Эдди.

– Особняк на Голландском холме, – уточнил Джейк.

– Голландский холм. Да, все так. Черт побери.

– Давайте вернемся к главному, – вмешался Роланд. – Я думаю, все дело в документе, который вы видели. Том самом «Соглашении». И вы почувствовали потребность увидеть его, не так ли?

Эдди кивнул.

– Потребность, аналогичную той, что заставляет вас следовать Лучу?

– Роланд, я думаю, это и был Луч.

– Другими словами, путь к Башне.

– Да, – кивнул Эдди. Он думал об облаках, которые плы-

ли вдоль Луча, теньях, которые наклонялись по Лучу, ветвях деревьев, которые поворачивались, чтобы встать параллельно Лучу. «Все служит Лучу», – как-то сказал им Роланд, и потребность Эдди увидеть документ, который Балазар подсунул под нос Келвину Тауэру, целиком и полностью укладывалась в это вышеупомянутое все.

– Расскажи мне, о чем там шла речь.

Эдди прикусил губу. Он не испытывал такого страха, как в тот раз, когда вырезал ключ, позволивший им спасти Джейка и перетащить в этот мир, но страх тем не менее присутствовал. Потому что, как и ключ, дело было важным. Если б что-то забыл, могло случиться непоправимое.

– Слушай, я не могу все запомнить, слово в слово...

Роланд нетерпеливо махнул рукой.

– Если возникнет такая необходимость, я тебя загипнотизирую, и ты все повторишь, слово в слово...

– Думаешь, это так важно? – спросила Сюзанна.

– Думаю, тут все важно, – ответил Роланд.

– А если со мной гипноз не сработает? – спросил Эдди. – Что, если я гипнозу не поддаюсь?

– Оставь это мне, – ответил Роланд.

– Девятнадцать, – воскликнул Джейк. Все повернулись к нему. Он смотрел на буквы, написанные им и Эдди в пыли у потухшего костра. – Клаудия-и-Инесс Бахман. Девятнадцать букв.

Роланд на мгновение задумался, потом решил не развивать тему. Если число девятнадцать играло во всем этом какую-то роль, со временем его скрытый смысл обязательно откроется. А пока были дела поважнее.

– Документ, – повторил он. – Давай не отвлекаться. Расскажи мне все, что можешь вспомнить.

– Ну, это юридический документ, заверенный печатью и подписями... – Эдди замолчал, потому что решил задать один важный вопрос. Роланд, возможно, все это знал, потому что в свое время служил закону, но Эдди счел необходимым в этом убедиться. – Тебе известно, кто такие адвокаты, да?

Роланд ответил очень сухо:

– Ты забываешь, что я родом из Гилеада, Эдди. Самого внутреннего из Внутренних феодалов. Конечно, купцов, фермеров и мастеровых у нас было больше, чем адвокатов, но ненамного.

Сюзанна рассмеялась.

– Твои слова напомнили мне сцену из Шекспира. Два персонажа, кажется Фальстаф и принц Джон, точно не помню, рассуждают, чем они займутся после того, как выиграют войну и возьмут власть. Так один из них говорит: «Прежде всего перебьем всех адвокатов».

– Между прочим, не самое плохое начало. – Эдди нашел, что от этого рассудительного тона веет арктическим холодом. А стрелок вновь повернулся к нему. – Продолжай. Если ты сможешь что-то добавить, Джейк, не стесняйся. И пожалуйста, это я вам обоим, расслабьтесь, ради ваших отцов. Сейчас документ интересует меня только в общих чертах. Хочу знать, о чем в нем идет речь.

Собственно, Эдди и сам полагал, что другого от него не потребуется, однако после слов Роланда заметно взбодрился.

– Хорошо. Назывался документ «Соглашение». Большими буквами, по самому верху. Внизу под словом «Согласовано» стояли две подписи. Одна – Келвина Тауэра. Вторая – какого-то Ричарда. Ты не помнишь, Джейк?

– Ричарда Патрика Смейерса, – ответил Джейк, помолчал, шевеля губами, кивнул. – Девятнадцать букв.

– И о чем говорилось в этом «Соглашении»? – спросил Роланд.

– На мой взгляд, если хочешь знать правду, ни о чем. Во всяком случае, мне так показалось. Практически речь шла о том, что Тауэру принадлежит пустырь на углу Сорок шестой улицы и Второй авеню...

– Не просто пустырь, – прервал его Джейк. – Пустырь с розой.

– Да, с розой. Короче, Тауэр подписал соглашение 15 июля 1976 г. «Сомбра корпорейшн» заплатила ему сто «штук». Он же, насколько я понял, пообещал целый год никому не про-

давать пустырь, заботиться о своей недвижимости, то есть платить налоги и тому подобное, а потом дать возможность «Сомбре» первой купить у него этот пустырь, при условии, что он не продаст им его раньше. Когда мы там были, он пустырь еще не продал, но и срок действия соглашения истекал через полтора месяца.

– Мистер Тауэр сказал, что сто тысяч потрачены, – добавил Джейк.

– А в соглашении что-то говорилось о том, что «Сомбра корпорейшн» имеет исключительные права на покупку? – спросила Сюзанна.

Эдди и Джейк задумались, переглянулись, покачали головами.

– Вы уверены? – напирала Сюзанна.

– Скорее да, чем нет, – ответил Эдди. – Думаешь, это важно?

– Не знаю. – Сюзанна задумалась. – Соглашение, о котором вы говорите... ну, без пункта об исключительном праве на покупку, не имеет смысла. Если отжать воду, что останется в сухом остатке? «Я, Келвин Тауэр, соглашаюсь подумать о продаже вам моего пустыря. Вы платите мне сто тысяч долларов, а я буду думать об этом целый год. В свободное от работы и игры с друзьями в шахматы время. А по прошествии года я, возможно, продам пустырь вам, возможно, оставлю себе или, возможно, выставлю на аукцион и продам тому, кто даст самую высокую цену. А если вам это не нравится,

сладенькие, можете катиться ко всем чертям».

– Ты кое-что забываешь, – мягко заметил Роланд.

– Что? – спросила Сюзанна.

– «Сомбра» – не обычная законопослушная корпорация. Подумай, стала бы обычная законопослушная корпорация нанимать такого, как Балазар, для ведения переговоров?

– Ты попал в точку, – кивнул Эдди. – Их приезд сильно напугал Тауэра.

– В любом случае письмо кое-что проясняет, – вмешался Джейк. – К примеру, щит, который я видел на пустыре. Эта «Сомбра корпорейшн» за свои сто тысяч получила права «рекламировать свои будущие проекты». Ты видел эту часть соглашения, Эдди?

– Кажется, да, она шла после абзаца о том, что Тауэр учитывает и защищает заявленные интересы «Сомбра корпорейшн» в приобретении вышеозначенной собственности, не отдает ее в залог и не допускает никаких посягательств на нее третьих лиц.

– Точно. Щит, который я видел на пустыре... – Он замолчал, задумавшись, поднял руки, уставился между ними, словно читал текст, видеть который мог только он. – «ТОВАРИЩЕСТВО СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ МИЛЛЗА И РИЭЛТОРСКОЙ КОНТОРЫ СОМБРА ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТЫ. МЫ ИЗМЕНИМ ЛИЦО МАНХЭТТЕНА». А потом: «СКОРО ЗДЕСЬ БУДЕТ РОСКОШНЫЙ КОНДОМИНИУМ «БУХТА БОЛЬШОЙ ЧЕРЕПАХИ».

– Так вот для чего им понадобился пустырь, – протянул Эдди. – Кондо. Но...

– Что такое кондоминиум? – спросила Сюзанна. – Впервые слышу это слово.

– По существу, многоквартирный кооперативный дом, – ответил Эдди. – Они наверняка были и в твоё время, только назывались по-другому.

– Да. – Сюзанна усмехнулась. – Так и назывались, кооперативными домами.

– Это не имеет значения, потому что речь идет не о кондо, – воскликнул Джейк. – Никто не собирался строить там дом. Все это... вы знаете... черт, забыл слово...

– Маскировка, – предложил Роланд.

Джейк улыбнулся.

– Точно, маскировка. Дело в розе, а не в доме! Они не могут добраться до нее, пока не приобретут землю, на которой она растет. Я в этом уверен.

– Ты, возможно, прав, что дом ничего не значит, – кивнула Сюзанна, – но Бухта Черепахи вызывает определенные ассоциации, не так ли? – Она посмотрела на стрелка. – Эта часть Манхэттена называется Бухта Черепахи, Роланд.

Он кивнул, несколько не удивившись. Черепаха была одним из двенадцати Хранителей и всегда стояла на дальнем конце Луча, по которому они шли.

– Люди из «Строительной компании Миллза», возможно, ничего не слышали о розе, – продолжил Джейк, – но готов

спорить: в «Сомбра корпорейшн» о ней знают. – Его рука нырнула в густой мех на шее Ыша. – Я думаю, где-то в Нью-Йорке, в каком-нибудь административном здании, может, в Бухте Черепахи, может, в Ист-Сайде, есть дверь со скромной табличкой «СОМБРА КОРПОРЕЙШН». А за этой дверью – другая дверь. Из тех, что приводит сюда.

С минуту они сидели, думая о мирах, вращающихся вокруг единой оси в умирающей гармонии, и никто ничего не говорил.

4

– Вот что, по моему разумению, происходит, – первым заговорил Эдди. – Сюзи, Джейк, не стесняйтесь поправить меня, если вам покажется, что я ошибаюсь. Этот тип, Кел Тауэр, в каком-то смысле хранитель розы. Возможно, на уровне сознания он сам этого не знает, но точно хранитель. Он и, должно быть, вся его семья. Отсюда и фамилия.

– Только он – последний, – вставил Джейк.

– Ты этого знать не можешь, сладенький, – улыbnулась ему Сюзанна.

– У него не было обручального кольца, – объяснил Джейк, и Сюзанна кивнула, похоже, убежденная этим доводом.

– Возможно, когда-то множество Торенов владели множеством участков на Манхэттене, – продолжил Эдди, – но те дни канули в Лету. И теперь «Сомбра корпорейшн» от ро-

зы отделяет только один, практически разорившийся толстячок, изменивший свою фамилию. Он... э... как называется человек, который любит книги?

– Библиофил, – ответила Сюзанна.

– Да, один из них. Джордж Бьонди, возможно, не Эйнштейн, но одну умную фразу, когда мы подслушивали, произнес. Насчет того, что у Тауэра не настоящий магазин, а дыра, куда он бросает деньги. В наших краях, Роланд, случившееся с ним – обычное дело. Когда моя мать видела по телевизору какого-нибудь богатого парня, скажем, Доналда Трампа...

– Кого? – спросила Сюзанна.

– Ты его не знаешь, в шестьдесят четвертом он был мальчишкой. И это не важно. Так она говорила: «Интересно, какими будут его внуки». В Америке внуки частенько разбазаривают нажитое дедами.

– Итак, мы имеем этого Тауэра, и он, в своем амплуа, тот же Роланд... последний в роду. Продает что-то из принадлежащей ему недвижимости здесь, что-то там, платит налоги, платит за дом, оплачивает расходы и медицинские счета, покупает книги. Да, я все это выдумываю... но только, кажется, на самом деле все так и есть.

– Точно, – кивнул Джейк, в голосе слышалось благоговение. – Наверняка все так и есть.

– Может, ты догадался об этом, – заметил Роланд. – А может, коснулся его мозга. Как, бывало, делал мой старый друг

Ален. Продолжай, Эдди.

– И каждый год он говорит себе, что уж теперь-то книжный магазин наконец начнет приносить прибыль. Что нью-йоркцы узнают, какие хорошие у него книги, как их много, и повалят валом. В Нью-Йорке такое действительно случается. И вот тогда все у него наладится. Но в конце концов на продажу у него остается только одно: участок двести девяносто восемь в квартале девятнадцать в Бухте Черепахи.

– Два, восемь и девять в сумме дают девятнадцать, – встала Сюзанна. – Никак не могу понять, то ли это что-то да значит, то ли синдром синего автомобиля.

– Что такое синдром синего автомобиля? – спросил Джейк.

– Когда ты покупаешь синий автомобиль, тебе начинает казаться, что вокруг полным-полно синих автомобилей.

– Только не здесь, тут ты их не встретишь, – улыбнулся Джейк.

– Не здесь, – подал голос Ыш, и все посмотрели на него. Дни, а иной раз и недели Ыш ничего не говорил или повторял окончания слов. А потом вроде бы произносил что-то свое, озвучивал свои мысли. Но они не знали, так ли это. Наверняка не знал даже Джейк.

«Точно так же мы не знаем наверняка и насчет числа девятнадцать», – подумала Сюзанна и потрепала путаника по голове. Ыш с довольным видом ей подмигнул.

– Он держится за этот участок до последнего, – продол-

жил Эдди. – Черт, даже это жуткое здание, в котором расположен книжный магазин, ему не принадлежит, помещение он арендует.

Джейк перехватил инициативу:

– Когда магазин деликатесов «Том и Джерри» прекратил работу, Тауэр его разрушил. Потому что какая-то его часть хочет продать участок. Эта часть говорит, что не продать участок может только безумец. – Джейк замолчал, думая о том, что некоторые мысли приходят глубокой ночью. Безумные мысли, безумные идеи, голоса, не желающие замолкать. – Но есть и другая часть, другой голос...

– Голос Черепахи, – вставила Сюзанна.

– Да, Черепахи или Луча, – согласился Джейк. – Возможно, это один и тот же голос. Голос, говорящий, что он должен изо всех сил держаться за этот участок. – Он посмотрел на Эдди. – Как ты думаешь, он знает о розе? Иногда приходит туда, чтобы посмотреть на нее?

– Срет ли заяц в лесу? – усмехнулся Эдди. – Разумеется, приходит. И, разумеется, знает. На каком-то уровне должен знать. Потому что угловой участок на Манхэттене... сколько он может стоить, Сюзанна?

– В мое время стоил порядка миллиона баксов. В 1977 году... известно только Господу Богу. Три миллиона? Пять? Более чем достаточно для того, чтобы сэй Тауэр мог торговать книгами до конца жизни, при условии, что инвестирует полученную сумму в самые надежные бумаги.

– Все это говорит о том, что продавать участок ему очень не хочется, – сказал Эдди. – Сюзи уже отметила, что за свои сто тысяч «Сомбра» практически ничего не получила.

– Кое-что они получили, – возразил Роланд. – Кое-что очень важное.

– Вставили ногу между дверью и косяком, – пробурчал Эдди.

– Правильно говоришь. А теперь, после того как выйдет срок действия соглашения, они пошлют к нему Больших охотников за гробами. В версии вашего мира. Крепких парней. И если жадность и насущная необходимость ранее все-таки не заставили Тауэра продать участок с розой, то теперь, запугав Тауэра, они своего добьются.

– Да, – вздохнул Джейк. «И кто встанет на сторону Тауэра? Может, Эрон Дипно. Может, никто». – Так что же нам делать?

– Купить участок самим, – без запинки ответила Сюзанна. – Естественно.

5

На мгновение у потухшего костра воцарилась мертвая тишина, потом Эдди задумчиво кивнул.

– Да, конечно, почему бы и нет? У «Сомбра корпорейшн» нет исключительного права на покупку. Они, возможно, пытались включить в соглашение такой пункт, но Тауэр на это

не пошел. Поэтому ничто не может помешать нам купить этот участок. Сколько оленьих шкур мы сможем предложить? Сорок? Пятьдесят? Если он упрется, можно добавить несколько реликвий от Древних людей. Всякие там чашки, тарелки, наконечники стрел. Чтобы ему было чем занять гостей на коктейль-парти.

Сюзанна с упреком смотрела на него.

– Ну хорошо, хорошо, – покивал Эдди, – возможно, нам сейчас не до смеха. Но нужно смотреть правде в лицо. Мы – пилигримы с голым задом, разбившие лагерь в какой-то другой реальности, судя по всему, уже и не в Срединном мире.

– К тому же, – добавил Джейк, – физически, как бывает, когда проходишь через одну из дверей, мы туда не попали. Они нас чувствовали, но в принципе мы оставались невидимками.

– Давайте рассматривать все проблемы по очереди, а не скопом. Если говорить о деньгах, у меня их предостаточно. При условии, что мы сможем до них добраться.

– И сколько их у тебя? – полюбопытствовал Джейк. – Я понимаю, это невежливо, моя мама лишилась бы чувств, услышав, что я задаю такой вопрос, но...

– Полагаю, мы прошли вместе слишком долгий путь, чтобы волноваться о вежливости, – ответила Сюзанна. – Но дело в том, сладенький, что точно я этого не знаю. Мой отец сделал несколько изобретений в области стоматологии, что-то связанное с коронками, на которые потом продавал ли-

цензии. Он основал компанию «Холмс дентал индастрис» и до 1959 года сам управлял финансовыми потоками.

– Того самого года, когда Морт столкнул тебя под колеса поезда в подземке? – спросил Эдди.

Она кивнула.

– Это произошло в августе. А шестью неделями позже у отца случился инфаркт, первый из многих. Частично причина, возможно, в волнениях, связанных со мной, но, думаю, только частично. Он просто горел на работе, пропадал там с утра до ночи.

– Твоей вины в этом нет, – заверил ее Эдди. – Ты же не сама прыгнула под поезд, Сюзи.

– Я знаю. Но чувства зачастую расходятся с реалиями. После смерти мамы забота о нем легла на меня, а я не справилась... и так и не смогла убедить себя в том, что моей вины в этом нет.

– Дела давно минувших дней, – без особого сочувствия сказал Роланд.

– Спасибо, дорогой, – сухо ответила Сюзанна. – Умеешь ты расставить все по своим местам. В общем, после первого инфаркта отец отдал все финансы на откуп своему бухгалтеру, давнишнему другу, которого звали Мозес Карвер. После смерти моего отца Поп Моуз взял на себя заботу обо мне. Полагаю, когда Роланд «извлек» меня в Нью-Йорк в этот несравненный мир, у меня на счету могло лежать от восьми до десяти миллионов долларов. Более чем достаточно для

того, чтобы выкупить пустырь мистера Тауэра, конечно, при условии, что он согласится продать его нам.

– Если Эдди прав насчет Луча, он согласится продать этот пустырь и за оленьи шкуры, – заявил Роланд. – Я уверен, глубинная часть души и разума мистера Тауэра – ка, которая заставляла его так долго держаться за этот участок, ждет нас.

– Ждет подхода кавалерии, – чуть усмехнулся Эдди. – Со всем как Форт-Орд в последние десять минут фильма с Джоном Уэйном.

Роланд смотрел на него без тени улыбки.

– Он ждет Белизны.

Сюзанна подняла коричневые руки на уровень коричневого лица.

– Тогда, полагаю, он ждет не меня.

– Наверное, нет, – согласился Роланд и задался вопросом: а какой цвет кожи у другой обитательницы тела Сюзанны? У Миа.

– Нам нужна дверь. – Джейк тяжело вздохнул.

– Нам нужны как минимум две двери, – поправил его Эдди. – Одна, чтобы договариваться с Тауэром, это точно. Но до того нам нужна вторая, в реальность Сюзанны. Как можно ближе к тому моменту, когда Роланд «извлек» ее. Я хочу сказать, нет смысла появляться в 1977 году и искать этого Карвера лишь для того, чтобы узнать, что в 1971 году он добился официального признания Одетты Холмс умершей. А все ее состояние ушло родственникам в Грин-Бей или Сан-

Бернардо.

– Или появиться в 1968 году и узнать, что мистер Карвер закрыл лавочку. Перевел все деньги на свои счета и загорает на Коста-дель-Соль.

На лице Сюзанны отразилось крайнее изумление, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать улыбку.

– Поп Моуз никогда такого не сделает! Он же мой крестный!

Джейк смутился.

– Извини. Начитался детективов. Агата Кристи, Рекс Статут, Эд Макбейн... у них такое происходит постоянно.

– А кроме того, – вставил Эдди, – большие деньги разительно меняют людей.

Она бросила на Эдди холодный, оценивающий взгляд, казалось бы, совершенно не характерный для нее. Роланд, который знал о Сюзанне куда больше Эдди и Джейка, отметил, что с таким вот взглядом она давила лягушек.

– Ты-то откуда знаешь? – спросила она и тут же изменила тон. – Извини, сладенький. Это я зря лягнула.

– Все нормально. – Улыбка Эдди вышла натянутой и неуверенной. – У всех нервы на пределе. – Он взял ее за руку, пожал. Она ответила тем же. Улыбка Эдди стала шире.

– Просто я знаю Мозеса Карвера. Он – кристально честный человек.

Эдди поднял руку, как бы говоря: убедить ты меня не убедила, но тему пора закрыть.

– Давайте разберемся, правильно ли я понял вашу идею, – заговорил Роланд. – Прежде всего ее реализация зависит от нашей возможности вернуться в ваш Нью-Йорк, причем не в один временной период, а в два.

Они помолчали, обдумывая его слова, потом Эдди кивнул.

– Точно. И начать надо с 1964 года. Сюзанна исчезла пару месяцев назад, но никто не потерял надежды на ее возвращение. Она входит, все хлопают. Возвращение блудной дочери. Мы берем бабки, на что может уйти какое-то время...

– Это будет самое трудное – убедить Попа Моуза расстаться с ними, – прервала его Сюзанна. – Когда дело доходит до денег, лежащих в банке, этот человек становится скрягой из скряг. И я уверена, что в глубине души он по-прежнему воспринимает меня восьмилетней девочкой.

– Но по закону деньги твои, так? – спросил Эдди. Роланд видел, что Эдди все еще держится настороже. Реплика «ты-то откуда знаешь» не забылась... пока. И сопровождавший ее взгляд. – Я хочу сказать, он не сможет помешать тебе забрать их из банка?

– Нет, сладенький, – ответила она. – Мой отец и Поп Моуз учредили для меня трастовый фонд, но с 1959 года, после того как мне исполнилось двадцать пять, я могла распоряжаться всеми средствами по своему усмотрению. – Ее прекрасные темные глаза повернулись к Эдди. – Вот, тебе больше нет нужды спрашивать меня о моем возрасте, так? Если

ты умеешь складывать, все узнаешь сам.

– Это не имеет значения. – Эдди улыбнулся. – Время – лицо на воде.

Роланд почувствовал, как руки покрылись гусиной кожей. Где-то, возможно, на сверкающем, цвета крови поле из роз, которое находилось от них еще очень далеко, ходячий труп только что прошел над своей могилой.

6

– Нам нужны наличные. – Голос Джейка звучал сухо, поделовому.

– Что? – Эдди с трудом оторвал глаза от Сюзанны.

– Наличные, – повторил Джейк. – Никто не будет брать чек, даже банковский, если он выписан тринадцать лет назад. Особенно на миллионы долларов.

– Откуда ты знаешь об этом, сладенький? – спросила Сюзанна.

Джейк пожал плечами. Нравилось ему это или нет (по большей части, нет), он был сыном Элмера Чемберза. Элмер Чемберз никоим образом не мог считаться хорошим парнем, Роланд никогда не назвал бы его частью Белизны, и его коллеги, менеджеры национальных телевизионных каналов, знали, что в устранении конкурентов с ним мало кто мог тягаться. «Большой охотник за гробами Тивилендии», – подумал Джейк. Элмер Чемберз обычно играл по своим пра-

вилам, и справедливость в их перечне не значилась. А он, Джейк, был сыном Элмера и не забыл лица своего отца, хотя временами об этом сожалел.

– Наличные, конечно же, наличные. – Эдди нарушил затянувшуюся паузу. – В таком деле нужно выкладывать на стол наличные. Если и будет чек, нам придется обналичить его в 1964 году, а не в 1977-м. Уложим их в большую спортивную сумку... Сюзи, в 1964 году были большие спортивные сумки? Не бери в голову. Не важно. Уложим деньги в сумку и перенесем в 1977 год. Не в тот день, когда Джейк купил «Чарли Чу-Чу» и книгу загадок, но достаточно близкий.

– До 15 июля, – напомнил Джейк.

– Само собой, – кивнул Эдди. – После пятнадцатого мы лишь обнаружим, что Балазар убедил Тауэра продать пустырь, так что мы останемся с деньгами в сумке, большим пальцем в заднице и глупой улыбкой на лице.

Опять все помолчали, должно быть, каждый рисовал себе этот очень уж живой образ, и теперь первым заговорил Роланд:

– У вас все получается очень просто, действительно, почему бы и нет? Для всех вас идея перемещения из этого мира в ваш – с его такси, небоскребами и фотографиями столь же естественна, как для меня – поездка на муле. И это понятно. Каждый из вас прошел через одну из дверей. А Эдди – в обоих направлениях, как в этот мир, так и в свой.

– Должен тебе сказать, что возвращение в Нью-Йорк осо-

бой радости мне не доставило, – заметил Эдди. – Слишком много стрельбы.

«Не говоря уже об отрезанной голове моего брата, катающейся по полу кабинета Балазара», – добавил он про себя.

– Как и мне переход через дверь на Голландском холме, – вставил Джейк.

Роланд кивнул, как бы соглашаясь с их доводами, но все же оставаясь на прежней позиции.

– Всю мою жизнь я принимал за истину слова, которые ты произнес при нашей первой встрече, Джейк... произнес, когда умирал.

Джейк, поблуднев, уставился в землю. Ему не хотелось об этом вспоминать (к счастью, воспоминания заметно стерлись), и он знал, что не хочется того и Роланду. «Оно и понятно! – подумал он. – Конечно же, не хочется тебе вспоминать! Ты позволил мне упасть! Ты позволил мне умереть!»

– Ты сказал, что, помимо этих, есть и другие миры, – продолжил Роланд, – и они есть. Нью-Йорк при его множестве временных интервалов, куда мы можем попасть, всего лишь один из них. И роза – единственное объяснение, что нас вновь и вновь тянет туда. Я в этом не сомневаюсь, как не сомневаюсь, что роза, хоть я не понимаю, как такое может быть, и есть Темная Башня. Или Башня, или...

– Или другая дверь, – пробормотала Сюзанна. – Та самая, что ведет непосредственно в Темную Башню.

Роланд кивнул.

– Эта мысль все чаще приходит мне на ум. В любом случае Мэнни знали обо всех этих мирах и по-своему посвящали им свои жизни. Они верили, что Прыжок – самый святой из всех ритуалов и самое блаженное из всех состояний. Мой отец и его друзья с давних пор знали о хрустальных шарах. Я вам это говорил. И мы уже пришли к выводу, что Радуга Мэрлина, Прыжок и эти магические двери скорее всего действуют одинаково.

– Куда ты клонишь, сладенький? – спросила Сюзанна.

– Я просто напоминаю вам, что мое путешествие очень долгое. Из-за изменений, которые произошли со временем, из-за размягчения времени, которое вы все почувствовали, я иду к Темной Башне уже больше тысячи лет, иногда перепрыгиваю через поколения и столетия, как морская чайка перепрыгивает с гребня одной волны на гребень другой, лишь чуть замочив лапки. И за все это время нигде и никогда я не видел дверей между мирами, пока на набрел на них на берегу Западного моря. Я понятия не имел, что они собой представляют, хотя, как я вам и говорил, кое-что знал о Прыжке и Магических кристаллах.

Роланд обвел взглядом свой ка-тет.

– Вас послушать, так получается, что в моем мире столько же магических дверей, сколько в вашем... – он запнулся, – ...самолетов и автобусов. Это не так.

– Сейчас мы находимся не там, где ты странствовал раньше, – напомнила ему Сюзанна. Мягко коснулась пальцами

его сильно загоревшего запястья. – Мы более не в твоём мире. Ты сам это сказал, в той вариации Топики, где Блейн Моно окончательно рехнулся.

– Согласен, – кивнул Роланд. – Я только хочу донести до вас простую мысль: эти двери, возможно, встречаются гораздо реже, чем вы себе это представляете. А теперь речь идет не об одной двери, а о двух. Дверях, которые необходимо нацелить на определенное время, как нацеливают револьвер.

«Я целюсь не рукой», – подумал Эдди, и по его телу пробежала легкая дрожь.

– Если смотреть в таком ракурсе, Роланд, действительно возникают сомнения, есть ли у нас хоть один шанс.

– Так что же нам тогда делать? – спросил Джейк.

– Возможно, я смогу вам в этом помочь, – ответил ему незнакомый голос.

Все мгновенно повернулись, но только Роланд без всякого удивления. Он заметил появление незнакомца где-то на середине их разговора. Но посмотрел на него с интересом, и одного взгляда ему хватило, чтобы понять: незнакомец или из мира его новых друзей, или из местных.

– Кто ты? – спросил Эдди.

– Где твои друзья? – спросила Сюзанна.

– Откуда ты? – спросил Джейк. Его глаза радостно сверкали.

Из-под расстегнутого на груди черного плаща незнакомца виднелась черная рубашка с воротником-стойкой. Его длин-

ные седые волосы торчали во все стороны, словно в испуге. На лбу виднелся Т-образный шрам.

– Мои друзья по-прежнему в маленьком лагере вон там. – Он указал на леса. – Сейчас я зову Калья Брин Стерджис своим домом. Раньше звал так Детройт, штат Мичиган, где работал в ночлежке для бездомных, варил суп и проводил собрания «Анонимных алкоголиков». Хорошо знал, что им надо говорить. А до того, короткое время жил в Топике, штат Канзас.

Он заметил, как при последних словах троица молодых людей посмотрела на него с новым интересом.

– До Топики – в Нью-Йорке, а еще раньше – в маленьком городке Салемс Лот, в штате Мэн.

7

– Так ты с нашей стороны. – В голосе Эдди слышалось облегчение. – Святой Боже, ты действительно с нашей стороны.

– Да, думаю, что да, – ответил мужчина в рубашке с воротником, застегивающимся сзади. – Меня зовут Доналд Каллагэн.

– Ты – священник. – Сюзанна перевела взгляд с маленького золотого крестика, который поблескивал на шее Каллагэна, на другой, вырезанный на лбу.

Каллагэн покачал головой.

– Уже нет. Когда-то был. Может, стану опять, с благосло-

вения Божьего, но не сейчас. Теперь я просто Божий человек. Могу я спросить... из какого вы года?

– Из 1964-го, – ответила Сюзанна.

– Из 1977-го, – ответил Джейк.

– Из 1987-го, – ответил Эдди.

При ответе Эдди глаза Каллагэна блеснули.

– 1987-й. А я появился здесь из 1983-го. Тогда скажите мне, молодой человек, для меня это очень важно. К тому времени, как вы отправились сюда, «Ред Сокс»²¹ хоть раз выиграли чемпионат страны по бейсболу?

Эдди расхохотался, откинув голову назад.

– Нет, уж извини, не могу тебя порадовать. В прошлом году остановились в одном шаге от чемпионского титула. «Ситизенс»²² их вынесли. Как насчет того, чтобы подойти к кофину и присесть? Кофе нет, но Роланд, вот этот печальный тип, что сидит справа от меня, неплохо заваривает чай.

Каллагэн перевел взгляд на Роланда, а потом произошло удивительное: он упал на колени, чуть склонил голову, приложил кулак ко лбу.

– Хайл, стрелок, и пусть тропа встретит нас добром.

– Хайл, – ответил стрелок. – Подходи, незнакомец, и расскажи нам о своей беде.

²¹ «Бостон Ред Соке» – профессиональная бейсбольная команда, выступающая в Американской лиге.

²² «Нью-Йорк Ситизенс» – профессиональная бейсбольная команда, выступающая в Национальной лиге. Чемпионский титул разыгрывают победители лиг.

Каллагэн в изумлении вытаращился на стрелка.

Роланд ответил спокойным взглядом, потом кивнул.

– Добром нас встретит тропа или злом, но ты, возможно, получишь то, что ищешь.

– Возможно, и вы тоже, – ответил Каллагэн.

– Тогда подходи. Подходи и присоединяйся к нашему разговору.

8

– Прежде чем мы продолжим, могу я задать тебе вопрос? – спросил Эдди.

Рядом с ним Роланд разжигал костер и искал в заплечном мешке маленький глиняный котелок, подарок Древних людей, в котором любил заваривать чай.

– Разумеется, молодой человек.

– Ты – Доналд Каллагэн?

– Да.

– А твое второе имя?

Каллагэн склонил голову набок, приподнял бровь, улыбнулся.

– Фрэнк. В честь дедушки. Это существенно?

Эдди, Сюзанна и Джейк переглянулись. В их взглядах читалось одно и то же: Доналд Фрэнк Каллагэн. Девятнадцать букв.

– Значит, существенно. – Каллагэн сам и ответил на свой

вопрос.

– Возможно, – сказал Роланд. – А может, и нет. – Из бурдюка он налил в котелок воды.

– Похоже, с тобой произошел несчастный случай. – Каллагэн смотрел на правую руку Роланда.

– Я приспосабливаюсь, – ответил тот.

– Ты мог бы сказать: приспосабливаюсь с помощью друзей, – добавил Джейк без тени улыбки.

Каллагэн кивнул, не понимая смысла его слов и зная, что это и не нужно: он видел перед собой ка-тет. Возможно, такого слова он никогда и не слышал, но само слово значения не имело. Все становилось ясно по тому, как они смотрели друг на друга, как вели себя по отношению друг к другу.

– Вы знаете мое имя. – Каллагэн оглядел сидящих у костра. – Могу я узнать ваши?

Они представились: Эдди и Сюзанна Дин из Нью-Йорка; Джейк Чемберз из Нью-Йорка; Ыш из Срединного мира; Роланд Дискейн из Гилеада. Каллагэн всякий раз кивал, поднимая ко лбу сжатый кулак.

– А к вам пришел Каллагэн из Лота, – сказал он после того, как знакомство состоялось. – Или тот, кто был им. А сейчас я, пожалуй, всего лишь Старик. Так меня зовут в Калье.

– Твои друзья не хотят присоединиться к нам? – спросил Роланд. – Еды у нас немного, но чая хватит на всех.

– Думаю, пока не надо их приглашать.

– Ага, – кивнул Роланд, словно понимая, что сие означает.

– В любом случае мы хорошо поели, – продолжил Каллагэн. – Год в Калье выдался удачным до последних дней, и мы с радостью поделимся с вами тем, что у нас есть. – Он замолчал, возможно, поняв, что слишком торопит события, и добавил: – Возможно. Если мы договоримся.

– Возможно, – повторил Роланд. – Мой старый учитель говорил, что это единственное слово из тысячи букв.

Каллагэн рассмеялся.

– Неплохо! В любом случае с едой у нас дела обстоят лучше, чем у вас. Есть даже свежие сдобные шары, Залия их нашла, но, подозреваю, вы тоже знаете, где они растут. Она говорит, в одном месте их явно собирали.

– Их нашел Джейк. – Роланд посмотрел на мальчика.

– Точнее, Ыш. – Джейк погладил своего любимца по голове. – Он у меня натаскан на сдобные шары.

– Давно вам известно о нашем присутствии? – спросил Каллагэн.

– Два дня.

Во взгляде Каллагэна читались и удивление, и легкое раздражение.

– То есть с того момента, как мы пошли по вашему следу. А мы-то изо всех сил старались не засветиться.

– Если б вы не думали, что вам понадобятся люди опытнее вас, не пришли бы сюда.

Каллагэн вздохнул.

– Истину говоришь, спасибо тебе.

– То есть вы пришли за помощью? – спросил Роланд. В его голосе слышалось лишь легкое любопытство, но Эдди Дин почувствовал, как его обдало волной холода. Слова, казалось, повисли в воздухе, вибрируя от скрытого в них смысла. Не он один это почувствовал. Сюзанна взяла его за правую руку. Мгновением позже рука Джейка нашла левую.

– Я не вправе отвечать на этот вопрос. – В голосе Каллагэна внезапно зазвучала неуверенность. Может, и страх.

– Вы знаете, что пришли к потомкам Эльда? – спросил Роланд все тем же на удивление мягким, не свойственным ему голосом. Протянул руку к Эдди, Сюзанне, Джейку. Даже к Ышу. – Ибо они – часть меня. А я – часть их. Мы – единое целое, мы – шар, и катимся, как он. И вы знали, кто мы.

– Это действительно так? – спросил Каллагэн. – Вы все – единое целое?

– Роланд, в какую историю ты нас втягиваешь? – спросила Сюзанна.

– Пока ни в какую. Я вам не хозяин. Вы – мне. По крайней мере на текущий момент. Они еще не решились попросить.

«Но решатся», – подумал Эдди. Несмотря на грезы о розе и Прыжки, он ни в коей мере не считал себя экстрасенсом, но ведь и не требовалось обладать сверхъестественными способностями, чтобы понять очевидное: люди, выбравшие Каллагэна одним из своих представителей, попросят. Иной раз в силу определенных обстоятельств каштаны падали в огонь, и Роланду приходилось их таскать.

Но ведь не одному Роланду.

«Вот тут ты допустил ошибку, папаша, – подумал Эдди. – Вполне объяснимую, но тем не менее ошибку. Мы – не кавалерия. Мы – не стрелки. Мы – всего лишь затерявшиеся души из Большого Яблока, которые...

Но нет. Нет. Эдди знал, кем они стали после Речного Перекрестка, когда старики опустили на колени перед Роландом. Черт, он знал это с того момента, как в лесу (который он по-прежнему воспринимал как лес Шардика) Роланд учил их целиться глазом, стрелять разумом, убивать сердцем. Их не трое, не четверо. Один. Роланд превратил их в единое целое, слил воедино, и это ужасно. Он наполнил их ядом и поцеловал отравленными губами. Он превратил их в стрелков, и неужто Эдди действительно думал, что в этом практически полностью опустевшем мире не останется работы для потомков Артура из Эльда? Что им позволят неспешно пройти по Тропе Луча до Темной Башни Роланда и устранить все поломки? Не мог же он быть таким наивным?

Джейк озвучил мысли Эдди, и Эдди определенно не понравился охотничий блеск в глазах мальчика. Он полагал, что множество мальчишек шло на войну с таким вот блеском в глазах. Бедняга даже не знал, что он отравлен, а значит, с умом у него не очень, потому что если кому и следовало знать о яде, так это прежде всего ему.

– Они, однако, попросят, – сказал Джейк. – Не так ли, мистер Каллагэн? Они попросят.

– Я не знаю. – В голосе Каллагэна слышалось сомнение. – Вам придется убедить их... – Он замолчал, робко вскинул глаза на Роланда. Стрелок покачал головой.

– Так не бывает. Ты не из Срединного мира и, возможно, этого не знаешь, но так не бывает. Убеждать – не по нашей части. Наше дело – свинец.

Каллагэн глубоко вдохнул, потом кивнул.

– У меня есть книга. Она называется «Сказания об Артуре».

Глаза Роланда блеснули.

– У тебя есть эта книга? Неужели есть? Я бы хотел заглянуть в нее. Я бы очень хотел заглянуть в нее.

– Может, и заглянешь. Истории эти не очень то напоминают сказания о рыцарях Круглого Стола, которые я читал в детстве, но... – Он покачал головой. – Я понимаю, что вы мне говорите, и давайте пока закончим этот разговор. Есть три вопроса, не так ли? И вы только что задали мне первый.

– Да, три, – кивнул Роланд. – Три – число власти.

Эдди подумал: «Роланд, старина, если тебе действительно нужно число власти, лучше девятнадцати не сыскать».

– И на все три должен быть один ответ: «да».

Ронанд кивнул.

– А после трех «да» новых вопросов быть не должно. Мы пойдем предназначенным нам путем, сэй Каллагэн, и ни один человек не сможет заставить нас повернуть назад. Постарайся разъяснить это своим людям. – Он кивнул на лес к

югу от них.

– Стрелок...

– Зови меня Роландом. Мы живем в мире, ты и я.

– Хорошо, Роланд. Выслушай меня внимательно, прошу тебя. Так уж мы говорим в Калье. Нас, кто пришел сюда, только полдюжины. И мы, вшестером, не можем принять решение. Решать может только вся Калья.

– Демократия. – Роланд сдвинул шляпу назад, потер лоб, вздохнул.

– Но если мы шестеро, особенно сэй Оуверхолсер... – Он замолчал, посмотрел на Джейка. – Что? Что я такого сказал?

Джейк покачал головой, взмахом руки предложил Каллагэну продолжить.

– Если мы шестеро согласимся, считай, все схвачено.

Эдди закрыл глаза, по лицу разлилось блаженство.

– Повтори это еще раз, приятель.

Каллагэн с тревогой посмотрел на него.

– Что?

– Все схвачено. Или что угодно из нашего времени и реальности. С нашей стороны большого ка.

Каллагэн задумался, потом губы разошлись в улыбке.

– Усратья и не жить, я нажрался в дупелину, напился в стельку, съехал с катушек, прошел по тонкому льду, ширнулся, въехал на розовой лошади в аллею кошмаров. Ты об этом?

Роланд в некотором замешательстве (где-то и со скукой)

смотрел на Каллагэна, но Эдди Дин смаковал каждое слово. Сюзанна и Джейк грустно улыбались, тоже погруженные в воспоминания.

– Продолжай, приятель, – просипел Эдди, поощряюще взмахнув обеими руками. По голосу чувствовалось, что он борется со слезами. – Продолжай.

– Может, в другой раз, – мягко предложил Каллагэн. – Когда мы сможем посидеть и поговорить о местах, где нам довелось жить прежде, и тамошнем сленге. И о бейсболе, если у тебя не будет возражений. А сейчас времени в обрез.

– Вот тут ты совершенно прав, – кивнул Роланд. – Так что, пожалуйста, не отклоняйся от главного, ибо я, надеюсь, достаточно ясно дал тебе понять, что мы не бродяги, с которыми твои друзья могут побеседовать, а потом нанять или нет, как нанимают работников или ковбоев на ферму или ранчо.

– Сейчас я могу только попросить вас оставаться на месте и позволить мне привести их сюда, – ответил Каллагэн. – Это Тиан Джеффордс, благодаря которому мы здесь и оказались, его жена Залия. Оуверхолсер – его больше всех надо убеждать, что без вас нам не обойтись.

– Мы не собираемся убеждать ни его, ни кого-то еще, – отрезал Роланд.

– Я понимаю, – поспешно согласился Каллагэн. – Да, ты выразился более чем ясно. А еще Бен Слайтман и его сынишка, Бенни. Бен-младший – исключение из правил. Его сестра умерла четыре года назад, когда ей и Бенни было по

десять лет. Никто не знает, считать ли Бена-младшего близнецом или единственным ребенком. – Он замолчал. – Извините, отвлекся.

Роланд махнул рукой, показывая, что все нормально.

– Я нервничаю в вашем присутствии, выслушайте меня, прошу вас.

– С нами тебе не нужно ни о чем просить, сладенький, – заметила Сюзанна.

Каллагэн улыбнулся.

– У нас так принято говорить. В Калье, если кого-то встречаешь, обычно говоришь: «Все ли у тебя в порядке, прошу тебя, скажи?» На что тебе обычно отвечают: «Все хорошо, ничего не заржавело, говорю богам, спасибо, сэй!» Вы такого не слышали?

Они покачали головами. Нет, все слова были знакомы, но словосочетания подчеркивали, что они попали в незнакомое, новое для них место, где и говорили иначе, и, наверное, жили по странным для них обычаям.

– Дело в том, – продолжил Каллагэн, – что население пограничных территорий запугано существами, которых называет Волки. Раз в поколение они приходят из Тандерклепа и забирают наших детей. Тут много еще можно сказать, но это главное. Тиан Джеффордс, которому предстоит потерять не одного ребенка, а двоих, говорит – хватит, пришло время подняться с колен и сразиться с ними. Другие люди, такие, как Оуверхолсер, говорят, что это приведет к катастро-

фе. Думаю, Оуверхолсер и ему подобные взяли бы верх, но ваш приход все изменил. – Он наклонился вперед. – Уэйн Оуверхолсер – человек неплохой, но сильно напуганный. Он – крупнейший фермер Кальи и может потерять больше, чем остальные. Но если убедить его, что вы сможете прогнать Волков... что вы можете сразиться с ними и победить... Думаю, он встанет с нами плечом к плечу и тоже будет сражаться.

– Я сказал тебе... – начал Роланд.

– Вы никого не убеждаете, – прервал его Каллагэн. – Да, я понимаю, будьте уверены. Но если они увидят вас, услышат, как вы говорите, а потом сами убедятся...

Роланд пожал плечами.

– Даст Бог – будет и вода.

Каллагэн кивнул.

– У нас тоже так говорят. Позволишь перейти к другому, связанному с этим, вопросу?

Роланд чуть приподнял руки, словно, как подумал Эдди, говоря Каллагэну: твое дело.

Мужчина со шрамом какое-то время молчал, словно собираясь с духом. А заговорил тихим шепотом. Эдди пришлось наклоняться вперед, чтобы расслышать его слова.

– У меня кое-что есть. Кое-что нужное вам. Оно может вам понадобиться. Я думаю, оно уже установило с вами контакт.

– Почему ты так решил? – спросил Роланд.

Каллагэн облизнул губы, а потом произнес одно слово: «Прыжок».

9

– При чем тут он? – спросил Роланд. – При чем тут Прыжок?

– Разве вы не уходили в него? – Казалось, Каллагэн потерял уверенность в себе. – Никто из вас не уходил?

– Скажем, уходили, – ответил Роланд. – Но что тебе до этого, какая связь между Прыжком и проблемами, возникшими у вашей Кальи?

Каллагэн вздохнул. Хотя день только начался, выглядел он усталым.

– Да, все это труднее, чем я думал... и намного. Вы куда более... слово никак не подберу... сообразительные. Более сообразительные, чем я ожидал.

– Ты ожидал встретить бродяг в седлах, с быстрыми руками и пустыми головами, не так ли? – спросила Сюзанна. В голосе слышалась злость. – Что ж, ты ошибся, сладенький. Мы, возможно, и бродяги, но седел у нас нет. Кому нужны седла без лошадей?

– Мы привели вам лошадей, – ответил Каллагэн, и этого хватило. Роланд понимал далеко не все, но уже известное ему позволяло, пусть и немного, прояснить ситуацию. Каллагэн заранее знал об их прибытии, знал, сколько их, знал,

что они идут, а не едут. Что-то он мог узнать от разведчиков, но не все. И Прыжок... он знал, что некоторые или они все уходили в Прыжок...

– Что же касается пустых голов, мы, возможно, не самая умная четверка на этой планете, но... – Сюзанна внезапно замолчала, ее передернуло. Руки обхватили живот.

– Сюзи? – В голосе Эдди звучала тревога. – Сюзи, что с тобой? Ты в порядке?

– Пучит, – ответила она и улыбнулась. Роланду ее улыбка показалась неестественной. Он заметил маленькие морщинки боли в уголках глаз. – Наверное, вчера вечером съела слишком много сдобных шаров, – и, прежде чем Эдди успел задать новый вопрос, переключилась на Каллагэна: – Если ты хочешь сказать что-то еще, говори, сладенький.

– Хорошо, – кивнул Каллагэн. – У меня есть некий предмет, обладающий огромной мощью. Хотя вы находитесь во многих колесах пути от моей церкви, где он спрятан, я думаю, он уже дотянулся до вас. Отправлять людей в Прыжок – это лишь немного из того, на что он способен. – Он глубоко вдохнул и выпалил: – Если вы поможете нам, ибо Калья теперь и мой город, где я надеюсь закончить свои дни и лечь в землю, сослужите службу, о которой я прошу, я отдам вам... этот предмет.

– Последний раз прошу тебя больше так не говорить, – отчеканил Роланд. Таким суровым тоном, что Джейк в удивлении вскинул на него глаза. – Ты бесчестишь меня и мой

ка-тет. Мы обязаны сделать то, о чем ты просишь, если хотим, чтобы Калья осталась в Белизне, а те, кого ты называешь Волками, – посланцы тьмы. Если хочешь, разрушители Лучей. Мы не можем брать вознаграждение за наши услуги, и ты не должен нам его предлагать. Если бы так говорил один из тех, кто пришел с тобой, тот, кого ты называешь Тиан, или тот, кого ты называешь Оуверхолсер...

(Эдди хотел предложить стрелку не усложнять до такой степени предложения, но потом решил не раскрывать рта: когда Роланд злился, привлекать к себе его внимание не следовало.)

– ...это было бы другое дело. Они не знают ничего, кроме легенд. Но у тебя, сэй, есть как минимум одна книга, из которой ты мог узнать, что к чему. Я сказал тебе, что наше дело – свинец, и это правда. Но это не означает, что нас можно нанять.

– Хорошо, хорошо...

– А что касается предмета, который у тебя есть, – Роланд возвысил голос, заглушая Каллагэна, – так ты только и мечтаешь о том, чтобы избавиться от него. Он наводит на тебя ужас, не так ли? Даже если мы решим проехать мимо вашего города, ты будешь умолять нас забрать его с собой, так? *Так, спрашиваю я?*

– Да, – чуть ли не со слезами ответил Каллагэн. – Твоя правда, и я говорю, спасибо тебе. Но... я просто услышал часть вашего разговора... понял, что вы хотите вернуться...

перейти, как сказали бы Мэнни... и не просто в одно место, а в два... может, больше... и время... Я слышал, вы говорили о дверях, которые необходимо нацелить на определенное время, как нацеливают револьвер.

И вот тут Джейка осенило. На его лице отразились восторг и ужас.

– Какой у тебя шар? – спросил он. – Наверняка не розовый из Меджиса, потому что он лишь засасывал Роланда внутрь, но не отправлял в Прыжок. Так какой?

Слеза покатила по правой щеке Каллагэна. Потом по левой. Не отдавая отчета в том, что делает, он стер их.

– Я никогда не решился бы что-то с ним делать, но я его видел. Да поможет мне Христос Человек-Иисус, но под половицами моей церкви лежит Черный Тринадцатый. И он ожил. Вы меня понимаете? – Он смотрел на них мокрыми от слез глазами. – *Он ожил!*

И Каллагэн закрыл лицо руками, пряча его от всех.

10

Когда святой человек со шрамом на лбу ушел, чтобы привести своих спутников, стрелок долго стоял, провожая его взглядом. Руками взялся за ремень старых, штопанных джинсов, и казалось, стоять так будет до второго пришествия. Однако как только Каллагэн скрылся из виду, он повернулся к своему катету и махнул рукой: идите ко мне. Когда они по-

дошли, Роланд уселся на землю. Эдди и Джейк сделали то же самое. Сюзанна и так сидела. Стрелок заговорил быстро и отрывисто.

– Времени в обрез, поэтому скажите мне, каждый из вас, и не виляйте, честный он или нет?

– Честный, – без запинки ответила Сюзанна, опять поморщилась и потеряла живот под левой грудью.

– Честный, – ответил Джейк.

– Тный, – ответил Ыш, как будто его спрашивали.

– Честный, – согласился со всеми Эдди, – но посмотри-те. – Он вытащил из костра обгоревшую веточку, смахнул сосновые иголки и написал на черной земле:

Calla Callahan

– Это совпадение или что-то да значит? – спросил он в ответ на недоуменный взгляд Сюзанны.

– Кто знает? – Джейк пожал плечами. Все говорили очень тихо, склонив головы над написанными на земле словами. – Та же история, что и с девятнадцатью.

– Думаю, это всего лишь совпадение, – высказала свое мнение Сюзанна. – Конечно же, не все, с чем мы сталкиваемся на нашей тропе, – ка, не так ли? Эти слова даже лингвистически не связаны. Название города Calla имеет испанские корни... как и многие из слов, которые ты помнишь по

Меджису, Роланд, потому и произносится Калья. Я думаю, на испанском это улица или площадь²³. Уж извини, что не помню точно, учила испанский только в средней школе, а с тех пор много воды утекло. Но если я права, использование этого слова как начальной части названия городка, деревни... или нескольких городков, расположенных рядом, имеет смысл. Не самый, возможно, лучший вариант, но вполне приемлемый. Callahan, с другой стороны, так и произносится, Каллагэн... – Она пожала плечами. – Это что? Распространенная ирландская фамилия? Английская?

– Уж точно не испанская, – ввернул Джейк. – Но эта история с девятнадцатью...

– Нассать на девятнадцать, – грубо оборвал его Роланд. – Сейчас не время для игры в числа. Он скоро вернется со своими друзьями, а до того мне есть о чем с вами поговорить.

– Думаешь, насчет Черного Тринадцатого он говорит правду? – спросил Джейк.

– Да, – кивнул Роланд. – Учитывая, что произошло с тобой и Эдди прошлой ночью, думаю, ответ – «да». Держать при себе этот хрустальный шар опасно, но мы должны его взять. Потому что, если его не возьмем мы, он достанется Волкам из Тандерклепа. И хватит об этом, сейчас у нас есть более важные проблемы.

Чувствовалось, что Роланд чем-то взволнован. Он пристально смотрел на Джейка.

²³ На испанском улица – calle, не calla, но очень близко.

– Ты вздрогнул, услышав фамилию этого крупного фермера. И ты тоже, Эдди, хотя и не столь явно.

– Извини, – потупился Джейк. – Я забыл лицо...

– Ничего ты не забыл, – оборвал его Роланд. – А если и забыл, то вместе со мной. Потому что я слышал эту фамилию, и недавно. Только не могу припомнить, где и когда, – и с неохотой добавил: – Старею.

– Это случилось в магазине, – ответил Джейк. Подтянул к себе рюкзак, нервно завозился с завязками, пока не развязал их. Откинул клапан, словно хотел убедиться, что «Чарли Чу-Чу» и книга загадок по-прежнему на месте, по-прежнему их можно потрогать. – В «Манхэттенском ресторане для ума». Это так странно. Однажды это случилось со мной, а однажды я наблюдал, как это происходит со мной. Само по себе такое уже загадка.

Роланд описал круг пальцами изуродованной правой руки, предлагая поторопиться с рассказом.

– Мистер Тауэр представился мне, я ответил тем же. Сказал, что меня зовут Джейк Чемберз. И тогда он сказал...

– Хорошее имя, дружище, – вмешался Эдди. – Вот что он сказал. А потом добавил, что Джейк Чемберз звучит почти как имя героя романа-вестерна.

– «Парня, который врывается в город Черные Вилы, штат Аризона, очищает его от всех бандюганов, потом скачет дальше, – на память процитировал Джейк. – Что-то, по-моему, из Уэйна Д. Оуверхолсера», – посмотрел на Сюзанну и

повторил: – Уэйн Д. Оуверхолсер. Если ты скажешь мне, что и это совпадение, Сюзанна... – он вдруг ослепительно улыбнулся, – я предложу тебе поцеловать мою белую задницу.

Сюзанна рассмеялась.

– В этом нет необходимости, сладкий мальчик. Я не верю, что это совпадение. И когда мы встретимся с этим фермером, приятелем Каллагэна, я обязательно спрошу, какое у него второе имя. Если Дирк или Дейн, то есть из четырех букв... – Ее рука вновь вернулась под левую грудь. – Ох уж эти газы! Боже! Я бы многое отдала за упаковку «Тамс»²⁴ или... – Она не договорила. – Джейк, что с тобой?

Джейк держал в руках книгу «Чарли Чу-Чу» и его лицо бледнело на глазах. Глаза, округлившись, стали огромными. Рядом с ним начал тревожно подвывать Ыш. Роланд наклонился, чтобы взглянуть на книгу, и его брови взлетели вверх.

– Святые боги, – вырвалось у него.

Посмотрели на книгу и Эдди с Сюзанной. Название осталось прежним. Картинка осталась прежней: древний паровозик пытел, забираясь на гору, скребок расплывался в счастливой улыбке, огни-глаза сияли. Но надпись под картинкой желтыми буквами «Текст и рисунки Берил Эванз» исчезла. И новая не появилась.

Джейк повернул книгу, посмотрел на корешок. Увидел только название книги, «Чарли Чу-Чу», и издательства – «Макколи Хауз, паблишерс». Ничего больше.

²⁴ «Тамс» – нейтрализатор кислотности, выпускаемый в таблетках.

К югу от них послышались голоса. Каллагэн и его спутники приближались. Каллагэн из Кальи. Каллагэн из Лота, как он также назвал себя.

– Титульный лист, сладенький, – подала голос Сюзанна. – Открой быстро.

Джейк открыл. Вновь они увидели только название книги и название издательства, на этот раз с выходными данными.

– Посмотри на страницу с копирайтом, – предложил Эдди.

Джейк перевернул страницу. Здесь, на обороте титульного листа и перед первой страницей книги, всегда печаталась информация о правообладателях. Да только на этой странице информации не было, практически не было. Они увидели:

Копирайт 1936,

одно слово и четыре цифры, которые в сумме давали число 19.

Более ничего, на всей странице.

Глава 5

1

Сюзанна смогла стать свидетельницей большей части событий того длинного и интересного дня, потому что Роланд предоставил ей такую возможность, а она полностью пришла в себя после приступов утренней тошноты.

Аккурат перед тем, как Каллагэн и его компания приблизилась к костру, Роланд прошептал ей: «Держись как можно ближе ко мне и не произноси ни слова, если только я не обращусь к тебе. Если они примут тебя за мою женщину, не смей возражать».

При других обстоятельствах она могла бы сказать что-то едкое, что, мол, никак не видит себя походной женой Роланда, согревающей его старые кости холодной ночью, однако в это утро было не до шуток, и выражение его лица ясно говорило об этом. Опять же, роль верной и покорной второй половины приглянулась Сюзанне. По правде говоря, ее радовала любая роль. Даже ребенком ей нравилось играть других людей.

«И это, наверное, все, что кому-либо стоит о тебе знать, сладенькая», – подумала она.

– Сюзанна? – спросил Роланд. – Ты меня слышишь?

– Слышу хорошо, – ответила она. – Обо мне не волнуйся.

Как женщина, выросшая черной в Америке середины двадцатого столетия (Одетта на просмотре фильма по роману Ралфа Эллисона²⁵ «Невидимка» то и дело смеялась и аплодировала, качаясь взад-вперед, словно человек, которому открывалась истина), Сюзанна точно знала, чего он от нее хотел. И намеревалась исполнить все его пожелания. Та ее частица, где царила злобная Детта Уокер, никак не желала признавать главенство Роланда, но оставшаяся, большая часть видела в Роланде того, кем он и был на самом деле: последнего из рыцарей. Может, даже героя.

2

Пока Роланд представлял свой ка-тет (Сюзанну – последней, после Джейка, можно сказать, с легким пренебрежением), у нее появилось время отметить, до чего же хорошо она себя чувствует после того, как ушли эти ноющие боли в левом боку. Черт, даже головная боль, которая уже с неделю досаждала ей, и та ушла. То блуждала от одного места к другому, с затылка к виску, потом к левому глазу, опять к затылку, а тут – раз, и пропала. Разумеется, исчезла и утренняя тошнота. Проснувшись, она где-то с час не могла при-

²⁵ Эллисон Ралф Уолдо (р. 1914) – афроамериканский прозаик, эссеист. Его единственный роман «Невидимка» (1952) о традиционном пути становления негритянского сознания удостоен многих литературных премий, в том числе Национальной книжной, переиздавался десятки раз, переведен на 15 языков.

ти в себя. Рвать ее не рвало, но она постоянно находилась на грани.

Она прекрасно понимала, о чем могли свидетельствовать эти симптомы, да только с полной уверенностью могла сказать, что свидетельствовать им не о чем. И очень надеялась, что не раздуется, как Джессика, подруга матери, с которой такое случилось не один раз, а дважды. Две ложные беременности, и в обоих случаях женщину раздувало так, будто в животе у нее двойня. А то и тройня. Но у Джессики Бисли прекращались месячные, вот женщина и не сомневалась, что забеременела. Именно по этой причине Сюзанна и знала, что с ней ничего такого не произошло: она продолжала менструировать. Один раз месячные пришли, когда их четверка проснулась на Тропе Луча, в двадцати пяти или тридцати милях от Зеленого дворца. Потом пришли во второй раз. В обоих случаях кровь текла очень сильно, ей пришлось использовать множество тряпок, чтобы утилизировать темный поток; а ведь обычно из нее выливалось по чуть-чуть, иногда всего несколько капель, ее мать это называла «женскими розами». Однако она не жаловалась, потому что до прибытия в этот мир месячные сопровождалась сильными болями, бывало, напомилавшими пытку. А вот на Тропе Луча менструации оба раза прошли совершенно безболезненно. И если б не тряпки, которые она зарывала в землю то на одной, то на другой стороне дороги, ее самочувствие во время месячных ничем не отличалось от самочувствия в любые другие дни.

Возможно, сказывалась чистота воды, которую они пили.

Естественно, она знала, в чем причина; для этого не требовалось иметь семь пядей во лбу. Эти безумные, суматошные сны, которые она не могла потом вспомнить, слабость и тошнота по утрам, блуждающие головные боли, газы, пучившие кишечник, спазмы желудка говорили об одном и том же: она хотела родить от него ребенка. Больше всего на свете она хотела, чтобы у нее под сердцем рос ребенок Эдди Дина.

А чего она не хотела, так это раздуваться от ложной беременности.

«Сейчас выброси эти мысли из головы, – сказала она себе, глядя на приближающихся Каллагэна и его спутников. – Сейчас твое дело – наблюдать. Увидеть то, что могут не заметить Роланд, Эдди и Джейк. Тогда мы не упустим ничего важного». И Сюзанна не сомневалась, что с этим заданием она справится на «отлично».

Потому что прекрасно себя чувствовала, и ничто ее не отвлекало.

3

Каллагэн шел первым. За ним – двое мужчин, один лет тридцати, второй, как показалось Сюзанне, раза в два старше. Более пожилого отличали тяжелые щеки, которым с годами предстояло отвиснуть еще сильнее, и глубокие морщины, тянувшиеся от крыльев носа к уголкам рта (Дэн Холмс,

имеющий такие же, говорил, что они – признак сильного характера). Голову молодого мужчины покрывало потрепанное сомбреро, пожилого – чистенький белый «стетсон», при виде которого Сюзанна едва не улыбнулась: в старых, черно-белых вестернах такие шляпы носили хорошие парни. Она догадалась, что «стетсон» этот наверняка стоит недешево, и сделала логичный вывод: пожилой мужчина – Уэйн Оуверхолсер. «Крупный фермер», как назвал его Роланд. Которого, по словам Каллагэна, следовало убеждать.

«Но это не наша забота», – с облегчением подумала Сюзанна. Тонкие сжатые губы, пронизательные глаза, а главное – эти глубокие морщины (еще одна вертикально рассекала лоб, аккуратно над глазами) говорили за то, что убедить в чем-либо сэя Оуверхолсера – задача не из простых, попотеть придется.

За двумя мужчинами, точнее, за более молодым, шла высокая симпатичная женщина, скорее всего не негритянка, но практически такая же темнокожая, как и Сюзанна. А замыкали группу серьезного вида мужчина в очках и фермерской одежде и похожий на него мальчик, возможно, на два или три года старше Джейка. Одного взгляда хватало, чтобы понять, что это отец и сын: Слайтман-старший и Слайтман-младший.

«Мальчик годами, возможно, и старше Джейка, – подумала Сюзанна, – но по виду он какой-то мягкотелый». С другой стороны, в этом, возможно, и не было ничего странного.

Просто Джейку, в его юном возрасте, много чего пришлось повидать. Да и сделать тоже.

Оуверхолсер глянул на их оружие (большие револьверы с рукоятками из сандалового дерева Роланда и Эдди, «ругер» Джейка), потом на Роланда. Изобразил приветствие: пальцы, наполовину сжавшиеся в кулак, до лба не добрались, кланяться не стал. Если Роланда это и покорило, виду он не показал. Собственно, никаких эмоций вообще не просматривалось на его лице, за исключением легкого любопытства.

– Хайл, стрелок, – приветствовал Роланда мужчина, шагавший рядом с Оуверхолсером, и упал на одно колено, уткнувшись лбом в кулак. – Я – Тиан Джеффордс, сын Люка. Эта женщина – моя жена, Залия.

– Хайл, – ответил Роланд. – И зови меня Роланд, если тебя это не затруднит. Пусть будут долгими твои дни на этой земле, сэй Джеффордс.

– Тиан. Пожалуйста. И пусть у тебя и твоих друзей...

– Я – Оуверхолсер, – перебил его мужчина в белом «стетсоне». – Мы пришли, чтобы встретить тебя, тебя и твоих друзей, по требованию Каллагэна и молодого Джеффордса. Я бы предпочел побыстрее покончить с формальностями и сразу перейти к делу, только не обижайся, прошу тебя.

– Извини, но все было не совсем так, – вновь заговорил Джеффордс. – Было собрание, и мужчины Кальи проголосовали...

Оуверхолсер вновь оборвал его. «Такой уж он человек, –

подумала Сюзанна. – Возможно, даже не отдает себе в этом отчета».

– Ага, мужчины проголосовали. Мужчины Кальи. Я готов выполнить все пожелания моего города и моих соседей, но время сейчас жаркое, особенно для меня, вот...

– Жизнь – урожаю, – спокойно ответил Роланд. Сюзанна поняла скрытый смысл этих слов, отчего по спине ее побежал холодок, а вот Оуверхолсер просиял. И у нее появилась надежда на то, что день этот закончится очень даже хорошо.

– Приходи жатва, мы говорим спасибо, сэй. – Стоявший чуть сбоку Каллагэн смотрел на лес. За спиной Оуверхолсера Тиан Джеффордс и Залия переглянулись. Слайтманы ждали и наблюдали. – Это ты, я вижу, понимаешь.

– В Гилеаде нас окружали фермы и поля. Так что мне случалось и косить траву, и молотить зерно. А также собирать корнеплоды.

Оуверхолсер ответил улыбкой, которая показалась Сюзанне оскорбительной. Она как бы говорила: «Мы же оба знаем, что это выдумка, не правда ли, сэй? В конце концов мы оба много чего повидали на своем веку».

– Откуда ты в действительности родом, сэй Роланд?

– Мой друг, тебе нужно проверить слух, – ответил ему Эдди.

Оуверхолсер в недоумении посмотрел на него.

– Что ты сказал?

Эдди скорчил гримасу, как бы обращаясь к остальным:

«Сами видите, о чем я толкую», – и кивнул.

– Именно об этом я и говорил.

– Помолчи, Эдди, – все тем же ровным и спокойным голо-сом одернул его Роланд. – Сэй Оуверхолсер, мы все-таки по-тратим несколько минут, чтобы обменяться именами и по-приветствовать друг друга. Так ведут себя цивилизованные, вежливые люди, не правда ли? – Роланд выдержал значимую паузу. – Торопыги, возможно, устроены иначе, но ведь здесь торопыг нет.

Губы Оуверхолсера сжались еще сильнее, он вперился взглядом в Роланда, готовый парировать возможное оскорб-ление. Но на лице стрелка читалось исключительно спокой-ствие, и он чуть расслабился.

– Спасибо, сэй. Это Тиан и Залия Джеффордс, как ты уже слышал...

Залия сделала реверанс, расправив невидимые юбки по обе стороны штанов из грубой парусины.

– ...А Это Бен Слайтман-старший и Бенни-младший.

Отец прижал кулак ко лбу и кивнул. Сын, на лице которо-го читался благоговейный трепет (Сюзанна предположила, что вызывало этот трепет прежде всего оружие), поклонил-ся, выставив перед собой правую ногу и уперевшись каблу-ком в землю.

– Старика ты знаешь, – закончил Оуверхолсер с тем лег-ким пренебрежением, которое, относись оно к нему, сам вос-принял бы как серьезное оскорбление. Сюзанна предполо-

жила, что, будучи крупным фермером, Оуверхолстер привык везде вести себя как хозяин. И ей оставалось только гадать, насколько хватит у Роланда терпения. На некоторых людей давить не следовало. Какое-то время они не реагировали, зато потом...

– А это мои спутники, – заговорил Роланд. – Эдди Дин и Джейк Чемберз из Нью-Йорка. И Сюзанна, – на нее он указал рукой, не удостоив взгляда. Выражение лица Оуверхолстера чуть изменилось. «Все понятно», – прочитала на нем Сюзанна. Детта Уокер быстро умела стирать такое вот выражение с мужских лиц, но Сюзанна полагала, что дискутировать с Оуверхолсером о равноправии женщин по меньшей мере бессмысленно.

Вот почему она смиренно улыбнулась ему и остальным и расправила свои невидимые юбки в реверансе. Она надеялась, что ее реверанс по грациозности не уступает реверансу Залии Джеффордс, хотя понимала, что без стоп и части голеней делать реверанс куда труднее. Гости, конечно, заметили, что ног у нее нет, но их чувства на этот счет Сюзанну не интересовали. Зато хотелось бы знать, что они подумали о кресле-каталке, добытой Эдди для нее в Топике, последней остановке Блейна Моно. Само собой, эти люди никогда не видели ничего подобного.

«Каллагэн, возможно, видел, – подумала она. – Потому что Каллагэн с нашей стороны. Он...»

– Это ушастик-путаник? – спросил мальчик.

– Ш-ш-ш, ты что. – Слайтман, похоже, пришел в ужас, услышав голос сына.

– Ничего страшного, – ответил Джейк. – Да, это ушастик-путаник. Ыш, подойди к нему, – и указал на Бена-младшего. Ыш обошел костер и, подойдя к мальчику, поднял на него большие, с золотыми ободками глаза.

– Никогда не видел ручного путаника, – признался Тиан. – Слышал, конечно, о них, но мир сдвинулся.

– Возможно, сдвинулся не весь. – Роланд смотрел на Оуверхолсера. – Возможно, что-то от старого мира и осталось.

– Можно мне погладить его? – спросил мальчик Джейка. – Он не кусается?

– Можешь погладить, он не кусается.

Когда Слайтман-младший опустил на корточки перед Ышем, Сюзанне оставалось только надеяться, что Джейк хорошо знает своего зверька. Если б ушастик-путаник отхватил Бенни полноса, переговоры определенно бы не заладились.

Но Ыш позволял себя гладить и даже вытянул длинную шею, чтобы обнюхать лицо Слайтмана. Мальчик рассмеялся.

– Как, ты говоришь, его зовут?

С ответом ушастик-путаник опередил Джейка: «Ыш».

Все рассмеялись. И напряжение сразу спало, возникла некая общность людей, путешествующих по дороге, идущей вдоль Тропы Луча. Связь эта была очень хрупкой, но да-

же Оуверхолсер ее почувствовал. А смеясь, он превращался в человека, с которым, похоже, можно было найти общий язык. Да, испуганным, да, напыщенным, но при этом все-таки вменяемым.

И Сюзанна не знала, радоваться этому или бояться.

4

– Я бы хотел перемолвиться с тобой парой слов, если ты не возражаешь, – сказал Оуверхолсер.

Мальчишки отошли на несколько шагов, Ыш – между ними. Слайтман-младший спрашивал Джейка, умеет ли ушастик-путаник считать. Он слышал, что некоторые из них умеют.

– Может, не стоит, Уэйн, – тут же вырвалось у Джеффордса. – Мы же договорились: вернемся в наш лагерь, преломим хлеб и объясним этим людям свои нужды. А потом, если они согласятся...

– Я не возражаю против того, чтобы поговорить с сэем Оуверхолсером, – прервал его Роланд, – и у тебя, сэй Джеффордс, думаю, тоже не должно быть возражений. Ибо не он ли здесь старший? – и, прежде чем Тиан успел оспорить его слова, добавил: – Сюзанна, угости наших гостей чаем. Эдди, присоединись к нам, если тебя это не затруднит.

Сюзанне, само собой, не оставалось ничего другого, как молча восхищаться дипломатическими способностями Ро-

ланда.

– У нас приготовлена для вас еда, – застенчиво молвила Залия. – Еда, грэф и кофе.

– Мы поедем с удовольствием и с радостью выпьем кофе, – ответил ей Роланд. – Но сначала выпейте чаю, прошу вас. Наш разговор займет минуту или две, не так ли, сэй?

Оуверхолсер кивнул. Сковывающая его неловкость исчезла. Похоже, он полностью вернул себе контроль над телом, движения стали уверенными и плавными. Чуть дальше по дороге (примерно в том месте, где женщина, которую звали Миа, прошлой ночью ушла в лес) мальчики смеялись, видимо, Ыш сделал что-то умное: Бенни – восторженно, Джейк – с гордостью.

Роланд взял Оуверхолсера за руку и повел по дороге в другую сторону. Эдди неспешно последовал за ними. Джеффордс, нахмурившись, уже собрался присоединиться к ним, но Сюзанна коснулась его плеча.

– Не надо, – прошептала она. – Он знает, что делает.

Джеффордс с сомнением посмотрел на нее, но остался рядом.

– Может, я разожгу для тебя костер, сэй. – Слайтман-старший с сочувствием посмотрел на ее лишенные ступней ноги. – Угольки еще тлеют, так что я это сделаю.

– Будь любезен, – ответила Сюзанна, думая: как же удивительна ее новая жизнь. Удивительна и странна. Потенциально смертельно опасная, но она научилась наслаждаться ее

прелестями. Так вероятность наступления темноты заставляет по-особому ценить яркость дня.

5

Шагах в тридцати трое мужчин остановились. Говорил в основном Оуверхолсер, иногда энергично жестикулируя, чтобы добавить весомости своим словам. Говорил он так, словно имел дело с вооруженным бродягой, случайно проезжающим этой дорогой с несколькими приятелями. Он объяснил Роланду, что Тиан Джеффордс – дурак (хотя и хотел, чтобы все было как лучше), который не понимает жизни. Сказал, что Джеффордса надо остановить, привести в чувство, не только ради его благополучия, но ради благополучия всей Кальи. Он убеждал Роланда, что, если что-то действительно можно сделать, он, Уэйн Оуверхолсер, сын Алана, будет в первых рядах тех, кто за это возьмется. Никогда в жизни он не уходил от ответственности за судьбу города, но выступить против Волков – это безумие. Именно к такому безумию, тут он понизил голос, призывал и Старик. В своей церкви он мог делать все, что ему заблагорассудится. Без толики безумия в его ритуалах просто не обойтись. Но реальная жизнь – это же не церковные ритуалы. Далекое не церковные ритуалы.

Роланд слушал внимательно, изредка кивая. Практически не произнес ни слова. Выговорившись, Оуверхолсер, самый

крупный фермер Кальи Брин Стерджис, замолчал и теперь как зачарованный смотрел на стоявшего перед ним стрелка. Просто не мог оторвать взгляда от этих выцветших синих глаз.

– Ты тот, кем себя назвал? – задал он еще один вопрос. – Скажи мне правду, сэй.

– Я – Роланд из Гилеада, – ответил стрелок.

– Потомок Эльда? Ты это мне говоришь?

– По праву и по крови, – ответил Роланд.

– Но Гилеад... – Оуверхолсер запнулся. – Но Гилеада давно нет.

– Зато я есть, – ответил Роланд.

– Ты убьешь нас всех или станешь причиной нашей смерти? Скажи мне, прошу тебя.

– А как думаешь ты, сэй Оуверхолсер? Я спрашиваю, как думаешь ты в эту самую минуту, а не о том, что ты будешь думать через день, неделю, месяц?

Оуверхолсер долго стоял, переводя взгляд с Роланда на Эдди и обратно. Он относился к людям, не привыкшим менять своего мнения. А если такое происходило, то причиняло сильную боль. С дороги донесся смех мальчиков: Ёш принес палку, которую бросил Бенни, размером чуть поменьше самого ушастика-путаника.

– Я тебя выслушаю, – изрек Оуверхолсер. – Я на это пойду, да помогут мне боги, и говорю, спасибо тебе.

– Другими словами, он обстоятельно объяснил, почему

считает эту затею дурацкой, – потом рассказывал Эдди Сюзанне, – а в итоге сделал именно то, что хотел от него Роланд. Прямо-таки магия.

– Иногда мне кажется, что Роланд и есть маг, – ответила ему Сюзанна.

6

Жители Кальи разбили лагерь на полянке, которая занимала чуть ли не всю вершину холма к югу от дороги, практически на Тропе Луча, поэтому казалось, что застывшие над Тропой облака находятся на расстоянии вытянутой руки. К лагерю вели большие зарубки на деревьях, Сюзанна заметила, что некоторые размером не уступали ее ладони. Эти люди, конечно, знали толк в земледелии и разведении скота, но в лесу явно чувствовали себя не в своей тарелке.

– Могу я немного покатить этот стул, молодой человек? – спросил Оуверхолсер Эдди, когда начался последний подъем. Но до ноздрей Сюзанны уже долетел запах жареного мяса, и она задалась вопросом, кто же занимается готовкой, если вся группа Каллагэна – Оуверхолсера отправилась на встречу с ними. Впрочем, женщина упоминала какого-то Энди. Слуга? Вполне возможно. К примеру, личный слуга Оуверхолсера. Почему нет? Человек, который мог позволить себе такой роскошный «стетсон», вполне мог иметь личного слугу.

– Пожалуйста, – ответил Эдди. Но не решился добавить: «Прошу тебя». («Прозвучало бы фальшиво», – подумала Сюзанна.) Отступил в сторону, давая возможность Оуверхолсеру взяться за рукоятки кресла-каталки. Фермер не мог пожаловаться ни на рост, ни на силу, и, пусть склон был достаточно крутым, а Сюзанна весила сто тридцать фунтов, дыхание его не участилось.

– Могу я задать тебе вопрос, сэй Оуверхолсер? – спросил Эдди.

– Разумеется, – ответил тот.

– Какое твое второе имя?

Кресло на мгновение остановилось: Сюзанна отнесла сие за счет изумления.

– Странный, однако, вопрос, молодой человек. Почему ты спрашиваешь?

– Ну, это мое хобби, – ответил Эдди. – По вторым именам я предсказываю судьбу.

«Осторожнее, Эдди, осторожнее», – подумала Сюзанна, но и ей не терпелось услышать ответ.

– Правда?

– Да. Если говорить о тебе, я готов поспорить, что твое второе имя начинается... – он сделал вид, будто что-то рассчитывает, – ...с буквы Д, – только произнес он это как «дех», на манер букв из Высокого Слога. – И, полагаю, оно у тебя короткое. Из пяти букв. Может, даже из четырех.

Вновь коляска на мгновение застыла.

– Дьявол будет доволен! – воскликнул Оуверхолсер. – Как ты узнал? Скажи мне.

Эдди пожал плечами.

– Тут все построено на расчетах и догадках. По правде говоря, я ошибаюсь столь же часто, как и попадаю в точку.

– Чаще, – вставила Сюзанна.

– Скажу тебе, что мое второе имя Дейл, – ответил Оуверхолсер, – и если кто-то и объяснял мне почему, моя память объяснений этих не сохранила. Родителей я потерял совсем молодым.

– Мы скорбим о твоей потере, – откликнулась Сюзанна, радуясь тому, что Эдди отходит от них. Должно быть, чтобы сказать Джейку, что насчет среднего имени она не ошиблась. Уэйн Дейл Оуверхолсер. Девятнадцать букв.

– Этот молодой человек очень умный или совсем дурак? – спросил Оуверхолсер Сюзанну. – Ответь мне, прошу тебя, ибо сам я понять не могу.

– Есть в нем и первое, и второе.

– Насчет этого стула на колесах такого не скажешь, ты согласна? Его сделали очень умные люди. Он сложный, как компас.

– Я говорю, спасибо тебе, – ответила она и внутренне облегченно вздохнула. Слова сами, легко и непринужденно, слетели с губ, возможно, потому, что она не готовилась их произнести.

– Где вы его взяли?

– Далеко отсюда, в той стороне, откуда мы пришли. – Такой поворот разговора ей не нравился. Она полагала, что об их прошлом рассказывать должен Роланд. Он был их старшим. А кроме того, когда говорит один, не возникает никаких противоречий, которые потом приходится объяснять. Однако она сочла возможным кое-что добавить: – Там есть червоточина. Мы пришли с другой ее стороны, где жизнь совсем не такая, как здесь. – Она повернула голову, чтобы посмотреть на него. Щеки и шея покраснели от напряжения, но в целом, подумала она, получается у него очень даже неплохо, учитывая, что ему далеко за пятьдесят. – Ты знаешь, о чем я говорю?

– Ага, – кивнул он и сплюнул через левое плечо. – Не то чтобы я видел или слышал ее сам, ты понимаешь. Я никогда не уходил так далеко: слишком много дел на ферме. Жители Кальи, как правило, в лесу чувствуют себя неуютно, видишь ли.

«О да, это я вижу», – подумала Сюзанна, заметив зарубку величиной с обеденную тарелку. И решила, что этому дереву очень повезет, если оно сможет пережить грядущую зиму.

– Энди много рассказывал о червоточине. Он говорит, она издает какой-то звук, только его трудно описать.

– Кто такой Энди?

– Скоро ты увидишь его сама. Ты из того же Йорка, что и твои друзья?

– Да, – ответила она, вновь насторожившись. Он повел ко-

ляску вокруг толстеного железного дерева. Ближе к вершине деревья стояли все реже, тогда как запах пищи усилился. Мясо... и кофе. В желудке у нее заурчало.

– И они – не стрелки. – Оуверхолсер посмотрел на Эдди и Джейка. – Ты, конечно же, не будешь это утверждать.

– Тебе придется решать это самому, когда придет время, – ответила Сюзанна.

Какое-то время он молчал. Кресло перекаатилось через скальный выступ. Впереди Ёш трусил между Джейком и Бенни Слайтманом, которые быстро, как водится у мальчишек, подружились. Сюзанна задалась вопросом, а хорошо ли это. Потому что очень уж они были разные. И время могло показать, сколь велико это различие, к их обоюдному огорчению.

– Он меня испугал, – говорил Оуверхолсер едва слышно. Словно сам с собой. – Особенно, думаю, его глаза. В большей степени его глаза.

– Так ты будешь стоять на прежних позициях? – спросила Сюзанна. Бесстрастным голосом, как бы между прочим, хотя ответ на этот вопрос имел немаловажное значение. Ее удивила его яростная реакция.

– Ты сошла с ума, женщина? Разумеется, нет, если увижу выход из той ямы, в которую мы свалились. Слушай меня внимательно. Этот мальчик... – он указал на Тиана, шагающего впереди рядом с женой, – ...этот мальчик обвинил меня в трусости. Постарался, чтобы все узнали о том, что у ме-

ня нет детей в том возрасте, который интересует Волков, да. А вот у него есть, знаешь ли. Но неужели ты думаешь, что я – дурак, который не умеет считать?

– Только не я, – спокойно ответила Сюзанна.

– А он? Мне кажется, он именно так и думает. – Слушая Оуверхолсера, Сюзанна понимала, что в его голове идет сейчас нешуточная борьба между страхом и гордостью. – Разве я хочу отдать наших детей Волкам? Детей, которые вернутся рунтами и станут обузой городу? Нет! Но я также не хочу, чтобы какая-нибудь горячая голова ввергла нас в историю, из которой не будет выхода.

Сюзанна обернулась и увидела удивительное. Этот человек хотел сказать «да». Искал причину, чтобы сказать «да». Роланд добился в нем такой перемены, по существу не произнеся и слова. Всего лишь... ну, всего лишь пристально посмотрев в его глаза.

Уголком глаза она уловила какое-то движение. «Господи Иисусе!» – воскликнул Эдди. Рука Сюзанны метнулась к тому месту, где сейчас не было револьвера. Она посмотрела вперед. С вершины холма им навстречу направлялся металлический человек ростом никак не меньше семи футов.

Рука Джейка уже лежала на рукоятке «ругера», торчащей из самодельной кобуры.

– Спокойно, Джейк, – подал голос Роланд.

Металлический человек, поблескивая синими глазами, остановился перед ними. Застыл секунд на десять. Этого

времени вполне хватило, чтобы Сюзанна прочитала надпись на табличке, прикрепленной к груди робота. «Северный центр позитроники, – подумала она. – Возвращение на сцену. Не говоря уже о компании ЛаМерка».

Тем временем робот поднял серебристую руку, прижал серебристый кулак ко лбу из нержавеющей стали.

– Хайл, стрелок, пришедший издалека. Долгих тебе дней и приятных ночей.

Роланд поднес пальцы к своему лбу.

– И тебе их в два раза больше, Энди-сэй.

– Спасибо тебе. – В корпусе робота что-то защелкало. Потом он наклонился вперед, синие глаза ярко вспыхнули. Сюзанна увидела, как рука Эдди поползла к сандаловой рукоятке древнего револьвера. Роланд, однако, и бровью не повел.

– Я приготовил вкусную еду, стрелок. Много хороших блюд благодаря доброму урожаю, да.

– Я говорю спасибо тебе, Энди.

– Пусть моя еда порадует тебя, стрелок. – Из чрева робота вновь донеслись щелчки. – А пока не хотел бы ты услышать свой гороскоп?

Глава 6

1

Примерно в два часа пополудни все десять человек принялись за, как назвал его Роланд, ранчерский обед. «С утра ты ждешь его с нетерпением, – потом сказал он своим друзьям. – Вечером вспоминаешь с ностальгией».

Эдди полагал, что он шутил, но полной уверенности у него не было. Очень уж своеобразным юмором отличался стрелок.

Не мог Эдди назвать эту трапезу лучшей в своей жизни, потому что первое место уверенно держал банкет, устроенный им стариками в Речном Перекрестке, но после трех недель лесного похода с диетой из «буррито по-стрелецки», которую изредка, раза два в неделю, разнообразило мясо зайца, это был истинный праздник желудка. Энди приготовил бифштексы с кровью и грибной соус, потушил фасоль, испек лепешки, поджарил кукурузные початки. Эдди попробовал один и решил, что вкусно. Компанию им составляла шинкованная капуста, приготовленная, как не замедлил похвастаться Тиан Джеффордс, его женой, и отменный клубничный пудинг. И, разумеется, кофе. По прикидкам Эдди, они вчетвером выпили как минимум галлон. Даже Ыш по-

лучил свою долю. Джейк поставил на землю блюдечко с черным крепким напитком. Ыш понюхал, сказал: «Кофф!» – и быстро все вылакал.

За обедом серьезных разговоров не велось («Еда и дела несовместимы» – гласил один из постулатов Роланда), однако Эдди узнал много интересного от Джеффордса и его жены, в основном о том, как жили в краю, называемом ими Пограничем. Эдди надеялся, что Сюзанна (она сидела рядом с Оуверхолсером) и Джейк (сидел рядом с мальчиком, которого Эдди уже окрестил Бенни-Малыш) тоже не зря тратят время и вместе им удастся получить достаточно полную картину. Эдди ожидал, что Роланд сядет рядом с Каллагэном, но Каллагэн не пожелал ни с кем садиться. Взял тарелку, отошел чуть в сторону, сел, перекрестился и принялся за еду. Эдди отметил, что в тарелке ее не так уж и много. Злился на Оуверхолсера, который перетащил одеяло на себя, или предпочитал одиночество? Точно Эдди сказать не мог, очень уж мало они общались, но если бы кто-то приставил пистолет к его виску, выбрал второй вариант.

А больше всего изумила Эдди цивилизованность этой части мира. Лад, с его воюющими седыми и младами, на этом фоне выглядел людоедскими островами из детских историй про далекие моря. У этих людей были дороги, законы, система управления, напомнившая Эдди городские советы Новой Англии. Был городской Зал собраний и перышко, как понял Эдди, некий символ власти. Если кто-то хотел созвать людей

на собрание, он посылал перышко по домам. Если его касалось достаточное количество людей, собрание проводилось. Если нет – не проводилось. С перышком ходили два человека, и проводимый ими подсчет голосов не ставился под сомнение. Эдди сомневался, что такая схема могла сработать в Нью-Йорке, но для этого мира подходила идеально.

В Пограничье, тянущемся дугой на север и на юг от Кальи Брин Стерджис, расположились еще как минимум семьдесят городков, название которых начиналось со слова Калья. С юга к ним примыкал город Калья Брин Локвуд, с севера – Калья Амिति. В обоих городках также жили фермеры и ранчеры. И они подвергались периодическим набегам Волков. Далее к югу находились Калья Брин Боус и Калья Стаффел, где преобладали ранчо. Джеффордс говорил, что тамошние жители также становились жертвами Волков... во всяком случае, он так думал. На севере, в Калья Сен Пиндер и Калья Сен Че, жили в основном фермеры и овцеводы.

– Там фермы большие, – говорил Тиан, – но чем дальше на север, тем меньше они становятся, понимаете, пока не начинаются земли, где падает снег, так мне говорили. Сам я его никогда не видел. И там делают прекрасный сыр.

– Те, кто живет на севере, носят обувь из шерсти, так, во всяком случае, говорят. – Однако в голосе Залии, когда она рассказывала об этом Эдди, слышалось сомнение. Сама она носила кожаные полусапожки.

Жители городков путешествовали мало, но дороги для та-

ких путешествий имелись, торговля велась бойко. Достопримечательностью Пограничья считалась Уайе, которую иногда называли Большой Рекой. Она протекала к югу от Кальи Брин Стерджис и несла свои воды в Южное море, так, во всяком случае, говорили. Были горнодобывающие, шахтерские Кальи и промышленные (где вещи изготавливались с помощью паровых прессов и даже, да, электричества) и даже Калья, куда приезжали, чтобы отдохнуть. Гостям предлагались азартные игры, самые разнообразные развлечения и...

Тут Тиан, который все это рассказывал, почувствовал на себе взгляд Залии и пошел к котлу за добавкой тушеной фасоли.

– Итак, – Эдди нарисовал в пыли полукруг, – это Пограничье. Кальи. Дуга, которая уходит на север и на юг... как далеко, Залия?

– Это мужское дело, знаешь ли, – ответила она. Потом, заметив, что ее муж все еще инспектирует котлы у костра, чуть наклонилась к Эдди. – Ты привык считать в милях или колесах?

– Мне без разницы, но предпочтительнее в милях.

Она кивнула.

– Может, две тысячи миль сюда... – она указала на север, – ...и в два раза больше сюда, – она указала на юг, потом вновь сложила руки на коленях – женщина, знающая свое место.

– А эти города... эти Кальи... они растянулись по всей дуге?

– Так нам говорят, если хочешь знать, и торговцы действительно приходят и уходят. К северо-западу от нас Большая Река делится на две. Восточный рукав мы называем Девар-Тете Уайе, ты можешь сказать, Маленькая Уайе. Конечно, по реке к нам больше приплывают с севера, потому что течет она с севера на юг, как видишь.

– Вижу. А что на востоке?

Она опустила глаза.

– Тандерклеп, – произнесла едва слышно. – Туда никто не ходит.

– Почему?

– Там темно. – Она не отрывала взгляда от коленей. Потом подняла руку. Указала в ту сторону, откуда пришли Роланд и его друзья. В сторону Срединного мира. – Там мир гибнет. Так нам говорили. Там... – она указала на восток и вот тут посмотрела Эдди в глаза, – там, в Тандерклепе, он уже погиб. А посередине мы, которые хотим только одного: спокойной, мирной жизни.

– И ты думаешь, такое возможно?

– Нет, – ответила она, и по щекам покатались слезы.

2

Вскоре после этого Эдди извинился и отправился в лес, справить большую нужду. Облегчившись, поднялся с корточек и потянулся за листьями, чтобы потереться, и тут за

спиной раздался голос:

– Не эти, сэй, будь так любезен. Это ядовитая ворсянка. Подотрись ими, и кожа покроется волдырями.

Эдди подпрыгнул, развернулся, одной рукой подтянул джинсы, второй схватился на ремень с револьвером, который повесил на ветку ближайшего дерева. Потом увидел, кто говорит, точнее, что, и чуть расслабился.

– Энди, это не кошерно, подкрадываться сзади, когда человек срет. – Он указал на низкий куст с широкими листьями. – А чем все обернется, если я подотрусь этими?

Ему ответило пощелкивание.

– Что с тобой? – спросил Эдди. – Я сделал что-то не так?

– Нет, – ответил Энди, – я просто обрабатываю информацию. Кошерно: неизвестное слово. Подкрадываться: я не подкрадывался, просто подошел. Срать: сленговое выражение для физиологической функции, посредством которой из организма выводятся...

– Да, да, – прервал его Эдди. – Именно этой функции. Но послушай, Энди, если ты не подкрадывался ко мне, как вышло, что я тебя не слышал? Тут же кусты, на земле валяются сухие ветки. Люди, знаешь ли, по кустам бесшумно ходить не могут.

– Я – не человек, – ответил Энди. И, как показалось Эдди, в голосе слышалось самодовольство.

– Но ты же очень большой. Как тебе удастся ходить так тихо?

– Программа, – ответил Энди. – Эти листья подойдут, можешь не волноваться.

Эдди закатил глаза, потом сорвал несколько листьев.

– О да. Программа. Конечно. Как же я сам не догадался. Спасибо, сэй. Долгих тебе дней, поцелуй меня в задницу и отправляйся на небеса.

– Небеса, – повторил Энди. – Место, куда человек попадает после смерти. Вариант рая. Согласно Старику, те, кто попадает на небеса, сидят справа от Бога Отца, во веки веков.

– Да? А кто же сидит по левую руку? Продавцы «Тапперуэров»²⁶?

– Сэй, я не знаю. Тапперуэр – неизвестное мне слово. Хочешь услышать свой гороскоп?

– Почему нет? – Эдди пошел к лагерю, откуда доносился смех мальчиков и лай ушастика-путаника. Энди высился над ним, сверкая даже под облачным небом, но не издавая ни звука. Нагоняя жуть.

– День твоего рождения, сэй?

Эдди подумал, что знает, как ответить на этот вопрос.

– Я родился под знаком Козерога, – тут он вспомнил что-то еще. – Бородатого козерога.

– Зимний снег полон врагов, зимний ребенок сильный и дикий. – Да, в голосе Энди определенно слышалось самодо-

²⁶ «Тапперуэры» – разнообразные контейнеры для хранения пищевых продуктов. Названы по имени изобретателя и основателя фирмы-производителя Эрла Тапперуэра.

ВОЛЬСТВО.

– Сильный и дикий, это точно я, – кивнул Эдди. – Больше месяца не принимал ванну, так что, можешь поверить, я сильный и дикий, аки зверь лесной. Что еще тебе нужно, Энди, старина? Хочешь взглянуть на мою ладонь?

– В этом нет необходимости, сэй Эдди, – радостно возвестил Энди, и Эдди подумал: «Это я, где бы ни появился, везде вызываю радость. Даже роботы меня любят. Это моя ка». – Сейчас Полная Земля, и мы все говорим спасибо. Луна красная, а такая луна в Срединном мире звалась Охотничьей, именно так. Ты будешь путешествовать, сэй Эдди! Тебя ждут дальние путешествия! Тебя и твоих друзей! А в эту самую ночь ты вернешься в Нью-Йорк. Ты встретишь черную женщину. Ты...

– Я хочу побольше услышать об этом путешествии в Нью-Йорк. – Эдди остановился в непосредственной близости от лагеря. Видел между деревьями, как по нему ходят люди. – Без всяких шуток, Энди.

– Ты отправишься туда посредством Прыжка, Эдди! Ты и твои друзья. Вы должны быть осторожны. Услышав камень, мелодию, выбиваемую колоколами, вы должны сосредоточиться друг на друге. Чтобы не потеряться.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил Эдди.

– Программа, – ответил Энди. – Гороскоп готов, сэй. Бесплатно. – И вот тут робот совсем уж поразил Эдди. – Сэй Каллагэн, Старик, ты знаешь, говорит, что у меня нет лицен-

зии предсказателя, поэтому я не должен брать плату.

– Сэй Каллагэн глаголет истину, – кивнул Эдди, а когда робот уже собрался двинуться к лагерю, остановил его. – Задержись еще на минуту, Энди. Задержись, прошу тебя.

Энди с готовностью остановился, повернулся к Эдди, его синие глаза поблескивали. Эдди хотелось задать тысячу вопросов о Прыжке, но еще больше его интересовало другое.

– Тебе известно об этих Волках?

– О да. Я сказал сэю Тиану. Он очень огорчился. – Вновь Эдди уловил в голосе Эдди что-то похожее на самодовольство... правильно ли он определился с причиной этого самодовольства? Робот... даже робот, который сумел пережить остальных, не мог наслаждаться бедами людей? Или мог?

«Не так уж много потребовалось тебе времени, чтобы забыть Моно, не так ли, сладенький? – услышал он в своей голове голос Сюзанны. И тут же раздался голос Джейка: «Блейн – заноза в заднице». А потом собственный: «Если ты отнесешься к этому железному парню как к автомату, предсказывающему судьбу в парке развлечений, тогда Эдди, старина, ты заслуживаешь того, что получишь».

– Расскажи мне о Волках, – попросил Эдди.

– Что ты хочешь знать, сэй Эдди?

– Для начала, откуда они приходят. Назови место, в котором они чувствуют себя как дома, могут поднять лапы вверх и громко попердеть. На кого они работают. Почему забирают детей. Почему дети возвращаются полными дебила-

ми. – И тут в голове мелькнул еще один вопрос. Возможно, наиболее очевидный: – И еще, как ты узнаешь об их приходе?

В чреве Энди защелкало. Щелкало долго, никак не меньше минуты. А когда он заговорил, голос его разительно переменялся. Эдди вдруг вспомнил патрульного Боскони, в участок которого входила Бруклин-авеню. Если во время дежурства Боско просто встречал тебя на улице, когда шагал, помахивая дубинкой, то разговаривал с тобой, как с человеком: привет, Эдди, как чувствует себя мать, что поделывает никчемный братец, ладно, увидимся в тренажерном зале, не кури, хорошего тебе дня. Но если Боско думал, что ты в чем-то проштафился, то превращался в отвратительного типа, знаться с которым не было никакого желания. Этот патрульный Боскони не улыбался, его глаза напоминали кусочки льда в феврале (аккурат под знаком Козерога, по ту сторону червоточины). Боско никогда не бил Эдди, но пару раз, однажды после того как несколько подростков подожгли «Бу Ким маркет», Эдди чувствовал, что этот козел в синей форме может и врезать, если ему не останется ума вести себя тихо. Разумеется, о классическом случае раздвоения личности (Детта-Одетта) речь не шла, но патрульный Боско все-таки существовал в двух ипостасях. В одной был хорошим парнем, во второй – копом.

И вот когда Энди заговорил, голосом он более не напоминал добродушного, но довольно-таки глуповатого дядюшку,

который верит всему, о чем пишут в таблоидах, – и в существование мальчика-аллигатора, и в то, что Элвис Пресли припеваючи живет в Буэнос-Айресе.

Другими словами, заговорил он как настоящий робот:

– Какой твой пароль, сэй Эдди?

– Что?

– Пароль. У тебя десять секунд. Девять... восемь... семь...

Эдди подумал о шпионских фильмах, которые он видел. «Так я должен сказать тебе что-то вроде: «В Каире цветут розы», – чтобы ты ответил: «Только в саду миссис Уилсон», – и тогда я скажу...

– Пароль неправильный, сэй Эдди... два... один... ноль. – Из Энди исторгся какой-то низкий глухой звук, совершенно не понравившийся Эдди. Слово лезвие большого острого мясницкого топора прошло сквозь мясо и врезалось в дерево колоды. И вот тут он впервые подумал о Древних людях, создавших Энди (или, может, это были люди, которые жили до Древних, и их следовало называть Действительно древние люди... кто знал?). Людях, встречаться с которыми Эдди совершенно не хотелось, если именно с их потомками ему пришлось пообщаться в Ладе.

– Ты можешь попробовать еще раз, – продолжал холодный голос. Лишь отдаленно напоминающий тот, что спрашивал у Эдди, не хочет ли Эдди услышать свой гороскоп... да, да, лишь отдаленно напоминающий. – Воспользуешься второй

попыткой, Эдди из Нью-Йорка?

Эдди думал быстро.

– Нет, в этом нет необходимости. Информация секретная?

Вновь щелчки.

– Секретная: закрытая, доступная на определенных условиях, хранящаяся на q-диске, получить ее могут только те, кто имеет на это право. Указанное право подтверждается паролем. – Вновь пауза. – Да, Эдди. Информация секретная.

– Почему?

Он не ожидал ответа, однако получил:

– Согласно директиве номер девятнадцать.

Эдди хлопнул робота по стальному боку.

– Приятель, ты меня совершенно не удивил. Я так и думал. Директива номер девятнадцать!

– Хочешь услышать свой гороскоп, Эдди-сэй?

– Пожалуй, в другой раз.

– Как насчет песни, которая называется «Прошлой ночью я пила сок Джимми?». Там очень забавные куплеты. – В чреве Энди заиграла губная гармошка.

Эдди, которому определенно не хотелось слышать забавные куплеты, ускорил шаг.

– Как насчет того, чтобы послушать ее позже? – предложил он. – Сейчас я бы предпочел чашечку кофе.

– С удовольствием налью ее тебе, сэй, – ответил Энди. Но голос звучал отстраненно. Как у Боско, когда ты говорил ему, что этим летом у тебя не будет времени на бейсбол.

Роланд сидел на каменном выступе с чашкой кофе. Он выслушал Эдди не перебивая, и выражение его лица изменилось только раз: брови на мгновение приподнялись, когда Эдди упомянул директиву номер 19.

На другой стороне поляны Слайман-младший достал трубочку, выдувающую ну очень прочные мыльные пузыри. Ёш радостно бегал за ними, разорвал парочку зубами, потом начал понимать, чего от него хотел Слайтман: стал сгонять их носом в одно место, строя хрупкую радужную пирамиду. Пузыри эти напомнили Эдди Радугу Мэрлина, Магические кристаллы, эти опасные хрустальные шары. Неужели у Каллагэна есть один из них? Самый могущественный и соответственно самый опасный?

Чуть подальше мальчиков, на самом краю поляны, стоял Энди, сложив серебристые руки на стальной груди. По предположению Эдди, ожидал, когда можно будет убрать грязную посуду и остатки приготовленных и поданных им блюд. Идеальный слуга. Готовит, убирает, предрекает встречу с темнокожей женщиной. Только не следует рассчитывать, что он нарушит директиву 19. Нет пароля – нет информации.

– Подойдите ко мне, друзья, пожалуйста. – Роланд чуть возвысил голос. – Пришло время поговорить. Надолго разговор не затянется, и это хорошо, по крайней мере для нас,

потому что мы сегодня уже наговорились до того, как к нам пришел сэй Каллагэн. Да и вообще от долгих разговоров начинает тошнить, да, начинается.

Они подошли и сели полукругом, как послушные дети, и те, кто пришел из Кальи, и те, кто пришел из далекого далека, чтобы, возможно, уйти еще дальше.

– Прежде всего я хочу услышать, что известно об этих Волках. Эдди сказал мне, что Энди может и не рассказать нам всего того, что ему, возможно, известно.

– Ты говоришь правду, – пробурчал Слайтман-старший. – То ли те, кто сделал его, то ли те, кто пришел позже, заткнули ему рот в том, что касается Волков, хотя он всегда предупреждает нас об их приходе, а обо всем остальном болтает и вовсе без умолку.

Роланд повернулся к самому крупному фермеру Кальи:

– Введи нас в курс дела, сэй Оуверхолсер.

На лице Тиана Джеффордса отразилось разочарование: он рассчитывал, что Роланд обратится к нему. На то же, похоже, надеялась и его жена. Слайтман-старший кивнул, одобряя выбор Роланда как единственно возможный. Оуверхолсер совсем не раздулся от гордости, как предполагал Эдди. Вместо этого он секунд тридцать смотрел на свои скрещенные ноги и короткие сапоги, потирал щеку, собираясь с мыслями. На поляне воцарилась полная тишина. Эдди слышал, как шуршит под ладонью фермера двух– или трехдневная щетина. Наконец он вздохнул, кивнул и вскинул глаза на Ро-

ланда.

– Я говорю спасибо, сэй. Должен признать, ты не такой, кого я ожидал увидеть. Как и твой тет. – Оуверхолсер повернулся к Тиану: – Ты оказался прав, Тиан Джеффордс, вытащив нас сюда. Нам необходима эта встреча, я говорю спасибо тебе.

– Это не я вытащил тебя сюда, – ответил Джеффордс. – Это Старик.

Оуверхолсер кивнул Каллагэну, тот кивнул в ответ, затем изувеченной рукой начертил в воздухе крест, как бы говоря, так, во всяком случае, подумал Эдди, что заслуга принадлежит не ему, а Богу. «Может, и так, – решил он, – но, когда дело дойдет до каштанов, которые придется таскать из огня, ставлю два доллара против одного, проделывать это придется Роланду из Гилеада, а не Богу и Человеку-Иисусу, этим небесным стрелкам».

Роланд ждал, лицо оставалось спокойным и бесстрастным.

Наконец Оуверхолсер начал. И говорил почти пятнадцать минут, медленно, но только по теме. Начал он с близнецов. Жители Кальи понимали, что рождение близнецов скорее исключение, чем правило в других частях мира и в прошлом, но в их местах, на Великой Дуге, исключением являлись дети, рождающиеся по одному, вроде Аарона Джеффордса. Не просто исключением – крайне редким исключением.

И где-то сто двадцать лет тому назад (а может, сто пятьде-

сят, точнее не определишь) Волки начали свои набеги. Они появлялись не при каждом поколении, то есть через двадцать лет, приходили реже, но ненамного.

Эдди хотел было спросить, каким образом Древним людям удалось заткнуть Энди рот в вопросе о Волках, если со времени первого набега не прошло и двух столетий, но потом отказался от этой мысли. Задавать вопрос без надежды получить на него вразумительный ответ – потеря времени, как сказал бы Роланд. Однако это интересно, не так ли? Интересно пофантазировать, когда этот кто-то (или что-то) последний раз программировал Энди-Посыльного (со многими другими функциями).

И зачем.

Детей в возрасте от трех до четырнадцати лет увозили на восток, в Тандерклеп (Эдди заметил, как по ходу рассказа Слайтман-старший обнял сына за плечи). Там они оставались недолго, может, четыре недели, может, шесть. Большинство из них возвращались. По общему мнению, те, кто не возвращался, умирали в этой стране Тьмы: погибали от того бесчеловечного ритуала, который превращал большинство в рунтов.

Возвращались дети полными дебилами. Пятилетние более не умели говорить, что-то мычали, пальцами указывали на то, что хотели взять или получить. Подгузники, которыми уже года два как не пользовались, вновь шли в ход. Дети-рунты ходили под себя до десяти, а то и двенадцати лет.

– Тиа до сих пор писается где-то раз в шесть дней, а раз в месяц обдeldывается, – вставил Тиан Джеффордс.

– Слушайте его, – мрачно согласился Оуверхолсер. – Мой брат, Уэлленд, оставался таким же до самой смерти. И, разумеется, за ними требуется более или менее постоянный присмотр. Коли они добираются до какой-нибудь еды, которая им нравится, едят, пока не лопнут. Кто приглядывает за твоей сестрой, Тиан?

– Моя кузина, – ответила Залия, прежде чем Тиан успел открыть рот. – Теперь могут немного помочь Хеддон и Хедда, они уже достаточно взрослые... – Она замолчала, видать, поняла, о чем говорит. Рот дернулся, больше она не произнесла ни слова. Впрочем, и так все сказала. Да, сейчас помочь могли Хеддон и Хедда. А на следующий год помогать будет только один из близнецов. Тогда как второй...

Ребенок, увезенный десятилетним, возвращался с зачатками речи, но новых слов выучить уже не мог. Хуже всего было самым старшим. Возвращаясь, они смутно помнили, что с ними сделали. Что у них украли. Они часто плакали или неподвижно сидели, уставившись на восток. Словно видели свои мозги, порхающие, как птицы, в темном небе. С полдюжины из них даже покончили с собой (тут Каллагэн перекрестился).

Рунты оставались малыми детьми как по речи, так и по поведению до шестнадцати лет. А потом, в большинстве своем внезапно, начинали расти, быстро превращаясь в моло-

дых гигантов.

– Такое невозможно себе представить, если не увидеть собственными глазами, не пережить этого. – Тиан смотрел в землю. – Невозможно представить себе, какая это боль. Когда у ребенка режутся зубки, вы знаете, как они кричат?

– Да, – ответила Сюзанна.

Тиан кивнул.

– А тут режется все тело, поверьте мне.

– Слушайте его, – продолжил Оуверхолсер. – Шестнадцать или восемнадцать месяцев мой брат спал, ел, кричал и рос. Я до сих пор помню, как он кричал даже во сне. Я вылезал из кровати, подходил к нему и слышал тихий свист, доносящийся из его груди, головы, ног. То был звук растущих в ночи костей, слушайте меня.

Эдди мог понять весь этот ужас. Он слышал и читал немало историй о великанах, но до этого момента никогда не задумывался о том, каково это – вырасти в великана. «А тут режется все тело», – повторил Эдди про себя слова Тиана, и кожа его покрылась мурашками.

– Рост продолжался не дольше полутора лет, но остается только гадать, каким этот срок казался им: возвращаясь, они напрочь теряли чувство времени.

– Вечностью, – ответила Сюзанна, сильно побледнев. – Эти полтора года казались им вечностью.

– Свист по ночам, вызванный ростом их костей. – Оуверхолсер тяжело вздохнул. – Головные боли, вызванные ростом

черепа.

– Один раз Залман кричал не переставая семь дней. – Голос Залии звучал бесстрастно, но Эдди видел ужас в ее глазах; видел его очень хорошо. – Скулы выпирали. Лоб закруглялся и выдавался вперед, а наклонившись к нему, можно было услышать, как трещат расширяющиеся кости черепа. Совсем как ветки дерева под тяжестью снега.

Семь дней он кричал. Семь. Утром, днем, ночью. Кричал и кричал. Из глаз хлестали слезы. Мы молились богам, чтобы он сорвал голос, но нет, не срывал. Если бы у нас была винтовка, я уверена, мы бы пристрелили его, чтобы положить конец этой боли. Мой добрый отец уже собрался перерезать ему горло, когда все закончилось. Кости скелета, правда, какое-то время еще росли... но голова, причинявшая особую боль, перестала, спасибо богам и Человеку-Иисусу тоже.

Она кивнула Каллагэну. Он кивнул в ответ, простер к ней руку, потом опустил. Залия повернулась к Роланду и его друзьям.

– Сейчас у меня пятеро детей. Аарон в безопасности, я говорю спасибо, но Хеддону и Хедде по десять лет, для Волков самый возраст. Лайману и Лиа только по пять, но они берут и пятилетних. Пятилетние...

Она закрыла лицо руками, не в силах продолжить.

После того как рост прекращался, говорил Оуверхолсер, некоторые могли выполнять хоть какую-то, самую элементарную работу. Но в большинстве своем они не могли даже корчевать пни или копать ямы под столбы. Сидели на ступеньках магазина Тука или группами бродили по округе, молодые мужчины и женщины, невероятно высокого роста, мощные и глупые, иногда улыбались друг другу и что-то лопотали, иногда просто тарасились в небо.

Они не спаривались, к счастью для всех. Их умственные и физические способности пусть и очень ограниченные, но различались, а вот в одном все они были одинаковы: после возвращения ни у кого не возникало сексуальных желаний.

– Извините за грубость, но я не верю, чтобы у моего брата Уэлленда что-то вставало, после того как он вернулся из Тандерклепа. Залия? Ты хоть раз видела своего брата с... ты понимаешь...

Залия покачала головой.

– Сколько тебе было лет, когда они приходили, сэй Оуверхолсер? – спросил Роланд.

– Ты спрашиваешь про первый раз? Уэлленду и мне было по девять. – Теперь он заговорил быстрее, словно уже отрепетировал свою речь. Эдди, впрочем, в этом сомневался. В Кальи Брин Стерджис Оуверхолсер представлял собой нема-

люю силу. Крупный фермер, Господи, спаси нас и забей камнями ворон, он приложил значительные усилия, чтобы мысленно вернуться в то время, когда был маленьким, испуганным, незащищенным. – Наши родители пытались спрятать нас в подвале. Так, во всяком случае, мне говорили. Сам я ничего не помню, это точно. Заставил себя все забыть, наверное. Да, скорее всего. Некоторые помнят больше других, Роланд, но итог всегда одинаков: одного из близнецов берут, другого оставляют. Тот, кого забрали, возвращается рунтом, иногда может выполнять какую-то физическую работу, но всегда мертв ниже пояса. Потом... потом, когда им переваливает за тридцать...

Когда рунтам переваливало за тридцать, они начинали резко, катастрофически стареть. Волосы седели и зачастую полностью выпадали. Зрение ухудшалось. Могучие мускулы (как сейчас у Тиа Джеффордс и Залмана Хуника) становились дряблыми и теряли силу. Иногда они умирали легко, прямо во сне. Чаще смерть несла с собой страдания. Появлялись язвы на коже, обычно на животе и голове, очень болезненные. Все умирали молодыми, задолго до срока, отмеренного людям природой, и многие умирали, крича от боли, как в период превращения из детей в гигантов. Эдди мог только гадать, скольким из этих идиотов, умиравших, как он понял, от рака, помогали уйти из этого мира или давали такие сильные обезболивающие, что они просто лежали пластом, ничего не чувствуя. Таких вопросов задавать не принято, но

он полагал, что многим. Роланд иной раз произносил слово delah, обычно сопровождая его взмахом руки в сторону горизонта.

Много.

Гости из Кальи, объединенные общим горем, могли бы и дальше одну за другой рассказывать свои печальные истории, но Роланд им этого не позволил.

– Теперь поговорим о Волках, прошу вас. Сколько их обычно приходит?

– Сорок, – ответил Тиан Джеффордс.

– Если брать всю Калью? – переспросил Слайтман-старший. – Нет, больше, чем сорок, – посмотрел на Тиана и продолжил таким тоном, словно извинялся: – Тебе было только девять, когда они приходили в последний раз, Тиан. Мне – больше двадцати. В город действительно приходило порядка сорока, но другие отправились на дальние ранчо и фермы. Думаю, их было никак не меньше шестидесяти, Роланд-сэй, может, и все восемьдесят.

Роланд посмотрел на Оуверхолсера, приподняв брови.

– Прошло двадцать три года, ты понимаешь, – ответил тот на невысказанный вопрос, – но думаю, порядка шестидесяти.

– Вы называете их Волками, но кто они на самом деле? Люди? Или что-то еще?

Оуверхолсер, Слайтман, Тиан, Залия... на мгновение Эдди почувствовал, как между ними установилась телепатиче-

ская связь, буквально услышал их мысли. И особенно остро почувствовал свое одиночество, свою непричастность, как бывает, когда видишь парочку, целующуюся на углу: они обнимаются, смотрят друг другу в глаза, тонут в них, окружающий мир для них просто не существует. Но ведь у него теперь не должно возникать таких чувств, не так ли? У него появился свой ка-тет, было с кем обмениваться мыслями, обходясь без слов. Не говоря уже про женщину, которая принадлежала только ему.

Тем временем Роланд нетерпеливо взмахнул рукой, этот жест Эдди уже хорошо знал: «Скорее, дорогие мои, время уходит».

– Никто не может сказать наверняка, кто они, – ответил Оуверхолсер. – Выглядят как люди, но носят маски.

– Волчьи маски, – уточнила Сюзанна.

– Ага, леди, волчьи маски, серые, как их лошади.

– Вы говорите, они все приезжают верхом на серых лошадях? – спросил Роланд.

На этот раз пауза была короче, но Эдди все равно уловил обмен мыслями, хотя, похоже, консультироваться им было не о чем: все знали одно и то же.

– Ага, – ответил за всех Оуверхолсер. – Все на серых лошадях. Они носят серые штаны, которые выглядят как кожа. Черные сапоги с большими стальными шпорами. Зеленые плащи с капюшонами. И маски. Мы знаем, что это маски, ведь иногда при отъезде они их оставляют. Вроде бы сде-

ланы они из стали, но на солнце начинают гнить и разлагаться, как плоть. Мерзкие штуковины.

– Ага.

Оуверхолсер бросил на него, по разумению Эдди, оскорбительный взгляд, как бы спрашивая: «Ты тугодум или глупец?» И тут подал голос Слайтман:

– Их лошади мчатся как ветер. Некоторые Волки сажают одного ребенка перед собой, а второго сзади.

– Ты это утверждаешь? – спросил его Роланд.

Слайтман энергично кивнул.

– Говорю богам спасибо. – Он увидел, как Каллагэн вновь начертил в воздухе крест, и добавил: – Извини, Старик.

Каллагэн пожал плечами.

– Ты жил здесь до меня. Призывай всех богов, каких хочешь, но только не забывай, что я их всех полагаю ложными.

– И они приходят из Тандерклепа. – Тираду Каллагэна Роланд проигнорировал.

– Ага, – кивнул Оуверхолсер. – И отсюда видно, где это. В сотне колес отсюда. – Он указал на юго-восток. – Леса заканчиваются вместе с горами. Выйдя из них, мы увидим перед собой всю Восточную равнину, а за ней – великую тьму, словно грозовое облако на горизонте. А ведь говорят, Роланд, что когда-то давно в той стороне человек мог увидеть вершины гор.

– Как Скалистые горы из Небраски, – выдохнул Джейк.

Оуверхолсер повернулся к нему:

– Ты о чем это, Джейк-са²⁷?

– Ни о чем. – Джейк смущенно улыбнулся крупному фермеру. Эдди, однако, отметил, как Оуверхолсер назвал Джейка. На сзя мальчик не потянул, стал са. Ничего особенного, но все-таки любопытно.

– Мы слышали о Тандерклепе, – изрек Роланд. Начисто лишенный эмоций голос нагонял страх, и Эдди обрадовался, почувствовав, как пальцы Сюзанны нашли его руку.

– Это страна вампиров, привидений и чудовищ, так говорят истории. – Голос Залии вибрировал от страха. – Разумеется, истории эти давние...

– Истории правдивые, – вмешался Каллагэн. И в его грубом голосе Эдди без труда уловил страх. Очень уж явственно он слышался. – Вампиры есть, остальные твари, наверное, тоже, и Тандерклеп – их гнездо. В другой раз мы сможем поговорить об этом подробнее, стрелок, если захочешь. А сейчас только послушай, прошу тебя: о вампирах я знаю многое. Мне не известно, отвозят ли Волки детей Кальи к ним, думаю, что нет, но вампиры есть, это точно!

– Почему ты говоришь так, будто я в этом сомневаюсь? – спросил Роланд.

Каллагэн опустил глаза.

– Потому что многие сомневаются. Я сам сомневался. Очень даже сомневался, и... – у него перехватило дыхание.

²⁷ Кинг вводит новое слово «soh», обыгрывая стандартное английское «son» – сын, сынок. Переводчику ничего не остается, как следовать за ним.

Он откашлялся, а потом продолжил едва слышным шепотом: — ...и был за это наказан.

Роланд несколько мгновений посидел, обхватив руками колени, покачиваясь взад-вперед. Потом задал Оуверхолсеру очередной вопрос:

— В какое время они приходят?

— Моего брата, Уэлленда, они взяли утром, — ответил фермер. — Вскоре после завтрака. Я помню, потому что Уэлленд спросил нашу мать, можно ли ему взять в подвал чашку кофе. Но последний раз... когда они взяли сестру Тиана и брата Залии и многих других...

— Я потерял двух племянниц и племянника. — Слайтман-старший тяжело вздохнул.

— ...они пришли незадолго по полуденного удара колокола в Зале собраний. Мы знаем день, потому что его знает Энди, и он нам его сообщает. Потом мы слышим топот копыт их лошадей, доносящийся с востока, видим поднимаемый ими шлейф пыли.

— Значит, вы знаете, когда они приходят, — кивнул Роланд. — Вы знаете об этом по трем признакам: слово Энди, топот копыт и шлейф пыли.

Оуверхолсер, по-своему истолковав слова Роланда, густо покраснел, от шеи до корней волос.

— Они приходят вооруженными, Роланд, понимаешь? С винтовками, револьверами вроде твоего, гранатами и другим оружием. Наводящим ужас оружием Древних людей. Луче-

выми трубками, которые убивают при прикосновении, летающими жужжащими металлическими шарами, мы называем их стрекотунами или лопастиками. Дубинками, которые обжигают кожу и останавливают сердце... может, электрическими, может...

Следующее слово, которое произнес Оуверхолсер, Эдди расслышал как «Ант-НОМИК». Поначалу подумал, что тот пытался сказать «анатомия». Мгновение спустя осознал, что слово это скорее всего «атомные».

– После того как шары-детекторы засекают твое присутствие, они нагоняют тебя, как бы быстро ты ни бежал, – воскликнул Слайтман-младший. – А потом хватают, как бы ни пытался вырваться. Так, папа?

– Ага, – подтвердил тот. – И лопасти на этих металлических шарах вращаются так быстро, что человеческий глаз не может их увидеть. А того, кто попадает под них, просто рассекают.

– Все на серых лошадях, – размышлял Роланд. – Все лошади одного цвета. Что еще вам известно?

По всему выходило, что ничего. Они рассказали все. Волки появлялись в день, названный Энди. В течение ужасного часа, может, чуть дольше, Калью оглашал топот копыт серых лошадей и крики несчастных родителей. Развевались зеленые плащи. Скалились волчьи маски, напоминавшие металл, но гниющие на солнце, как плоть. Детей увозили. Случалось, что некоторых близнецов пропускали, что говорило

лишь о сбоях в работе детекторов. Однако в принципе работали они чертовски хорошо, думал Эдди, поскольку Волки быстро находили детей, которых родные или пытались увезти (что случалось достаточно часто), или прятали дома (практически всегда). Их вытаскивали и из-под куч свеклы, и из-под стогов сена. Тех из жителей Кальи, кто пытался сопротивляться, пристреливали, сжигали лучевыми трубками (лазерами?) или разрубали на куски лопастями. Позже, стараясь все это себе представить, Эдди вспомнил кровавый фильм, на который как-то затащил его Генри. Назывался фильм «Фантазм»²⁸, показывали его в «Маджестике», на углу Бруклин- и Марки-авеню. Как и многое в его прежней жизни, «Маджестик» пахивал мочой, попкорном и вином, которое продавалось в пакетах. Иногда в проходах валялись иглы от шприцев. Эдди понимал, что это не делает ему чести, но иногда, обычно ночью, когда сон никак не шел, в глубине души он тосковал о прежней жизни, частью которой был «Маджестик». Тосковал, как украденный ребенок тоскует о матери.

Детей забирали, топот копыт смолкал, Волки исчезали, чтобы появиться вновь уже при жизни следующего поколения.

– Как такое может быть? – воскликнул Джейк. – Они же привозили детей назад, не так ли?

– Нет, – ответил Оуверхолсер. – Рунты возвращались на

²⁸ «Фантазм» – культовый фильм 1979 г. Режиссер Дон Коскарелли.

поезде, слушайте меня, их тут у нас целое кладбище, и... что? Что я такого сказал? – Рот Джейка раскрылся, он побледнел как мел.

– Совсем недавно поезд доставил нам очень уж много неприятностей, – ответила за мальчика Сюзанна. – Ваших детей привозили на монорельсовых поездах?

Выяснилось, что нет. Оуверхолсер, Джеффордсы и Слайтманы понятия не имели, что такое монорельсовый поезд (Каллагэн, в детстве побывавший в «Диснейленде», имел). Поезда, привозившие детей, состояли из старенького локомотива («Надеюсь, ни один из них не назывался «Чарли», – подумал Эдди), в кабине которого не было машиниста, и одной или двух открытых платформ. На них, сбившись в кучку, сидели дети. Плачущие от страха, обожженные солнцем, поскольку к западу от Тандерклепа небо редко закрывали тучи, сидящие среди еды и собственного засыхающего дерьма, обезвоженные. Станции на железной дороге не было, хотя Оуверхолсер и предположил, что когда-то, столетия назад, она и существовала. Как только детей снимали с платформ, жители Кальи подгоняли лошадей и стаскивали короткие поезда с рельсов. Эдди пришла в голову мысль, что они могли определить число набегов Волков по количеству ржавых локомотивов, как подсчитывают возраст спиленного дерева по кругам на пне.

– Сколь долго могла длиться их поездка? – спросил Роланд. – Судя по состоянию, в котором они пребывали.

Оуверхолсер посмотрел на Слайтмана, потом на Тиана и Залию.

– Два дня? Три?

Они пожали плечами и кивнули.

– Два или три дня. – Теперь Оуверхолсер повернулся к Роланду; уверенности в его голосе прибавилось, потому что он чувствовал молчаливую поддержку остальных: – Достаточно долго, чтобы обгореть на солнце и съесть большую часть оставленной им еды...

– И обделаться этой едой, – пробурчал Слайтман.

– ...но не столь долго, чтобы умереть от жары и жажды.

Если ты спрашиваешь, на каком расстоянии от Кальи находится место, куда их увозили, то едва ли я смогу ответить на твой вопрос. Никто не знает, с какой скоростью этот поезд пересекал равнину. К Калье он подъезжал тихим ходом, но это скорее всего ничего не значит.

– Пожалуй, не значит, – согласился Роланд. Чуть задумался. – Осталось двадцать семь дней?

– Уже двадцать шесть, – ответил Каллагэн.

– Одно «но», Роланд. – Голос Оуверхолсера звучал виновато, однако он воинственно выпятил челюсть. И, по мнению Эдди, вновь стал неприятным типом, с первого взгляда вызывающим отрицательную реакцию. С другой стороны, Эдди никогда не питал особой любви к власти имущим.

Роланд вопросительно изогнул бровь.

– Мы еще не сказали «да». – Оуверхолсер взглянул на

Слайтмана-старшего как бы в поисках поддержки, и тот кивнул.

– Ты должен понимать, мы никак не можем знать наверняка, тот ли ты, за кого себя выдаешь, – с теми же извиняющимися нотками в голосе заговорил Слайтман. – В моей семье не было книг, нет их и на ранчо – я руковожу ковбоями на «Рокинг Би» Эйзенхарта, – за исключением племенных книг, но в детстве и юности я, как и любой мальчишка, слышал множество историй о Гилеаде, стрелках, Артуре Эльдском... слышал об Иерихонском Холме и другие кровавые истории... но я никогда не слышал о стрелке без двух пальцев на правой руке, или о стрелке – чернокожей женщине, или о стрелке, щеки которого еще не знали бритвы.

На лице его сына отражались ужас, замешательство, смущение. Слайтман и сам заметно смутился, но продолжил:

– Прошу извинить меня, если мои слова покажутся тебе оскорбительными, у меня и мыслей таких нет...

– Слушайте его, слушайте его внимательно, – пробурчал Оуверхолсер. Эдди подумал, что его нижняя челюсть просто выскочит, если крупный фермер продвинет ее вперед еще хоть на миллиметр.

– ...но любое наше решение будет иметь очень серьезные последствия. Ты сам должен понимать, что это так. Если мы примем неправильное решение, итогом станет гибель нашего городка и всех его жителей.

– Я просто не верю своим ушам! – воскликнул Тиан

Джеффордс. – Ты думаешь, он – самозванец? Добрые боги, да разве ты не видишь, кто он? Разве ты...

Залия схватила его за руку и так крепко сжала, что на загорелой коже остались отметины от ее пальцев. Тиан посмотрел на нее и замолчал, плотно сжав губы.

Где-то вдали каркнула ворона, ей пронзительным воплем ответила расти. На поляне воцарилась мертвая тишина. Один за другим они повернули головы к Роланду из Гилеада, ожидая его ответа.

5

«Всегда и везде все одинаково, – устало подумал он. – Им требуется помощь, но они хотели бы и рекомендательные письма. А лучше – живых свидетелей. Они хотят спастись, ничем не рискуя. Просто закрыть глаза, а открыть их уже спасенными».

Роланд какое-то время качался взад-вперед, обхватив колени руками. Потом кивнул сам себе и поднял голову.

– Джейк, подойди ко мне.

Джейк взглянул на Бенни, своего нового друга, поднялся, подошел к Роланду. Ыш, как всегда, шагал рядом.

– Энди, – позвал Роланд робота.

– Сэй?

– Принеси четыре тарелки, из которых мы ели. – Когда Энди принес тарелки, Роланд обратился к Оуверхолсеру: –

Вы останетесь без этих тарелок. Когда стрелки приходят в город, что-то да разбивается. Такова жизнь.

– Роланд, я не думаю, что мы нуждаемся...

– А теперь тихо. – И хотя Роланд говорил очень мягко, Оуверхолсер тут же замолчал. – Вы рассказали свою историю; теперь черед рассказывать нашу.

Тень Энди падала на Роланда. Стрелок посмотрел на робота, взял тарелки, еще не вымытые, блестящие от жира. Повернулся к Джейку, с которым произошла разительная перемена. Сидя рядом с Бенни-Малышом, наблюдая, как Ыш исполняет свои трюки, и раздуваясь при этом от гордости, Джейк ничем не отличался от любого двенадцатилетнего мальчика, беззаботного и веселого. Теперь улыбка исчезла, и возраст Джейка как-то разом стал неопределенным. Синие глаза смотрели на Роланда, цветом практически не отличаясь от глаз стрелка. Рукоятка «ругера», который он взял из стола отца в другой жизни, по-прежнему торчала из самодельной кобуры. Но вот кожаную петлю, закрывавшую спусковой крючок, Джейк, не отдавая себе отчета, распустил. На это ушло мгновение.

– Повтори свой урок, Джейк, сын Элмера, и будь крепок в нем.

Роланд где-то ожидал, что Эдди или Сюзанна вмешаются, но они не произнесли ни слова, не шевельнулись. Он посмотрел на них. Лица такие же холодные и суровые, как и у Джейка. Хорошо.

В голосе Джейка не слышалось эмоций, но слова звучали ясно и четко:

– Я не целюсь рукой; тот, кто целится рукой, забыл лицо своего отца. Я целюсь глазом. Я не стреляю рукой...

– Я не понимаю... – начал Оуверхолсер.

– Заткнись, – бросила ему Сюзанна и наставила на него палец.

Джейк, казалось, их и не слышал. Его глаза не отрывались от глаз Роланда. Правая рука мальчика с растопыренными пальцами лежала на груди.

– ...Тот, кто стреляет рукой, забыл имя своего отца. Я стреляю разумом. Я не убиваю оружием; тот, кто убивает оружием, забыл имя своего отца.

Джейк замолчал. Набрал полную грудь воздуха. Закончил:

– Я убиваю сердцем.

– Убей их, – приказал Роланд и высоко подбросил четыре тарелки. Вращаясь, они разлетелись в разные стороны, черные круги на фоне белесого неба.

Рука Джейка, только что спокойно лежавшая на груди, обрела невероятную скорость. Пальцы охватили рукоятку «ругера», вытащили его из кобуры, подняли вверх и начали нажимать на спусковой крючок еще до того, как Роланд опустил руку, подбросившую тарелки. И они разлетелись вдребезги словно бы не одна за другой, а одновременно. Осколки посыпались на поляну. Несколько упало в догорающий ко-

стер, выбив фонтанчики искр. Один или два со звоном отскочили от стальной головы Энди.

Роланд вскочил, и его руки задвигались с той же невероятной скоростью. Эдди и Сюзанна, хотя и не получили соответствующей команды, повторили его маневр, тогда как посланцы Кальи Брин Стерджис сжались, вобрав головы в плечи, испуганные и громкостью выстрелов, и скорострельностью Джейка.

– Посмотрите на нас, прошу вас и говорю спасибо вам. – Роланд вытянул руки. То же самое сделали Эдди и Сюзанна. Эдди поймал три глиняных черепка. Сюзанна – пять (один порезал ей подушечку пальца). Роланд – дюжину. Их хватило бы, чтобы собрать одну тарелку.

Шестеро из Кальи не верили своим глазам. Бенни-Малыш все еще зажимал руками уши; теперь он их медленно опустил. А на Джейка смотрел, как на призрака или небесного пришельца.

– Боже мой, – выдохнул Каллагэн. – Прямо-таки трюк из шоу «Дикий Запад»²⁹.

– Это не трюк, – возразил Роланд, – никогда так не думай. Это путь Эльда. Мы – ка-тет, по праву и крови, ка и кхефу. Мы – стрелки, пора это понять. А теперь я скажу вам, что мы

²⁹ Шоу «Дикий Запад» – цирковое представление о Диком Западе. Включало скачки, стрельбу, элементы родео и охоты на бизонов. Первое представление прошло в 1883 г. Труппа с успехом гастролировала по всей стране и в Европе до 1916 г., затем интерес к шоу упал из-за конкуренции со стороны кинематографа. Попытки возродить шоу в 1933 и 1938 гг. не увенчались успехом.

сделаем. – Его взгляд нашел глаза Оуверхолсера. – Что мы сделаем, говорю я, и ни один человек не сможет нам помешать. Однако, думаю, мои слова не поставят вас в неудобное положение. А если вдруг поставят... – Роланд пожал плечами, как бы говоря: «Если поставят, тем хуже для вас».

Он бросил глиняные черепки на землю и стряхнул пыль с ладоней.

– Если б это были Волки, из шестидесяти их осталось пятьдесят шесть. Четверо лежали бы мертвыми до того, как вы успели вдохнуть. Убитые мальчиком. – Он кивнул в сторону Джейка. – Да только мальчик он лишь внешне. – Роланд помолчал. – Мы привыкли к численному перевесу противника.

– Этот юнец – потрясающий стрелок, – признал Слайтман-старший. – Но есть разница между глиняными тарелками и конными Волками.

– Для тебя, сэй, возможно. Но не для нас. Во всяком случае, после того как началась стрельба. После того как началась стрельба, мы убиваем все, что движется. Не потому ли вы искали нас?

– А если их нельзя подстрелить? – спросил Оуверхолсер. – Если их нельзя свалить выстрелом из самого крупного калибра?

– Зачем ты тратишь время, если его в обрез? – спросил его Роланд. – Ты ведь знаешь, что их можно убить, иначе вы не пришли бы сюда. Я не спрашивал, потому что ответ

очевиден.

Оуверхолсер вновь густо покраснел.

– Прошу меня простить.

Бенни тем временем продолжал смотреть на Джейка широко раскрытыми глазами, и Роланд даже пожалел мальчиков. У них уже завязалась дружба, а случившееся все изменило кардинальным образом, показало, что между ними не год-другой разницы в возрасте, а пропасть. Печально, конечно, потому Джейк, если от него не требовалось стать стрелком, оставался самым обычным мальчишкой. Сам Роланд был немногим старше, когда его вынудили сдать экзамен на право зваться мужчиной. Вот и Джейку вскорости предстояло повзрослеть. Жаль, конечно, но что делать?

– А теперь слушайте меня, – заговорил Роланд, – и слушайте внимательно. Сейчас мы вернемся в свой лагерь и проведем совет. Завтра, придя в ваш город, мы остановимся у одного из вас...

– Приходите в «Семь миль», – предложил Оуверхолсер. – Мы с радостью примем тебя и твой ка-тет, Роланд.

– Наш дом гораздо меньше, – сказал Тиан, – но Залия и я...

– Мы будем очень рады принять вас у себя, – перебила его Залия, покраснев так же сильно, как и Оуверхолсер. – Ага, очень рады.

– У тебя есть не только церковь, но и дом, сэй Каллагэн? – спросил Роланд.

Каллагэн улыбнулся.

– Есть, и я говорю спасибо тебе, Господи.

– Мы бы хотели провести первую ночь в Калья Брин Стерджис в твоём доме. Это возможно?

– Конечно, я говорю вам, добро пожаловать.

– Ты сможешь показать нам свою церковь. Приобщить нас к ее таинствам.

Каллагэн смотрел ему в глаза.

– С превеликой радостью это сделаю.

– А потом, – Роланд улыбнулся, – мы будем рассчитывать на гостеприимство вашего города.

– И не пожалеете об этом, – воскликнул Тиан. – Это я вам обещаю.

Оуверхолсер и Слайтман кивнули.

– Если трапеза, которой вы нас угостили, о чем-то говорит, тогда я в этом не сомневаюсь. Мы говорим спасибо тебе, сэй Джеффордс, спасибо всем и каждому. Неделю мы четверо будем ездить по городу, совать носы туда и сюда. Может, чуть дольше, но скорее всего неделю. Осмотрим территорию, поглядим, как расположены дома. Подумаем, как подготовиться к приходу Волков. Поговорим с людьми и люди поговорят с нами... те, кто сейчас здесь, поспособствуют этому, не так ли?

Каллагэн кивнул.

– Я не могу отвечать за Мэнни, но уверен, что остальные с радостью поговорят с вами о Волках. Бог и Человек-Иисус

знают, что они – не секрет. И жители Дуги насмерть ими напуганы. Если они увидят, что вы можете им помочь, то сделают все, о чем вы попросите.

– Мэнни тоже со мной поговорят, – ответил Роланд. – Мне уже приходилось иметь с ними дело.

– Не очень-то полагайся на энтузиазм Старика, Роланд. – Оуверхолсер вскинул пухлые руки, предостерегая от поспешности. – В городе есть люди, которых тебе придется убеждать...

– К примеру, Воун Эйзенхарт, – вставил Слайтман.

– Ага, и Эбен Тук, будь уверен. Ему принадлежит не только магазин, но и постоянный двор с рестораном... а также половина конюшни... и закладные на большинство мелких ферм. А если уж мы заговорили о мелких фермерах, то нельзя забывать про Баки Хавьера. Земли у него немного, но только потому, что половину он отдал своей младшей сестре, когда та вышла замуж. – Оуверхолсер наклонился к Роланду, горя желанием поделиться с ним эпизодом истории городка. – Роберте Хавьер, сестричке Баки, повезло. Когда Волки приходили в последний раз, ей и ее брату-близнецу не исполнилось и года. Поэтому их не тронули.

– А его брата, Бали, забрали, – добавил Слайтман. – Бали уже четыре года, как умер. От болезни. С той поры Баки готов для своей сестренки на все. Но тебе надо поговорить с ним, ага. Пусть у Баки всего восемьдесят акров, слово его очень весомо.

Роланд подумал: «Они не понимают».

– Спасибо вам, – ответил он. – Когда мы приедем, то будем в основном смотреть и слушать. Покончив с этим, попросим того, кто держит перышко, послать его по домам, чтобы созвать собрание. На собрании скажем вам, можно ли защитить город и сколько людей потребуется нам в помощь, если такое возможно.

Роланд заметил, что Оуверхолсер собрался что-то сказать, и покачал головой, останавливая его.

– В любом случае много народу нам не потребуется, – продолжил он. – Мы – стрелки, не армия. Думаем по-другому, действуем не так, как армия. Думаю, человек пять нам хватит с лихвой. Может, понадобятся только двое или трое. Но вот при подготовке потребуется более активная помощь.

– Почему? – спросил Бенни.

Роланд улыбнулся.

– Сейчас сказать не могу, сынок, потому что еще не видел вашей Кальи. Но в таких случаях сюрприз – наиболее действенное оружие, а для подготовки хорошего сюрприза обычно требуется много людей.

– Самым большим сюрпризом для Волков станет наша готовность сразиться с ними! – воскликнул Тиан.

– Допустим, вы решите, что защитить Калью нет никакой возможности? – спросил Оуверхолсер. – Что будет тогда, скажи, прошу тебя.

– Тогда я и мои друзья поблагодарим вас за гостеприим-

ство и поедем дальше, – ответил Роланд, – потому что наше дело ведет нас по Тропе Луча. – С мгновение он смотрел на враз опечалившиеся лица Тиана и Залии, потом добавил: – Однако не думаю, что так будет, знаете ли. Обычно возможность находится.

– И будем надеяться, что собрание одобрит твое решение, – вставил Оуверхолсер.

Роланд замялся. Настал момент, когда он, если бы хотел, мог бы объяснить им, что к чему. Если эти люди все еще верили, что четверку стрелков как-то свяжет решение, принятое фермерами и ранчерами на общем собрании, значит, они совершенно забыли, каким был прежний мир. Но так ли это плохо? В конце концов все вопросы как-то разрешатся и станут частью долгой истории. Или не разрешатся. А если не разрешатся, на том закончится и его история, и его путешествие, и он обретет вечный покой под могильным камнем в Калья Брин Стерджис. А может, его тело и тела его друзей останутся на земле где-то к востоку от города, и их мертвой плотьюсмогут полакомиться вороны и расти. Как скажет свое слово. Как говорила всегда.

Они все смотрели на него.

Роланд поднялся, поморщился от острой боли в правом бедре. Эдди, Сюзанна и Джейк тут же вскочили, словно получив беззвучный приказ.

– Мы хорошо поговорили. – Роланд обвел взглядом посланцев Кальи. – Что же касается будущего... даст Бог – бу-

дет и вода.

– Аминь, – откликнулся Каллагэн.

Глава 7

1

– Серые лошади, – сказал Эдди.

– Ага, – согласился Роланд.

– Пятьдесят или шестьдесят Волков, и все на серых лошадях.

– Ага, так они говорят.

– Не думаешь ли ты, что это как минимум странно, – промурлыкал Эдди.

– Нет. Им, похоже, так не кажется.

– А тебе?

– Пятьдесят или шестьдесят лошадей, все одного цвета? Я бы сказал, да, пожалуй.

– Эти ребята из Кальи сами разводят лошадей.

– Ага.

– Четырех привели нам, чтобы мы продолжили путь верхом. – Эдди, никогда в жизни не садившийся на лошадь, испытывал немалое облегчение от того, что какое-то время мог еще ходить на своих двоих, но говорить об этом не стал.

– Да, они стреножены и пасутся по другую сторону холма.

– Ты это точно знаешь?

– Уловил их запах. Думаю, за ними приглядывает робот.

– Почему эти люди воспринимают пятьдесят или шестьдесят лошадей, все до единой одного цвета, как само собой разумеющееся?

– Потому что не думают о Волках или о чем-то, с ними связанном, – ответил Роланд. – Все мысли блокируются страхом.

Эдди просвистел пять нот, которые никак не могли сложиться в мелодию.

– Серые лошади.

Роланд кивнул.

– Серые лошади.

Они переглянулись, потом рассмеялись. Эдди нравилось слушать смех Роланда. Сухой, хрипловатый, как отвратительные крики этих гигантских черных птиц, которых он называл расти... но ему нравился. Возможно, потому, что смеялся Роланд очень уж редко.

День клонился к вечеру. Над головой облака практически рассеялись, стали бледно-голубыми, почти в цвет неба. Посланцы Кальи остались в своем лагере. Сюзанна и Джейк пошли за сдобными шарами. После плотного обеда ничего другого на ужин есть не хотелось. Эдди сидел на бревне, что-то вырезая ножом. Роланд устроился рядом. Разобрал все оружие, разложил детали на куске оленьей шкуры. Одну за одной смазывал каждую, придирчиво осматривал, прежде чем положить обратно, готовую для сборки.

– Ты не сказал им, что они уже ничего не решают, – заме-

тил Эдди, – но они ведь ничего не поняли, точно так же, как и с этими серыми лошадьми. А ты не стал им ничего объяснять.

– Мои объяснения только расстроили бы их. В Гилеаде была поговорка: «Пусть зло ждет дня, на который оно должно пасть».

– Понятно, – протянул Эдди. – У нас в Бруклине тоже была поговорка: «С замшевого пиджака соплю не сотрешь». Он поднял деревяшку, которую резал. «Волчок, – подумал Роланд. – Игрушка для младенца». И задался вопросом: а что знает Эдди о женщине, с которой ложился каждую ночь? Женщинах. Что чувствует? – Если ты решишь, что мы сможем им помочь, тогда мы должны им помочь. Таков Путь Эльда, с которого нам не свернуть, не так ли?

– Да, – ответил Роланд.

– А если никто из них не захочет примкнуть к нам, мы сразимся с Волками одни.

– О, я об этом не беспокоюсь. – Роланд опустил край замшевой тряпки в блюдо, наполненное светлым, со сладким запахом, оружейным маслом. Взял зажимную пружину «ругера» Джейка, начал ее чистить. – Тиан Джеффордс примкнет к нам, это точно. Наверняка у него есть один или два приятеля, которые составят ему компанию, независимо от решения собрания. Как минимум это будет его жена.

– А если они погибнут, что будет с детьми? Их пятеро. Да еще один старик. Чей-то дед. Скорее всего Тиан и Залия

заботятся и о нем.

Роланд пожал плечами. Несколько месяцев назад Эдди ошибочно истолковал бы это движение, наряду с бесстрастным лицом, как безразличие. Теперь он знал – дело в другом. Роланд не мог выйти за рамки, установленные собственными правилами и традициями, точно так же, как он сам в другом мире не мог отказаться от очередной дозы героина.

– А если мы погибнем в этом маленьком городишке, схватившись с Волками? – спросил Эдди. – И какой будет тогда твоя последняя мысль? «Не могу поверить, что я повел себя как последний поц, отказавшись от поисков Темной Башни ради спасения сопливых детишек?» Что-то в этом роде?

– Если мы сойдем с пути истинного, то не приблизимся к Башне и на тысячу миль, – ответил Роланд. – Только не говори мне, что ты этого не чувствуешь.

Эдди такого сказать не мог, потому что чувствовал. Чувствовал он и кое-что еще: жажду крови. Его так и тянуло в драку. Хотелось увидеть нескольких Волков, кем бы они ни были, в прицеле большого револьвера Роланда. И чего уж там, от себя не скроешься: хотелось снять несколько скальпов.

Или волчьих масок.

– Что тебя тревожит, Эдди? Я бы хотел, чтобы ты поговорил со мной, пока мы вдвоем, ты и я. – Тонкие губы стрелка искривились в легкой улыбке. – Поговори, прошу тебя.

– Заметно, значит?

Роланд пожал плечами, ожидая продолжения.

Эдди вновь обдумал вопрос. Большой вопрос. Вопрос, подступаясь к которому, он чувствовал отчаяние и неспособность найти на него ответ, как уже было, когда ему пришлось вырезать ключ, чтобы «извлечь» Джейка Чемберза в этот мир. Только тогда он мог винить призрак старшего брата, Генри шептал в его голове, что он – никчемность, ничего никогда не мог, ничего и не сможет. Теперь же он остался один на один с вопросом Роланда. Потому что тревожило его все, все шло наперекосяк. Все. А может, наперекосяк – неправильно использованное слово, неправильное до наоборот. Потому что, если взглянуть с другой стороны, все шло очень уж хорошо, просто идеально, как в...

– А-р-р-г-г-г-х-х, – прорычал Эдди, обеими руками схватил себя за волосы, дернул. – Не знаю, как мне это сказать.

– Тогда скажи первое, что придет в голову. Сразу.

– Девятнадцать, – ответил Эдди. – Все вертится вокруг девятнадцати.

Повалился спиной на ковер из опавших листьев и иголок, закрыл глаза, задрогал ногами, как ребенок в истерике. «Может, убийство нескольких Волков приведет меня в чувство, – подумал он. – Может, это все, что мне требуется».

2

Роланд выжидал целую минуту, прежде чем спросить:

– Полегчало?

Эдди сел.

– Честно говоря, да.

Роланд кивнул, вновь чуть улыбнулся.

– Тогда ты можешь продолжить? Если нет, поставим на этом точку, но я уже знаю, что к твоим предчувствиям надобно относиться с должным вниманием, поэтому, если продолжишь, я тебя выслушаю.

Он говорил правду. Первоначально Эдди вызывал у стрелка разве что презрение, главным образом из-за слабости характера. Уважение пришло позже. После случившегося в кабинете Балазара, где Эдди сражался обнаженным. Мало кто из знакомых Роланду мужчин был способен на такое. Уважение росло по мере того, как Роланд находил в Эдди все больше общего с Катбертом. А потом в поединке с Моно Эдди проявил изобретательность, которой Роланд мог только восторгаться, зная, что до таких высот ему не подняться никогда. Эдди Дин обладал завораживающей, пусть иногда и раздражающей, способностью смешить людей, свойственной Катберту Олгуду, но при этом, как и Ален Джонс, мог многое предчувствовать, предугадывать. Конечно же, Эдди разительно отличался от прежних друзей Роланда. Иногда проявлял слабость, эгоизм, но храбрости ему было не занимать, а храбрость – добрая сестра того, что Эдди, случалось, называл «сердцем».

Вот на его интуицию и рассчитывал сейчас Роланд.

– Ладно, хорошо, – кивнул Эдди. – Но не останавливай меня. Не задавай вопросов. Только слушай.

Роланд кивнул. Надеюсь, что Сюзанна и Джейк не вернутся в ближайшее время.

– Я смотрю на небо, туда, где облака сейчас расходятся, и вижу число девятнадцать, написанное синим.

Роланд поднял голову. Да, было там число девятнадцать. Он тоже его увидел. Но еще увидел и облако в форме черепахи, и разорванные облака, похожие на телегу, груженную мешками.

– Я смотрю на деревья и вижу число девятнадцать. В огне вижу девятнадцать. Имена с фамилиями дают в сумме девятнадцать, как у Оуверхолсера и Каллагэна. Но это только то, что я могу сказать, что я могу увидеть, за что могу ухватиться. – Эдди строчил как из пулемета, отчаянно глядя на Роланда. – Есть и кое-что еще. Связанное с Прыжком. Я знаю: и ты, и Сюзи, да и Джейк иногда думаете, что мне все напоминает приход, и, возможно, в этом есть доля истины, но Роланд, войти в Прыжок – все равно что ширнуться.

О своих наркотических впечатлениях Эдди всегда говорил с Роландом так, будто тот за свою долгую жизнь не пробовал ничего крепче грэфа, хотя на самом деле все обстояло иначе. При случае он мог бы напомнить ему об этом, но не сейчас.

– Пребывание в твоём мире... это тот же Прыжок. Потому что... ах, ну до чего трудно... Роланд, все здесь кажется

реальным, но это не так.

Роланд подумал, а не напомнить ли Эдди, что это не его мир. Для него город Лад стал концом Срединного мира и началом новых миров, в которых он никогда не бывал... но вновь не раскрыл рта.

Эдди набрал пригоршню опавших иголок и листьев, оставив на лесном ковре черные следы пальцев. Все настоящее. Я могу почувствовать, понюхать. – Он поднес руку ко рту, коснулся языком иголок. – Попробовать на вкус. И при этом все это нереально, как число девятнадцать, которое ты видишь в огне, или облако на небе, похожее на черепаху. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Я понимаю тебя очень хорошо, – пробормотал Роланд.

– Люди настоящие. Ты... Сюзанна... Джейк. Этот Гашер, который умыкнул Джейка... Оуверхолсер и Слайтманы. Но огрызки моего мира, которые то и дело показываются здесь, вот что нереально. К тому же лишено здравого смысла и нелогично, но я не к тому. Это просто нереально. Почему люди здесь поют «Эй, Джуд»? Я не знаю. Этот медведь-киборг, Шардик... откуда я знаю его имя? Почему он напоминает мне о кроликах? А это дерьмо с Волшебником страны Оз, Роланд... все это с нами произошло наяву, я в этом не сомневаюсь, но одновременно и не воспринимаю случившееся как нечто реальное. Похоже на Прыжок. Похоже на девятнадцать. А что происходит после Зеленого дворца? Мы идем по лесу, прямо-таки как Гензель и Гретель. К нашим

услугам дорога, по которой мы можем идти. Сдобные шары, которые мы можем собирать. Цивилизация погибла. Все летит в тартарары. Ты нам так говорил. Мы видели это в Ладе. Да только знаешь, что я тебе скажу? Не погибла! Черта с два! Живет – не тужит!

Эдди коротко рассмеялся. Пронзительно, с истерическими нотками. Откинул волосы со лба, оставив на коже темные пятна земли.

– Вряд ли кто бы мог такое себе представить. Здесь, у черта на куличках, где по определению ничего цивилизованного быть не может, мы наталкиваемся на городок из книги. Культурный. Приличный. С жителями, которых ты вроде бы знаешь. Возможно, не все тебе нравятся, Оуверхолсер, скажем, не подарок, но ты чувствуешь, что знаешь их.

«Тут Эдди прав», – подумал Роланд. Он еще не видел Калю Брин Стерджис, но городок уже напомнил ему Меджис. С одной стороны, понятно почему: все городки, населенные фермерами и ранчерами, похожи друг на друга, где бы они ни располагались. Но ведь кое-что истораживало. Скажем, сомбреро Слайтмана. Как могло произойти, что здесь, за тысячи миль от Меджиса, мужчины носили такие же шляпы? Он не знал, как ответить на этот вопрос, но могло. Потому что сомбреро Слайтмана ничем не отличалось от сомбреро Мигуэля, старого музыканта из Дома-на-Набережной в Меджисе? Или одинаковыми их делало только его воображение?

«Что касается воображения, Эдди говорит, его у меня нет», – подумал он.

– Перед городком из книжки стоит проблема из сказки, – продолжал Эдди. – И жители книжного городка зовут отряд киношных героев, чтобы те спасли их от сказочных злодеев. Я знаю, все это реально... людям предстоит умереть, этого не избежать, прольется настоящая кровь, крики будут настоящими, и слезы потом тоже будут настоящими... но в то же время меня не покидает ощущение, что все это не более реально, чем театральные декорации.

– А Нью-Йорк? – спросил Роланд. – Каким ты почувствовал его?

– Таким же, – ответил Эдди. – Смотри, что получается. На столе остается девятнадцать книг, после того как Джейк забрал «Чарли Чу-Чу» и книгу загадок... а потом, как по мановению волшебной палочки, в магазине появляется Балазар! Этот хер моржовый!

– Эй, эй! – воскликнула за их спинами Сюзанна. – Мальчики, давайте без ругательств!

Джейк толкал по дороге коляску. На коленях Сюзанны лежали сдобные шары. Оба выглядели веселыми и счастливыми. Роланд предположил, что хорошему настроению в немалой степени способствовал обильный обед.

– Иногда чувство нереальности исчезает, не так ли?

– Это не совсем нереальность, Роланд. Это...

– Давай не вдаваться в подробности. Иногда оно исчезает.

Не так ли?

– Да, – ответил Эдди. – Когда я с ней.

Он подошел к ней. Наклонился. Поцеловал. Роланд наблюдал за ними, встревоженный.

3

Свет уходил вместе с днем. Они сидели у костра, наблюдая за его уходом. Легкое чувство голода, возникшее к вечеру, вполне утолили сдобные шары, принесенные Сюзанной и Джейком. Роланд погрузился в глубокое раздумье, причиной которого послужили несколько слов Слайтмана-старшего. Потом вскинул голову, оглядел свой ка-тет.

– Некоторые из нас, может, и все, возможно, встретятся этой ночью в Нью-Йорке.

– Я только надеюсь, что на этот раз мне удастся попасть туда, – сказала Сюзанна.

– Как решит ка, так и будет, – ответил Роланд. – Самое главное – мы должны держаться вместе. Если только один из нас попадет сегодня туда, думаю, это будешь ты, Эдди. Если только один из нас попадет туда, ему... может, ей... надо оставаться на месте, пока вновь не зазвучит эта мелодия, эти колокола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.